

АНОНИМ О ВОЕННЫХ ДЕЛАХ

Под общей редакцией
А. К. Нефёдкина

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2014

СЕРИЯ
АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИСТОЧНИКИ

Серия
основана О. Л. Абышко
в 1992 г.

ANONYMI AUCTORIS
DE REBUS BELLICIS

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(37).08:355
ББК 63.3(0)32
А69

Аноним. О военных делах / под общ. ред. А. К. Нефёдкина ; пер. А69 с лат. А. К. Нефёдкина; комм. А. Б. Егорова, И. Ф. Каюмова, А. В. Козленко, А. К. Нефёдкина, М. Н. Серафимова; статьи М. Н. Серафимова, В. Либешюца. — СПб. : Алетейя, 2014. — 248 с., [8] с. цв. ил. — (Серия «Античная библиотека. Источники»).

ISBN 978-5-91419-813-5

Анонимный автор трактата «О военных делах» второй половины IV в. н. э. предлагает императорам Римской империи осуществить ряд финансовых и военных реформ, которые должны, по его мнению, привести к улучшению экономической системы и укрепить ее обороноспособность. О самом авторе сочинения ничего не известно, возможно, он был чиновником. Книга снабжена переводом трактата, обширными комментариями и латинским текстом оригинала.

УДК 94(37).08:355
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-91419-813-5

- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2014
- © А. К. Нефёдкин, перевод на русский язык, 2014
- © А. Б. Егоров, И. Ф. Каюмов, А. В. Козленко,
А. К. Нефёдкин, М. Н. Серафимов, комментарии, 2014
- © М. Н. Серафимов, В. Либешюца, статьи, 2014

Аноним. О военных делах*

Введение¹

(1) Постоянно хранимое небом благополучие вашего счастливого государства, священнейшие принцепсы², следует подкреплять в подходящие времена, дабы божественные планы укреплялись божественными успехами. (2) Поэтому, согласно способности ума, одну главу в этой книжке о пользе раздач³ я составил не потому, что она была бы достаточно для столь неизмеримой пользы, но чтобы из этого предварительного свидетельства моей посредственности могла проявиться верность в прочих полезных *делах*. (3) Ввиду этого, чтобы верность, отвечающая обещанию, не отяготила бы в дальнейшем, словно ложь, я сам согласно знанию истины прошу себе наказания вместо награды, если обещание исполнилось бы наоборот; и чтобы похвала или <награда> не последовали бы мне, поскольку с этой стороны достаточно будет избежать негодования за дерзость. (4) Но пусть будет дозволено, *чтобы* глава государства узнал пожелания от частного лица, поскольку польза дел подчас скрывается от него, *когда он их рассматривает*. (5) Следователь-

* Перевод с латинского сделан А. К. Нефёдкиным под редакцией А. Б. Егорова по изданию: Anonymi auctoris de rebus bellicis / Recensuit R. I. Ireland. Leipzig, 1984. О рукописной традиции см. статью М. Н. Серафимова в настоящем издании. На русском языке уже был издан перевод А. С. Лазарева (1999: 104–115), который, впрочем, был опубликован в труднодоступном малотиражном челябинском журнале. Этот перевод был сделан с устаревшего на сегодняшний день издания Э. Томпсона, где дана своя нумерация параграфов, отличная от издания 1984 г. (Thompson 1952). Кроме того, перевод А. С. Лазарева снабжен ограниченным числом примечаний, тогда как в настоящей работе имеется более обширный комментарий. В данной работе переводчик стремился сохранить, насколько это возможно, своеобразный неуклюжий стиль первоисточника, поэтому читать его будет не совсем легко, что, впрочем, не должно отпугнуть заинтересованного читателя, для которого важно содержание, а не форма. А таковых, думается, большинство. Ведь просто для эстетического удовольствия вряд ли кто-то будет просматривать данное специфическое произведение.

но, иногда должны быть приглашены те, кто доказал, что правильно мог что-либо оценить, ведь, как утверждает лучший оратор⁴, большая часть людей устремляется к тому, кого природа одарила умом. (6) В каком деле всегда следует рассматривать *то*, что каждый скорее думает, чем говорит, ибо всем известно, что ни высшая знатность и ни изобилие состояний либо должности, опирающиеся на трибуналы⁵, либо красноречие, приобретенное образованием, не влекут за собой пользы для наук (среди которых находится еще и изобретение оружия), но только величина ума (которая есть мать всех достоинств), опирающаяся на счастливый *дар* природы. (7) Притом мы видим, что это происходит без выбора людей, ведь варварские народы, хотя и не сильны даром слова и не прославились *своими* достоинствами, считаются все же менее всего чуждыми изобретениям вещей, когда природа *им* помогает⁶.

(8) Вот почему, милосерднейшие принцепсы, вы, которые в *своем* постоянном счастье уважаете славу доброго мнения; вы, которые продолжаете в сыновьях должное состояние римского имени, удостоите рассмотрения то, что привнесло в наши мысли благоприятное провидение божества. (9) Итак, когда все — то ли неся военную службу для вашего милосердия, то ли довольствуясь частным образом жизни или земледельцы — землей, то ли купцы, занимаясь барышами от торговли, радуются счастью вашего века, вы узнаете из этого труда полезные для каждого *из них вещи*, изображения которых под разными заголовками в подходящих для каждого местах освидетельствует нижеследующая речь. (10) Ибо мы сообщим, каким образом, отпустив половину налогов, земледелец имел бы крепость *собственного* имущества в провинциях⁷; отчего еще, когда прекратятся несправедливости в оценке податей, житель, *находящийся* в безопасности *благодаря* возведенным укреплениям лагерей, прославлял бы безлюдность границ; еще каковым способом удвоился бы объем золота и серебра без ущерба для дающих; и на каком основании сверх обычной выдачи ликовал бы одаренный почестями воин. (11) Мы сочли, что к этому еще следует добавить *и* то, что будет полезно для нужд войн для обеспечения победы на суше и на море; ради *же* уменьшения *возможного* пренебрежения мы сообщаем о некоторых изобретениях машин. (12) Итак, мы объясним, что быстрейший род либурны превосходит десять *других* кораблей благодаря могуществу разума так, что они затопляются ею без помощи какого-либо волнения *на море*. (13) Однако *и* для сухопутных столкновений была придумана такая хитрость, что конь, *когда* он то ли устремляется, чтобы прорвать линию *врага*, то ли им преследуются бегущие, снаряжается с таким искусством, что, подстегивая сам себя без какой-либо команды, производит великие опустошения среди врагов.

(14) Также *и* для препятствий *со стороны* рек было изыскано наименее обременительное для подвоза изобретение нового моста⁸, ибо этот мост, необходимый для потоков и болот, перенесут очень немногие люди либо выючные животные, числом около пятидесяти.

(15) Итак, из того, что мы сообщили, уже, как я полагаю, предвосхищая будущее, я сказал бы, *что* с согласия божества приношу вам великий дар для вашего спокойствия, уверяя, что провидение вашего благочестия должно поддержать силу оружия и все государство предписанными *здесь* средствами, которые, впрочем, не являются *столь уж* неизвестными приближенным к вашему милосердию, коих волнует многое другое, *весьма* далекое от нас. (16) Впрочем оттого, что многое ускользает от них, занятых *делами*, я, побужденный праздностью *и* не будучи несведущим в полезных свойствах вещей, пожелал соединить собранное отовсюду, полезное для вашего благоденствия. (17) Если речь моя действительно высказала что-то более вольно, чем *это* необходимо для дела, полагаю, что *меня* следовало бы защитить *вашим* снисхождением, так как для исполнения обещания мне должна прийти на помощь свобода философии⁹.

I. О сдерживании раздач¹⁰

(1) Боевые награды и славу триумфов пусть всегда учитывает интес казны, чтобы расточительная раздача более не взращивала семена битв; если предусмотрительностью императорского величества *раздачи* будут обузданы, не будет более процветать нечестие войн, но *и* скорее будут восстановлены истощенные средства налогоплательщиков¹¹. (2) Поэтому, если неумеренная раздача, нуждающаяся в сокращении, *по-прежнему* будет изливаться, *то* наслаждение от богатств уже не сможет помочь при необходимости, *что было* обычаем в древности. (3) Вот почему нам следует хотя бы ненадолго обратиться к предусмотрительности наших отцов, которое они проявляли в тяжелых обстоятельствах, нежели к тому, что теперь представляется в таком обилии средств¹². (4) Правители *в* прежней жизни радовались не праздным состояниям, но, скорее, сооружению зданий, для украшения которых они свозили всевозможный материал из золота и серебра¹³. (5) Также *и* запас меди они создавали в собственных статуях для доказательства своей доблести. (6) Однако, чтобы польза покупки и продажи <***> и чтобы возможности соответствовали царской щедрости¹⁴, они применяли в качестве меди тщательно обработанную и укрепленную огнем землю, оформленную также определенными оттисками, отложив золото и серебро¹⁵. (7)

Рис. 1. Изображение монет из золота, глины и кожи.

Подпись к картинке в Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 171v (1542 г.) гласит: «Удобные для рассмотрения разные монеты древних. Золотые, глиняные, из кожи»
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 1.

Но потомки, презрев изобретение прежней дешевизны, отчеканили тонким золотом кружки, сделанные из кожи¹⁶, которыми пользовались щедрость царей и необходимость обменов, не задевая налогоплательщиков. (8) Однако в последующую эпоху при изобилии запасов меди, украшение им зданий *со стороны* государства уже прекратилось, хотя, как и прежде, задумывались многолетние памятники, медь же, ценная самим весом, сделалась дороже; ее образцы вследствие качества веса, как мы сказали, существовали довольно долго, но царская власть из-за прихоти чеканила свое изображение только на золоте и серебре, которое, не

принося какой-либо пользы, из-за почтения к изображению сохранялось священным в честь царей¹⁷. (9) Материал же меди, который из-за *своего* обилия теперь был дешевле, чеканился для военных даров и различных торговых сношений населения¹⁸. (10) Но чтобы истинная достоверность легче следовала за сказанным, я поспешил свойствами красок выразить подходящие формы и изображения и притом в соответствии со временем различные и разнообразные *платежные* средства древних¹⁹.

II. С каких времен начались расточительность и корыстолюбие²⁰

(1) Во времена Константина расточительная раздача золота вместо меди (которая прежде считалась большой ценностью) приписывалась мелким торговым сделкам²¹, но думается, что происхождение этого корыстолюбия проистекло *как раз* отсюда. (2) Ибо когда огромное количество золота, серебра и драгоценных камней, издревле помещенных в храмах²², дошли до народа, оно разожгло у всех жажду накопительства и обладания²³. (3) И хотя расход самой меди (которая, как мы сказали, была отчеканена ликом царей) уже казался непомерным и обременительным, но, тем не менее, из-за какого-то ослепления от золота, которое считалось более ценным, страсть к издержкам стала еще более расточительной. (4) От этого обилия золота наполненные *им* частные дома могущественных лиц делались более блистательными на погибель нищим, *притом что* простолюдины, разумеется, угнетались насильем. (5) Но притесняемая беднота, побужденная к стремлению к различным злодеяниям, не имея перед глазами никакого уважения к праву или чувства благочестия, вверила свое мщение дурным средствам. (6) Ведь часто *она* причиняла тяжелейшие убытки империям²⁴ опустошением полей, *нарушала* покой непрекращающимися разбоями и разжиганием ненависти, и шагами преступлений поддерживала тиранов²⁵, которых *она* скорее произвела ради славы твоей доблести, чем воодушевляла *своей* дерзостью. (7) Итак, пусть будет заботой твоего благоразумия, лучший император, чтобы, обуздав раздачи, и о налогоплательщиках позаботиться, и в последующем распространить славу твоего имени. (8) Наконец, хотя бы ненадолго обрати свою память к счастливым временам и обозри знаменитые царства в *их* древней бедности, которые знали обработку полей и воздержание от богатств; каковой похвальной честию эта *столь* безупречная умеренность восславляет *эти царства* на целую вечность. (9) Действительно, мы нарекаем золотыми *те царства*, которые совершенно не имели золота²⁶.

Рис. 2. «Счастливое начинание священной и божественной монеты».
Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 171r (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 2.

III. Об обмане и исправлении чекана²⁷

(1) Среди ущерба, непереносимого для государства, — различным образом испорченный подделками вид немалого числа солидов, что нарушает расчеты населения, и покуда не будут устранены погрешности чекана, *это* наносит вред портрету царского величества, ибо обманывающее лукавство выпускающих тот же солид и убыточная необходимость продающих внесли в сами сделки некое препятствие, *так*, что в делах не может присутствовать честность. (2) Следовательно, нужно, как *и* к прочему, также приложить исправление вашего величества *и* к этой стороне *вопроса*, так, чтобы для пользы денежного использования солидов согнанные отовсюду на один остров ремесленники чекана были, разумеется, постоянно отрезаны от связи с соседней землей, дабы удобная вольность сношений не очернила обманом безупречность народного блага. (3) Ибо при помощи уединения будет сохранена безупречная верность чекана и не будет места для обмана там, где нет никакой возможности для торговли. (4) Впрочем, чтобы характер будущей ревизии был ясен, я прибавил на вышеобъявленной картине формы и величины как медных, так и золотых образцов.

IV. О порочности судей²⁸

(1) Итак, к этим напастям, которые угнетают провинции *различными* способами корыстолюбия, примыкает еще и достойная проклятия алчность судей, враждебная пользе налогоплательщиков. (2) Ведь они, презрев почтение *своих* званий, полагают, что посланы в провинции, словно торговцы; *они* еще более обременительные тем, что несправедливость возникает от тех, от кого должно ожидать решения. (3) И как будто для *их* дел не может быть достаточной собственная несправедливость: каждый *из них* посылает для завершения дел такого рода сборщиков налогов, которые истощают силы налогоплательщиков различными видами грабежей. Очевидно, они как бы считаются менее заметными, если грешат поодиночке. (4) Ведь какая возможность из фискальных операций была оставлена *ими* нетронутой? Какая сделка прошла без барыша? (5) Для них набор новобранцев, закупка коней или продовольствия²⁹, а также расходы, предназначенные для укреплений, являются обычными барышами и вождеденным расхищением. (6) Ведь если благочестивые и жаждущие безупречности *люди* будут управлять провинциями, *то* и для обмана не останется какого-либо места, и государство, обогащенное *добрыми* нравами, укрепится.

V. Об уменьшении военных расходов³⁰

(1) Доложив, как представляется, о напастях государства, *которые* августейшая предусмотрительность должна предотвратить наказанием, мы перейдем к необходимому запрещению огромных, не соответствующих здравому смыслу, жалований воинам, по причине которых страдает исполнение любой налоговой повинности³². (2) Но чтобы августейшее занятие не чувствовало отвращения к сумятице такого рода, я вскоре укажу выход из столь длительного отклонения. (3) Военное сословие³³, когда, по окончанию нескольких *лет* службы, дойдет до пяти *и* более того выплат аннон³⁴, чтобы получающий их далее не обременял государство, пусть возрадуется в своем покое, получив почетную отставку³⁵; следующий, придя на его место, освободит через определенный промежуток времени весь номер³⁶ от тяжелейших расходов³⁷. (4) А если более многочисленные воины из последующих схол³⁸ призовутся на вакантное место, *то* они, также одаренные с равной щедростью, пусть удалятся или *их* надо придать для заполнения места другому подразделению, которому недостает воинов. (5) Како-

вое дело не только восстановит отягощенное расходами государство, но и сократит заботы императорского попечения³⁹; *это* даже побудит к военной службе многих, которых *ранее* от нее удерживала медлительность продвижения⁴⁰. (6) Итак, такого рода предусмотрительность обладает пользой увеличения *числа* провинциалов из ветеранов, богатых от царских даров⁴¹, а для возделывания полей — все еще превосходных земледельцев: *они* займут границы⁴², вспашут *те* места, которые недавно защищали, и, охваченные тоской по труду, станут из воинов налогоплательщиками⁴³. (7) Впрочем, оттого, что иногда военная служба, заброшенная из-за поражения в войнах либо из-за пренебрежения к лагерным обязанностям, лишается общей безукоризненности, *следует* восстановить ущерб этого рода таким образом, чтобы по сто или по пятьдесят юношей⁴⁴, сверх тех, которые содержатся в списках⁴⁵, имелись наготове, обученными *владению* оружием⁴⁶ и поддерживаемыми меньшим, пока еще как новобранцы, жалованием, чтобы, если дело выйдет таким образом, *они* набирались вместо выбывших. (8) *Когда* это будет заранее так приготовлено, *то* и войско сохранит безопасное постоянство *численности*, и не будет недостатка при потерях благодаря подготовленным и находящимся под рукой резервам.

VI. О военных машинах⁴⁷

(1) Во-первых, следует знать, что Римскую империю, облаиваемую со всех сторон, отовсюду царапает беснование народов, и по всей протяженности границ *ей* угрожает коварное варварство, прикрытое природными условиями. (2) Ведь по большей части упомянутые племена либо прикрываются лесами⁴⁸, либо возвышаются горами⁴⁹, либо оберегаются снегами⁵⁰, а некоторые кочевые *племена* скрыты пустынями и чрезмерно *греющим* солнцем⁵¹. (3) Есть *и такие*, которые, *будучи* защищены болотами и реками, и не могут легко быть отысканы, и все же они разрушают спокойствие мира неожиданными набегами⁵². (4) Поэтому такого рода народы, которые защищаются либо такими укрытиями, либо стенами городов и крепостей⁵³, должны преследоваться различными новыми военными машинами. (5) Впрочем, дабы не случилась какая-либо трудность в сооружаемых родах оружия, я прибавил к речи нарисованное красками изображение метательных орудий, ничем не отличное от истинного, чтобы легким было *их* изготовление по изображению.

VII. Представление четырехколесной баллисты⁵⁴

(1) Об образце баллисты⁵⁵, конструкция которой размещена перед глазами, свидетельствует точная картина⁵⁶. (2) Ведь легкость четырех колес с двумя запряженными и вооруженными конями, влечет ее к употреблению в боевых *действиях*⁵⁷; она принесет такую пользу благодаря тщательности конструкции, что в любую сторону она выбрасывает стрелы во врага⁵⁸, подражая свободе лучника и его рукам. (3) Она имеет отверстия по четырем сторонам, окруженная и закручиваемая которыми, в зависимости от удобства обстоятельств⁵⁹, она очень легко становится готовой к любым нападениям. (4) Именно она, поддерживаемая спереди винтовым механизмом⁶⁰, и опускается быстрее, и поднимается. (5) А ее ствол⁶¹, отведенный быстрым и легким поворотом, поднимается в какую угодно сторону, куда бы ни призвала необходимость. (6) Следует же знать, что этот род баллисты мечет от себя стрелы действием двух человек, будучи закрученной не как другие, веревками, но спицами⁶².

Рис. 3. «Четырехколесная баллиста».
Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 172v (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 3.

VIII. Представление тиходифра⁶³

(1) Тиходифр, который является родом машины, от удобства своего действия принявшей основу названия от греческого наименования⁶⁴, из-за того, что благодаря ему легче готовится подъем на стену; при наступлении *его* всегда следует вести перед баллистой⁶⁵; *будучи* укрыта им, та же баллиста действует более защищено. (2) Итак, также должно подготовить его конструкцию или строение полезным и подходящим изобретением. (3) Итак, этот самый тиходифр конструируется не более высоким, но более низким, чтобы внутри себя *он* мог укрыть ступни скрытно подступающих *к врагу*; он, *когда* две плетенки размещены сверху и приколочены гвоздями, защищает прикрытых внутри себя от любого нападения; в самом деле, он, скрытно движим двумя колесами для продвижения машины вперед. (4) Концы его осей и перёд, а также и верхняя плоскость, вооружаются тщательно прилаженными трезубцами и ланцеями⁶⁶ для того, чтобы кому-либо, намеревающемуся атаковать через места, лишенные обороны, то есть верхнюю часть, не представилось *такой* возможности⁶⁷.

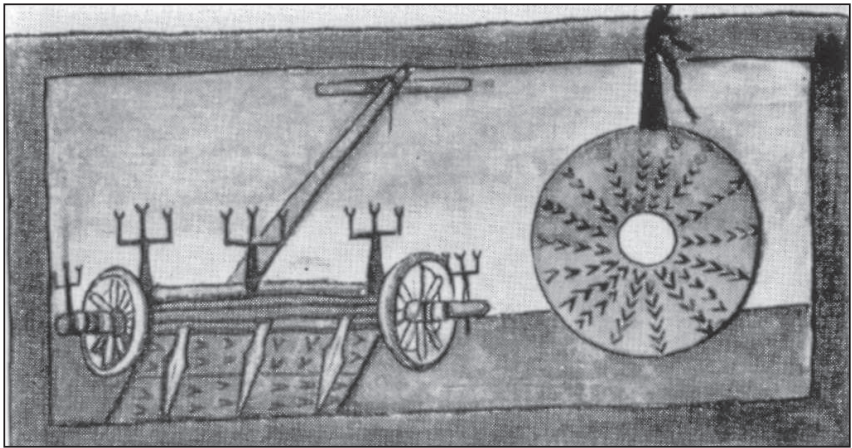

Рис. 4. «Тиходифр. Клипеоцентр».
Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 172r (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 4.

IX. Представление клипеоцентра⁶⁸

Парма⁶⁹ — это небольшой щит, тщательно укрепленный для прочности небольшими гвоздями, *он* имеет различное назначение, ибо подчас он прикрывает носящего, *а* иногда выставленный на фронте тиходифра или подвешенный на дышле, укрывает прячущихся снизу от напора подходящих вплотную *врагов*.

X. Представление плюмбаты⁷⁰ [и] триболаты⁷¹

(1) Это — род дротика, который представляется снабженным перьями по образцу стрелы, обычно запускается не толчком лука или баллисты, но устремляется в рукопашной во врага толчком руки и силой броска. Представляется, что он причиняет гибель встречному двояким образом, ведь он либо, вонзившись, умерщвляет, либо, упав, никого не ранив и лежа на земле, втыкается в подошвы наступающим *на него*, так что даже если он будет повернут в какую угодно сторону, *то* нанесет рану торчащим из него сбоку шипом. (2) Изготавливается же он из рейки, сделанной в виде стрелы, в которую глубоко втыкается изготовленный в форме венабулы наконечник⁷²; втулка этого *самого* наконечника немало удлинена; сверх нее на умеренном расстоянии торчат, словно у трибулы⁷³, прикрепленные свинцом шипы. (3) В верхней же части этого *самого* дротика ради скорости прикрепляются перья; разумеется, над этими же *самыми* перьями оставлено такое пространство, сколько смогут обхватить пальцы держащего⁷⁴.

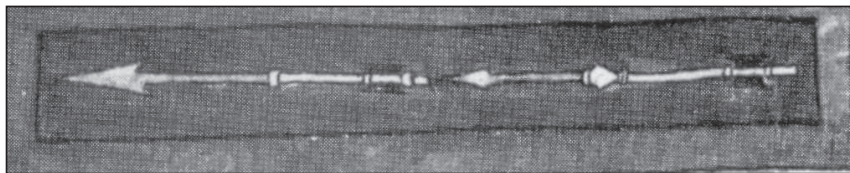

Рис. 5. «Плюмбата и триболата. Плюмбата мамиллата».

Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 172r (1542 г.).

Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 5.

XI. Представление плюмбаты-мамиллаты⁷⁵

Хорошо очищенная прямая ветвь примет в своем окончании закругленный и выведенный в острие наконечник; *когда* в тех же, что и в трибулате, местах прикреплены свинец и перья, чтобы поддержанное весом свинца и скоростью перьев закругление снаряда было способно легче пробивать щиты противника и *им* подобные препятствия.

XII. Представление курродрепануса⁷⁶

(1) Тип такого рода военной повозки, который оказывается снабженным оружием сверх положенного, обнаружила необходимость парфянской битвы. (2) А увлекают ее в битву быстрой ездой два тщательно защищенных одеянием и оружием <из> железа человека, каждый из которых едет на хорошо защищенном коне. Задняя ее часть над колесницей снабжена выступающими в ряд ножами, очевидно, чтобы не дать кому-либо легко подойти с тыла. (3) К осям же этой колесницы присоединяются наистрейшие серпы, имеющие на своих боках петли, к которым привязаны веревки, *которые, будучи* отпущенными, согласно решению обоих всадников, расправляют серпы, *будучи* же удержанными — *поднимают* их. (4) Какие же потери машины такого рода причиняют врагам или каковы разгромы *они* производят в расстроенных рядах, лучше расскажут те, кто знает войны на практике.

Рис. 6. «Курродрепанус». Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 173v (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 6.

ХIII. Представление одиночного курродрепануса

У этой тележки, которая разъезжает на тяге одного коня и которая управляется мастерством одного человека, и защищается *его* доблестью, существует та же самая внешность оружия и для отражения снарядов, и для нанесения поражений, как у первой колесницы; и *она* не отличается чем-либо от предыдущей машины, разве что предыдущая колесница из-за своей величины влекама двумя конями, а также управляется двумя бойцами.

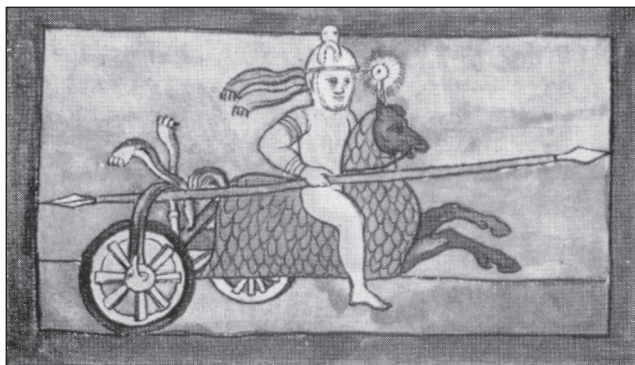

Рис. 7. «Одиночный курродрепанус». Codex Latinus Monacensis, 10291 173r (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 7.

ХIV. Представление щитоносного курродрепануса

(1) Поразительность этой машины заключает некую новизну, ведь *она* является в какой-то степени отличной от предыдущих колесниц, ибо здесь задняя часть повозки снабжена самопроизвольными бичами для подстрекания коней и укреплена окаймленными острым железом щитами, расположенными словно в укреплении. (2) И притом она отличается от первой колесницы в том смысле, что здесь умение только одного *человека* правит, а не как там, двух людей — двумя конями. (3) Впрочем, от второй колесницы она отличается таким различием, тем что в той один конь и вес бойца несет <***> пока носит самого всадника, ярмо со скрытым тянущим дышлом охватывает *коня* менее *плотно*. (4) Здесь также можно повернуть развернутые серпы, опущенными веревками, и для уничтожения врагов вытянуть *их* дальше от оси. (5) Однако веревка (либо, когда она ослаблена, серпы развертываются, либо, когда стянута,

поднимаются над теми же осями) соединяется с кольцом, висящим на внешней части задней стороны катафракты⁷⁷, посредством которой оде-
тые кони защищены от любых попаданий *метательных* снарядов.

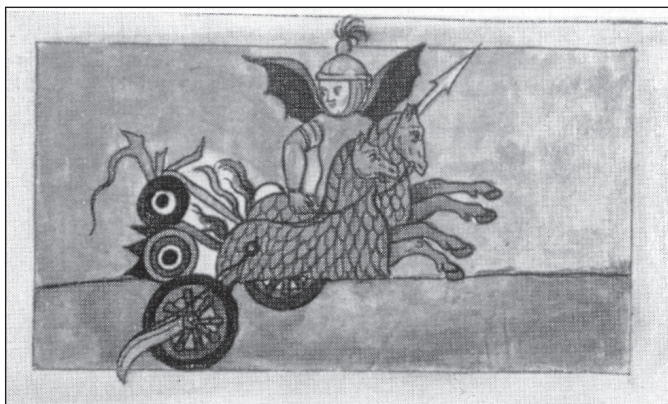

Рис. 8. «Щитоносный курродрепанус».
Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 174v (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 8.

XV. Представление торакомаха⁷⁸

(1) Среди всего, что придумала для боевого употребления предвидевшая будущее древность⁷⁹, она предоставила также и торакомаха с его удивительной пользой для облегчения ношения телом веса и грубости оружия⁸⁰. (2) Ведь этот род одеяния, который изготавливается из войлока по размеру человеческой груди и для ее прикрытия; сшила его искусная мастерица из мягкой шерсти из опасения, что, одев его сначала, панцирь⁸¹ или кливана⁸², либо иная подобная им защита не повреждали брненное тело грубостью массы; одевший же его также доставит членам своего тела большое облегчение, способствующее работе при оружии и непогоде. (3) Конечно, чтобы тот же торакомаха, ударяемый дождем, не обременял одевающегося утяжеляющимся весом, поверх него удобно одеть одежду из хорошо обработанных ливийских кож, наподобие покроя того же торакомаха⁸³. (4) Итак, одев, как мы сказали, этот торакомаха (который принял имя от греческого названия из-за защиты тела)⁸⁴, одев еще сокки (это — обувь)⁸⁵ и железные поножи⁸⁶, покрывшись сверху шлемом⁸⁷ и щитом⁸⁸, приладив с боку⁸⁹ меч⁹⁰ и взяв ланцей⁹¹, воин будет полностью вооружен, чтобы идти в пешую битву⁹².

Рис. 9. «Торакмах». Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 174r (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 9

XVI. Представление аскогефира⁹³

(1) Чтобы препятствие из рек подчас не помешало в необходимом для войска пути (что обычно *и* происходит)⁹⁴, отыскала изобретательная нужда средство для этого дела и возможности легкого сокращения *пути*, которое делается таким образом: (2) из телячьих шкур, размягченных арабским способом (ибо существует у них особая забота об *их* изготовлении благодаря воде, забираемой из колодцев мехами), итак, из этих, как сказано, тщательно сшитых *кож*, делаются бурдюки три с половиной фута в длину так, чтобы, когда надутые воздухом бурдюки были наполнены равным образом, *они* не возвышались бы над соседними, но сама наполненность бурдюков образовывала бы некоей *своей* равномерностью плоские поверхности; *поверхности же* их [*бурдюков*] связываются с боков взаимно скрепленными снизу ремнями, а сверху крюки из одной части продеваются в кольца, идущие из другой *части*; и так после соединения в форме моста, целое растягивается по частям. (3) Но это же самое сооружение будет легче растянуть до другого берега при повороте реки благодаря силе течения. Вот почему, когда железные костыли закреплены на обоих берегах, а крепкие веревки также натянуты в середине под самими бурдюками для перенесения веса ступающих *людей*, а на краях для прочности — натянуты сверху, *мост* предоставит неограниченную возможность для перехода через реку за короткий промежуток

времени благодаря некому новому и незнакомому приспособлению для передвижения. (4) Нам, кроме того, следует посоветовать, что поверх соединения из бурдюков следовало бы подстилать *удобную* для подошв ступающих материю из козьей шерсти, чтобы скользящее сооружение из шкур не отказывало в прочности *ногам* наступающего. (5) Наконец, на обоих берегах *реки* надо *заранее* расположить манубаллисты⁹⁵, чтобы вражеский отряд не создал препятствие строящим мост⁹⁶.

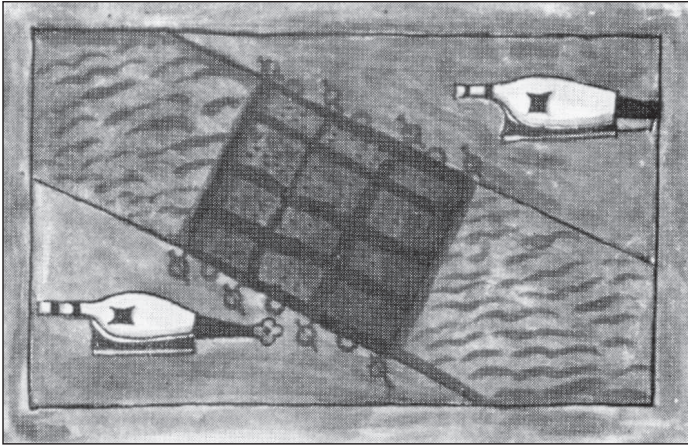

Рис. 10. «Аскогефир». Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 175v (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 10.

XVII. Представление либурны⁹⁷

(1) Либурну, пригодную к морским войнам, которую из-за ее величины препятствует каким-либо образом передвигать руками мужей туда, куда призовет необходимость, человеческая слабость, приводит в движение сила животных, опирающаяся на мощь разума⁹⁸. (2) В ее трюме, или вместимости, по два быка, запряженные в машины, вращают прикрепленные к бокам корабля колеса, у которых над периметром, или окружностью, выступают спицы, выталкивающие, *когда* эти же колеса вращаются, с усилиями воду на манер весел, действуя с неким удивительным эффектом мастерства *так, что либурна* разгоняется появляющимся напором⁹⁹. (3) Наконец, та же самая либурна, благодаря своей массе и машинам, работающим в ней, устремляется в битву с такой силой шума, что все подходящие близко неприятельские либуры легко сокрушает соприкосновением.

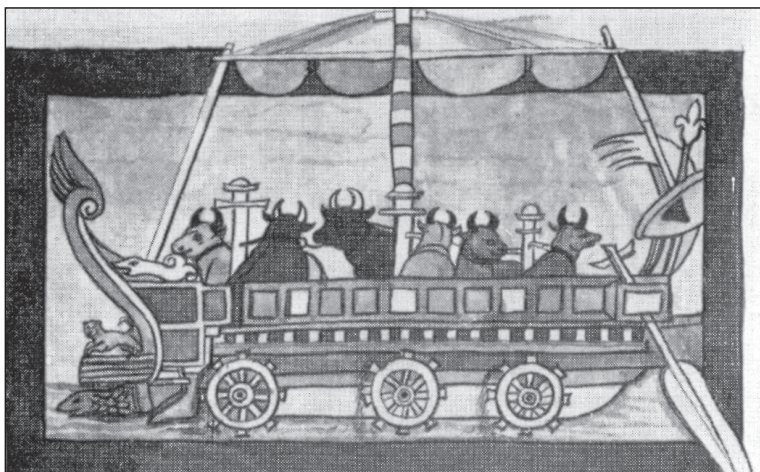

Рис. 11. «Либуерна». Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 175r (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 11.

XVIII. Представление молниеносной баллисты¹⁰¹

(1) Этот род баллисты, необходимый более прочих для защиты стен¹⁰², был проверен опытом, в том, что он превосходит другие баллисты скоростью и силой. Действительно, когда железная дуга¹⁰³ поднята над желобом¹⁰⁴, из которого выпускается стрела, крепкая веревка из жил¹⁰⁵, влекаемая железным крюком¹⁰⁶, толкает эту же стрелу, выпуская ее во врага с большой силой. (2) Эта же веревка тащится не руками и не силами воинов (величина самой конструкции этого не позволяет), но сзади в двух колесах по одному мужу, опирающемуся с усилием на спицы, тянут веревку назад¹⁰⁷, сообразно трудности дела увеличив свои силы машинами¹⁰⁸. (3) Саму же баллисту для направления снарядов или выше, или ниже, как того требует польза, винтовой механизм то поднимает, то опускает¹⁰⁹. (4) Вот, однако, доказательство ее удивительного достоинства: составленная из столь различных деталей, она управляется одним столь праздным (если можно так сказать) человеком, *нужным* только для сообщения импульса стреле. Разумеется, если бы толпа людей служила бы ей командой, изобретение искусства уменьшилось бы¹¹⁰. (5) Итак, снаряд, выпущенный из этой самой баллисты, снабженной столькими и таковыми изобретениями ума, устремляется столь далеко, что способен преодолеть даже ширину Дуная — реки, знаменитой из-за своей величины¹¹¹. (6) Даже провозглашенная «молниеносной», она собственным наименованием подтверждает эффективность своей силы.

(7) Итак, также *и этими* изобретениями машин, *ты*, непобедимый император, совокупно удвоишь способность непобедимого войска, встречая набеги врагов не только мощью и силой, но и способностью искусства, особенно когда *ты* пронизательностью души познакомишься со всеми элементами укрепляющих *войско* машин. (8) Ведь или на суше они являются подходящими для боя против дерзости отчаявшегося врага: серпоносными колесницами *ты* сможешь преследовать отряды бегущих *врагов* по открытым *пространствам* полей; или *если враг* с необдуманной опрометчивостью попытается подойти к стене, *он* испытает верность баллисты прежде, чем подойдет; либо, если победному маршу войска где-нибудь преградит течение рек, *то ему* поспособствует особое изобретение переносного моста. (9) Если же враг, избегая суши, займет моря корабельной войной, *то* новой, в известной мере, наподобие сухопутной, способностью к быстроте пробегающая волны либуерна, пригнанная колесами и быками, без замедления возвратит победу. (10) Ибо кто будет сопротивляться силам той, которая и обладает прочностью сухопутной повозки, и имеет средство для легкости судна? (11) Будет, кроме того, стражем благополучных границ молниеносная баллиста, которая для своего снаряжения требует команду мужей настолько меньшую, насколько превосходит достоинством способности, ибо всё, что мог бы придать ее мощи более многочисленный отряд, она, обогащенная способностью разума, дарит *сама* себе.

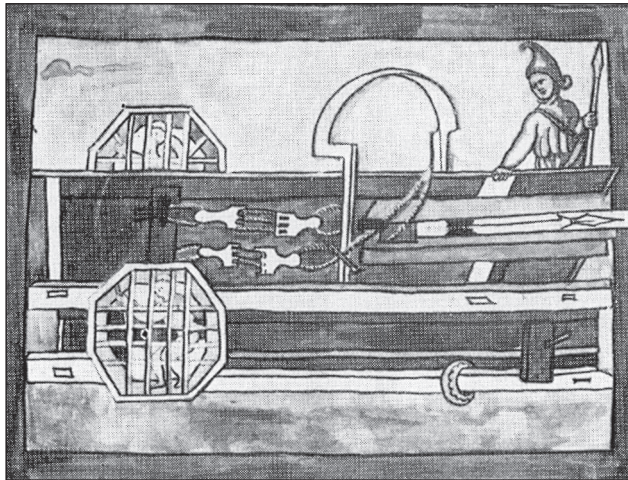

Рис. 12. «Молниеносная баллиста». Codex Latinus Monacensis, 10291 fol. 176v (1542 г.).
Воспроизведено по: Ireland 1984: Tab. 12.

XIX. О военном приготвлении

(1) Когда военное приготвление вызвало столкновение, чтобы не было уменьшено мужество, сжатое толпой воинов, перепутавших шеренги, полководцу подобает оставлять интервалы в тройных строях¹¹² так, чтобы какое-либо одно построение было составлено только из двух тысяч мужей¹¹³, чтобы сплоченное множество, *к тому же* избыливающее к своей гибели вспомогательными *силами*, не было стиснуто собственной массой¹¹⁴. (2) Все же подобает воину, идущему через ледяные пространства, и защищаться торакомахом, и вооружаться остальными служащими для безопасности предметами, в зависимости от того, как *того* потребует польза членов *тела*, чтобы он и выдерживал холода, и мог противостоять снарядам. В самом деле, когда *воины* снабжены небольшими щитами¹¹⁵, чтобы из-за величины оружия не была бы недоступной чаща лесов (что обычно на практике *и* выходит) и не была бы упущена *возможность* для спасения из-за громоздкости оружия. (3) Для всякой же скорой подмоги, возможно, подойдет доставленная легкими повозками по военной дороге помощь аскогефира, с которым легче преодолеть и более широкое препятствие потоков, и для бегства за реку представилась бы возможность, если дело вышло таким образом. (4) В самом деле, племя персов, у которого более прочих народов и коварство существует в сердце¹¹⁶, и телу хватает доблести, следует одолевая квадратными строями¹¹⁷ и бóльшим приготвлением к войнам; где также следует приложить все действия машин (о которых *мы* сообщали), которые и остановят *их* силы, и отразят коварство лукавого племени. (5) Итак, в такого рода столкновениях тиходифр, ведомый при помощи двух мужей, укроет баллисту, сильно выдвинутую *вперед* от боевых резервов. (6) Следовательно, скрывающиеся под прикрытием самого тиходифра щитоносцы подойдут для сражения вплоть до *непосредственной* близости с врагами; они, позднее раскрывшись, должны быть защищены от целой тучи снарядов настилами этого же тиходифра, снабженными, как *мы уже* упоминали, острыми наконечниками. (7) Однако, когда дрогнувшая масса врагов подумывает о спасении бегством, следует добиться победы серпоносными колесницами, которыми перерезаются поджилки бегущих. (8) Там же, где теснины никоим образом не позволят развернуть строй, пусть укороченную *боевую* линию окружит длинный ряд машин или метательных орудий, чтобы враг более беспрепятственно не угрожал стянутому флангу¹¹⁸. (9) Весьма же полезным будет, если двойное число животных будет приведено для подвоза метательных орудий, чтобы *эти* средства помогли в сомнительных ситуациях или в усталости, или в несчастьях.

XX. Об укреплениях границ¹¹⁹

(1) Кроме того, среди полезных для государства *дел* существует подходящая забота о границах, отовсюду опоясывающих стороны империи, об охране которых лучше позаботятся частые крепости так, чтобы, будучи поставлены *на расстоянии* мили¹²⁰, они возвышались надежной стеной и очень прочными башнями¹²¹. (2) Причем пусть будет постановлено, чтобы попечение землевладельцев¹²² распределялось по этим укреплениям без общественных издержек¹²³. В самом деле, в них следует обучать стражей и земледельцев¹²⁴, чтобы спокойствие провинций, окруженных неким поясом укреплений, оставалось нерушимым.

XXI. Об устранении путаницы в законах и праве¹²⁵

(1) Божественное провидение, священнейший император, после того, как приготовлены защиты внутри и вне государства, сохраняет для лечения гражданских забот одно средство для твоей безмятежности, чтобы *ты* судом августейшего звания осветил запутанность законов и противоречивые положения, отбросив назойливые споры *о них*. (2) Ведь что становится столь чуждым уважению, как страсти, кипящие ради борьбы там, где при отправлении правосудия, распознаются проступки каждого?

DE REBUS BELLICIS*

Praefatio

(1) Caelesti semper instinctu felicitis rei publicae uestrae commoditas, sacratissimi principes, opportunis est suggerenda temporibus, ut diuina consilia diuinis successibus conualescant. (2) unde pro ingenii facultate unum capitulum de largitionum utilitate in hoc libello composui, non quod istud tam immensae utilitati sufficiat, sed ut ex hoc mediocritatis meae documento praemisso in reliquis utilitatis possit fides ostendi. (3) proinde, ne promissioni fides accommodata uelut fallacem in posterum grauet, pro conscientia ueritatis ipse mihi poenam praemii loco, si promissio secus cesserit, posco, nec me laus aut <praemium> prosequatur, cum abunde sit in hac parte indignationem pro audacia declinare. (4) sed fas erit rei publicae praesulem a priuato desiderata cognoscere, cum rerum utilitas interdum eum lateat inquirentem. (5) ergo nonnumquam inuitandi sunt qui recte quicquam sentire fuerint approbati: nam ut ait optimus orator, ad illum maior pars hominum decurrit quem ingenio natura donauerit. (6) in qua re est considerare semper quid unusquisque magis sentiat quam loquatur; constat enim apud omnes quod nec summa nobilitas nec opum affluentia aut subnixae tribunalibus potestates aut eloquentia litteris acquisita consecuta est utilitates artium, in quibus etiam armorum continetur inuentio, sed ingenii tantummodo magnitudo, quae uirtutum omnium mater est, naturae felicitate subnixae. (7) quod quidem sine personarum electione uidemus accidere: nam cum barbarae nationes neque facundia polleant aut dignitatibus illustrentur, minime tamen a rerum inuentione, natura opitulante, habentur alieni.

(8) Quamobrem, clementissimi principes, qui gloriam bonae opinionis perpetua felicitate diligitis, qui Romano nomini debitos affectus propagatis

* Текст приводится по изданию: Anonymi auctoris de rebus bellicis / *Recensuit R. I. Ireland*. Leipzig, 1984. P. 1–13. К сожалению, из-за технических возможностей от критического аппарата пришлось отказаться.

in filios, respicere dignemini quae nostris sensibus commoda prouidentia diuinitatis intulerit. (9) uniuersis igitur seu militiam clementiae uestrae tractantibus seu otio priuato contentis uel terrae cultoribus siue negotiatoribus mercium lucra tractantibus pro saeculi uestri felicitate gaudentibus, consequemini ex hoc opere commoda singulorum, quorum species diuersis titulis, opportunis quibusque locis, oratio subiecta testabitur. (10) referemus enim quemadmodum, remissa tributorum medietate, in robur proprium prouinciarum cultor habeatur; unde etiam, <in> ratione exactionum cessante contumelia, limitum solitudinem erectis castrorum munitionibus incola securus illustret; quo etiam pacto auri argentique modus sine dantium poena duplicetur; uel quo argumento extra solitam largitatem cumulatus honoribus miles exultet. (11) his etiam adnectenda credidimus quae bellorum necessitatibus terra uel mari in acquirendis uictoriis procurentur; ex quibus fastidii leuandi gratia pauca machinarum inuenta referemus. (12) docebimus igitur uelocissimum liburnae genus decem nauibus ingenii magisterio praeualere, ita ut haec per eam sine auxilio cuiusquam turbae obruantur. (13) in terrenis uero congressibus talis est excogitata sollertia ut equus, siue aciem rupturus inuadat siue fugientibus ingerat se, tali arte muniatur ut semetipsum uerberans sine cuiusquam magisterio efficiat magnas hostium strages. (14) in fluuiorum quoque difficultatibus exquisita est noui pontis inuentio minime subuectioni onerosa; hunc enim pontem omnibus paludibusque necessariis perpauci homines aut quinquaginta fere numero iumenta portabant.

(15) Ex his igitur quae rettulimus, iam futuris ut ego arbitror designatis, pace uestra dixerim, magnum uobis munus concessu diuinitatis apporto, asserens prouidentia pietatis uestrae armorum uigorem et cunctam rem publicam praedictis remediis subleuandam: quae quidem non ignota sunt proximis uestrae clementiae, quos alia plura sollicitant a nobis aliena. (16) uerum quia illos multa occupatos effugiunt, otio persuasus, non adeo a rerum commoditatibus peregrinus, utilia uestrae felicitati undique redacta conferre gestiui. (17) si quid uero liberius oratio mea pro rerum necessitate protulerit, aestimo uenia protegendum, cum mihi promissionis implendae gratia subueniendum est propter philosophiae libertatem.

I. De inhibenda largitate

(1) Bellicam laudem et gloriam triumphorum utilitas semper intueatur aerarii, ne profusa largitio semina magis excitet proeliorum; quae si prouidentia maiestatis imperatoriae reprimatur, non amplius bellorum floreat

improbitas, sed collatorum potius defecta subsidia recreantur. (2) quod si largitio immoderata seruanda profuderit, opum delectabilitas nullo uetustatis more poterit iam necessitatibus subuenire. (3) quamobrem patrum nobis est paulisper prouidentia referenda quam in rebus egenis habuerint, uel quae nunc <ita> in tanta facultatum licentia uideatur. (4) rectores superioris uitae non otiosis opibus sed condendis potius moenibus laetabantur, in quorum decorem uniuersam auri argentique materiam conferebant. (5) aeris quoque copiam in simulacris propriis ad uirtutis suae testimonia figurabant. (6) ut uero emendi et uendendi utilitas <***> et ut facultas regiae largitati suppeteret, in aeris usum excultam politius terram et igne solidatam, certis quoque expressionibus figuratam, auro argentoque reposito usui habuerunt. (7) sed posteriores, fastidientes priscae uilitatis inuentum, formatos e coriis orbis auro modico signauerunt, quibus regum munificentia et commutationum necessitas intactis collatoribus utebatur. (8) sequentior uero aetas, aeris redundante materia quam publicus iam moenium recusabat ornatus, diuturna ut prior monumenta meditata, aes ualidum ipso pondere pretiosius figurauit; cuius species pro qualitate, ut diximus, ponderis diuturnior fuit, sed potentia regalis pro licentia speciem suam tantum in auro argentoque signauit, quae pro reuerentia figurae nullis usibus proficiens ad honorem regium sacrata permansit. (9) aeris autem materia, quae iam pro copia uilior erat, ad dona militaria et uaria populorum commercia signabatur. (10) sed ut uera fides dicta facilius prosequatur, formas et species commodas atque pro temporibus diuersas uariasque ueterum prouisiones exprimi colorum qualitatibus properaui.

II. Ex quibus temporibus profusio uel auaritia coeperit

(1) Constantini temporibus profusa largitio aurum pro aere, quod antea magni pretii habebatur, uilibtis commerciis assignauit; sed huius auaritiae origo hinc creditur emanasse. (2) cum enim antiquitus aurum argentumque et lapidum pretiosorum magna uis in templis reposita ad publicum peruenisset, cunctorum dandi habendique cupiditates accendit. (3) et cum aeris ipsius – quod regum, ut diximus, fuerat uultu signatum – enormis iam et grauis erogatio uideretur, nihilominus tamen a caecitate quadam ex auro, quod pretiosius habetur, profusior erogandi diligentia fuit. (4) ex hac auri copia priuatae potentium repletae domus in perniciem pauperum clariores effectae, tenuioribus uidelicet uiolentia oppressis. (5) sed afflicta paupertas, in uarios scelerum conatus accensa, nullam reuerentiam iuris aut pietatis affectum prae oculis habens, uindictam suam malis artibus commendauit.

(6) nam saepe grauissimis damnis affecit imperia populando agros, quietem latrocinii persequendo, inflammando odia; et per gradus criminum fouit tyrannos, quos ad gloriam uirtutis tuae produxit <inopia> magis quam succendit audacia. (7) erit igitur curae prudentiae tuae, optime imperator, repressa largitate et collatori prospicere et in posterum nominis tui gloriam propagare. (8) denique paulisper felicium temporum reuolue memoriam, et antiquae paupertatis famosa regna considera quae agros colere et abstinere opibus norant, qua haec honoris laude per omne aeuum frugalitas incorrupta commendet. (9) certe aurea nuncupamus quae aurum penitus non habebant.

III. De fraude et correctione monetae

(1) Inter damna rei publicae non ferenda solidorum figura aliquantum fraudibus deprauata diuersa populos ratione sollicitat et regiae maiestatis imaginem, dum per monetae culpam refutatur, inminuit; ementis enim eundem solidum fraudulenta calliditas et uendentis damnosa necessitas difficultatem quandam ipsis contractibus intulerunt, ne rebus possit interesse simplicitas. (2) ergo huic quoque parti maiestatis uestrae est, ut in omnibus, adhibenda correctio, ita ut opifices monetae redacti undique in unam insulam congregentur, nummariis et solidorum usibus profuturi, a societate uidelicet in perpetuum contiguae terrae prohibiti, ne commixtionis licentia fraudibus opportuna integritatem publicae utilitatis obfuset. (3) illic enim, solitudine suffragante, integra fides monetae praestabitur, nec erit fraudi locus ubi nulla est mercis occasio. (4) uerum ut qualitas futurae discussionis appareat, formas et magnitudinem tam aereae quam aureae figurationis pictura praenuntiante subieci.

IV. De iudicum prauitate

(1) Ad haec igitur incommoda, quae prouincias auaritiae artibus uexant, accedit etiam iudicum execranda cupiditas, collatorum utilitatibus inimica. (2) nain hi, despecta reuerentia dignitatum, uelut mercatores in prouinciis se missos existimant, eo grauiores quod ab his procedit iniquitas unde debuit sperari medicina. (3) et tamquam sua rebus sufficere non possit iniquitas, exactores in profligandis rebus huiusmodi dirigit unusquisque qui diuersis rapinarum artibus collatorum uires exhauriant; uidelicet quasi parum notabiles haberentur si soli peccarent. (4) quae enim ab his occasio fiscalium titulorum inlibata peracta est? quae conuentio sine praeda discessit? (5) illis tironum comparatio, equorum uel frumenti coemptio, expensa quoque

moenibus profutura, sollemnia lucra sunt et uotiu direptio. (6) quod si prouincias casti et integritatis cupidi moderentur, nec fraudi usquam relinquetur locus et res publica moribus ditata firmabitur.

V. De releuando militari sumptu

(1) Relatis, ut uisum est, rei publicae incommodis, augustis prouisionibus merito repellendis, ad enormia militum alimenta ratione non incongrua prohibenda ueniamus, quorum causa totius tributariae functionis laborat illatio. (2) sed ne tantae confusionis molem occupatio augusta fastidiat, breuius tam diuturni erroris exitum declarabo. (3) militaris ordo, stipendiis aliquot peractis, ubi ad quinque uel eo amplius annonarum emolumenta peruenerit, ne haec diutius percipiens rem publicam grauet, honesta missione donatus uacans sibi otio gaudeat absolutus; in cuius locum posterior succedens totum numerum per certa temporum spatia expensis grauissimis releuabit. (4) quod si numerosior miles de sequentibus scholis in decedentium locum uocatur, hic quoque pari liberalitate otio donatus abscedat uel ad alium ordinem cui miles deest locum suppleturus accedat. (5) quae res non solum expensis grauidam rem publicam recreabit sed etiam curas imperatoriae prouisionis imminuet; animabit etiam plures ad militiam quos ab ea stipendiorum tarditas prohibebat. (6) huiusmodi igitur prouisionis utilitas in augmentum prouincialium habet ueteranos regis donis opulentos et ad colendos agros adhuc praeualentes agricolas: habitabunt limites, arabunt quae dudum defenderant loca, et laborum desiderio potiti erunt ex milite eollatores. (7) uerum quia nonnumquam bellorum ruina aut fastidio castrensiu munerum deserta militia de summa integritatis intercipit, tali remedio huiusmodi damna supplenda sunt, scilicet ut cen teni aut quinquageni iuniores, extra hos qui in matriculis continentur habeantur in promptu, armis exerciti et minori [ut minori] utpote tirones stipendio subleuati, in locum amissorum si res ita tulerit subrogandi. (8) his ita prouisis et integritas secunda manebit exercitus et damnis non deerunt matura et parata in primis subsidia.

VI. De bellicis machinis

(1) In primis sciendum est quod imperium Romanum circumlatrantium ubique nationum perstringat insania et omne latus limitum tecta naturalibus locis appetat dolosa barbaries. (2) nam plerumque memoratae gentes aut siluis teguntur aut extolluntur montibus aut uindicantur pruinis; nonnullae uagae solitudinibus ac sole nimio proteguntur. (3) sunt quae paludibus

fluminibusque defensae nec inueniri facile queunt, et tamen quietem pacis lacerant inopinatis incursibus. (4) ergo huiusmodi nationes, quae aut talibus subsidiis aut ciuitatum castellorumque moenibus defenduntur, diuersis et nouis armorum sunt machinis prosequendae. (5) uerum ne qua difficultas in excitandis armorum generibus oriatur, imaginem tormentorum nihil a uero distantem coloribus adumbratam orationi subieci, ut sit facilis imitandi confectio.

VII. Expositio ballistae quadrirotis

(1) Exemplum ballistae, cuius fabricam ante oculos positam subtilis pictura testatur. (2) subiecta namque rotarum quattuor facilitas, duobus subiunctis et armatis equis, ad usus hanc bellicos trahit; cuius tanta est utilitas pro artis industria ut omni latere in hostem sagittas impellat, sagittarii libertatem et manus imitata. (3) habet foramina per quattuor partes, quibus pro commoditate rerum circumducta et flexa facillime ad omnes impetus parata consistat. (4) quae quidem a fronte cochleae machina et deponitur celerius et erigitur subleuata. (5) sed huius temo in quamuis partem necessitas uocet cita et facili conuersione deflexus erigitur. (6) sciendum est autem quod hoc ballistae genus duorum opera uirorum sagittas ex se non, ut aliae, funibus sed radiis intorta iaculatur.

VIII. Expositio tichodifri

(1) Tichodifrus quod est genus machinae ex rei suae commoditate, Graeca appellatione, uocabuli sumpsit exordium, eo quod per hunc facilius in murum paretur ascensus, ante ballistae semper ducendus incessus quo protectior eadem ballista operetur. (2) erit ergo huius quoque compositio uel fabrica utili et commoda inuentione praeparanda. (3) ergo hic idem tichodifrus non altior sed humilior fabricatur, ut intra se possit latenter incedentium celare uestigia: qui, duabus superimpositis cratibus fixoriisque confixis, intra se tectos ab omni incursione defendit, duabus sane rotis ad promouendam machinam latenter impulsus. (4) cuius axium extremitates et frons nec non et superior latitudo fuscis et lanceis armatur diligenter aptatis, ne aggrediendi cuiquam per uacantia defensore loca, id est superiorem partem, tribuatur facultas.

IX. Expositio clipeocentri

(1) Parma, hoc est modicus clipeus, fixoriis minutis ad soliditatem sui diligenter munitus, uarie habetur idoneus; interdum enim operit gestientem, nonnumquam in fronte tichodifri oppositus uel in temone suspensus munit inferiori latitantes ab incursu comminus uenientum.

X. Expositio plumbatae [et] tribolatae

(1) Hoc iaculi genus, quod in modum sagittae pennis uidetur instructum, non arcus neque ballistae pulsu consueuit emitti, sed manus impetu et uiribus elisum in hostem comminus uadit: quod excipienti gemina ratione uidetur afferre perniciem; aut enim perimit infixum aut sine uulnere dilapsum et in terram positum plantae calcantis infigitur, eo quod in partem quamlibet si fuerit conuersum, ex latere aculeo ex se eminente inferat uulnus. (2) fit autem ex ligno in modum sagittae facta, cui ferrum subtiliter in formam uenabuli aptatum infigitur, fistula eiusdem ferri parumper extensa, supra quam, modico interiecto spatio, plumbo adhaerentes aculei uelut tribuli emergunt. (3) in summa autem parte eiusdem iaculi affiguntur pennas celeritatis causa, tanto uidelicet super easdem pennas relicto spatio quantum digiti potuerint tenentis amplecti.

XI. Expositio plumbatae mamillatae

(1) Bene extensa et directa uirga accipiet in extremitate sui rotundum et in acumen deductum ferrum, similibus locis <ac> in tribulata plumbo et pennis adhaerentibus, ut plumbi pondere et pennarum celeritate adiuta rotunditas teli facilius clipeos aduersarii et similiter obstantia ualeat penetrare.

XII. Expositio currodrepani

(1) Huiusmodi pugnacis uehiculi genus, quod armis praeter morem uidetur instructum, repperit Parthicae pugnae necessitas. (2) sed hoc singulis bene munitis inuecti equis duo uiri uestitu et armis <e> ferro diligenter muniti citato cursu in pugnam rapiunt; cuius posterior supra currum pars cultris in ordinem exstantibus communitur, uidelicet ne facilis a tergo cuiquam praebatur ascensus. (3) falces uero acutissimae axibus eiusdem currus aptantur, in lateribus suis anstilas habentes, quibus innexi funes pro arbitrio duorum equitum laxati quidem explicant, repressi autem erigunt falces. (4) qualia uero huiusmodi machinae funera hostibus immittant uel quas turbatis ordinibus strages efficiant, dicent melius qui usu bella cognoscunt.

XIII. Expositio currodrepani singularis

(1) In hoc curriculo, quod singularis equi tractu discurrit quodque unius hominis arte regitur et uirtute protegitur, eadem est quae in priori curru armorum facies et ad repellenda tela et ad inferenda pericula; nec distat a superiore quicquam machina, nisi quod superior currus pro magnitudine sui duobus equis tractus, a duobus etiam bellatoribus gubernatur.

XIV. Expositio currodrepani clipeati

(1) Machinae huius admiratio habet nouitatis aliquid; est enim a superioribus curribus quadam parte dissimilis, hic enim posterior uehiculi pars uerberibus spontaneis ad incitandos equos et clipeis acuto ferro circumdatis uelut in propugnaculo positis communiter. (2) et est priori quidem curru hac ratione dissimilis, quod hic non ut ibidem duos equos duorum etiam hominum sed unius tantum sagacitas regit. (3) a secundo uero curru hac diuersitate secernitur, quod in illo unus equus et pondus bellatoris subit <***> dum ipsum equitem portat, et occulto temone iugum trahente minus amplectitur. (4) hic etiam licet conuertere laxatis funibus explicatas falces et ad perniciem hostium longius ab axe porrectas. (5) funis uero, quo laxato aut explicantur falces aut represso super eosdem axes eriguntur, ligatur circulo haerenti catafracto, in posterioris lateris parte exteriori, per quod uestiti equi ad omnes telorum muniuntur incursus.

XV. Expositio thoracomachi

(1) Inter omnia, quae ad usum bellicum prouida posteritatis cogitauit antiquitas, thoracomachum quoque mira utilitate ad leuamen corporis armorum ponderi et asperitati subiecit. (2) hoc enim uestimenti genus, quod de coactili ad mensuram et tutelam pectoris humani conficitur, de mollibus lanis timoris sollicitudo sollertia magistra composuit, ut hoc inducto primum lorica uel cliueus aut his similia fragilitatem corporis ponderis asperitate non laederent, membra quoque uestientis inter armorum hiemisque discrimen tali solacio adiuta labori sufficiant. (3) sane ne idem thoracomachus pluuiis uerberatus ingrauescente pondere adficiat uestientem, de Libycis bene confectis pellibus ad instar eiusdem thoracomachi faciem conuenient superinducere. (4) hoc igitur, ut diximus, thoracomacho inducto – qui Graeca appellatione ex tuitione corporis nomen assumpsit – , soccis etiam, hoc est calciamentis, et ferratis ocreis inductis, superposita galea et scuto

uel gladio lateri aptato, arreptis lanceis, in plenum pedestrem subiturus pugnam miles armabitur.

XVI. Expositio ascogefyri

(1) Ne interdum necessario itineri exercitus fluuiorum – quod plerumque euenit – occursus impediat, remedium ad hanc rem et compendio facile et usu praecipuum repperit ingeniosa necessitas, quod tali ratione componitur. (2) uitulius pellibus Arabica arte mollitis – est enim apud eos praecipua confectionis cura propter aquam de puteis follibus hauriendam – his igitur ut dictum est diligenter sutis, fiunt utres in magnitudinem trium et semis pedum, ita ut, cum idem utres spiritu inflati tumuerint, non extollant uterum sed aequalitate quadam plenitudo ipsa utrium spatia plana perficiat, ex quorum lateribus loris subter adnexis inuicem colligantur; desuper autem una parte circulis exstantibus ex altera inmittuntur uncini; et ita, in formam pontis associata, partibus explicatur integritas. (3) sed hoc idem opus obliquo fluuio propter impetum meatus facilius usque ad alteram explicabitur ripam; quod, fixis in utraque ripa ferreis palis, et funibus ualidis in medio quidem sub ipsis utribus propter incedentium sustinendum pondus, in marginibus autem firmitatis gratia desuper extensis, transeundi per fluuium nouo quodam et peregrino itineris apparatu intra breue temporis spatium praebebit liberam facultatem. (4) admonendi praeterea sumus quod super utrium compaginationem, cilicia sunt incedentium substernenda uestigiis, ne lubrica pellium confectio insistendi deneget firmitatem. (5) in utraque tamen ripa erunt manuballistae dispositae, ne hostilis manus pontem operantibus impedimento consistat.

XVII. Expositio liburnae

(1) Liburnam naualibus idoneam bellis, quam pro magnitudine sui uirorum exerceri manibus quodammodo imbecillitas humana prohibebat, quocumque utilitas uocet ad facilitatem cursus, ingenii ope subnixa ani malium uirtus impellit. (2) in cuius alueo uel capacitate bini boues machinis adiuncti adhaerentes rotas nauis lateribus uoluunt, quarum supra ambitum uel rotunditatem exstantes radii, currentibus iisdem rotis, in modum remorum aquam conatibus elidentes miro quodam artis effectum operantur, impetu parturiente discursum. (3) haec eadem tamen liburna pro mole sui proque machinis in semet operantibus tanto uirium fremitu pugnam capescit, ut omnes aduersarias liburnas comminus uenientes facili attritu comminuat.

XVIII. Expositio ballistae fulminalis

(A1) Huiusmodi ballistae genus murali defensionis necessarium supra ceteras, impetu et uiribus praeualere usu compertum est: arcu etenim ferreo supra canalem quo sagitta exprimitur erecto, ualidus nerui funis ferreo unco tractus eandem sagittam magnis uiribus in hostem dimissus impellit. (2) hunc tamen funem non manibus necque uiribus militum trahi fabricae ipsius magnitudo permittit, sed retro duabus rotis uiri singuli radiorum nisibus adnitentes funem retrorsum tendunt, pro difficultate rei uiribus machinis acquisitis. (3) ballistam tamen ipsam ad dirigenda seu altius seu humiliter tela cochleae machina prout uocet utilitas erigit nunc deponit. (4) hoc tamen mirae uirtutis argumentum: tot rerum diuersitate connexum, unius tantum otiosi (ut ita dicam) hominis ad offerendam tantummodo impulsioni sagittam opera gubernat; uidelicet ne, si hominum turba huius ministerio inseruiret, minueretur artis inuentio. (5) ex hac igitur ballista tot et tantis ingenii artibus communita expressum telum in tantum longius uadit, ut etiam Danubii, famosi pro magnitudine fluminis, latitudinem ualeat penetrare. (6) fulminalis etiam nuncupata, appellatione sua uirium testatur effectum.

(7) His igitur, inuicte imperator, machinarum quoque inuentionibus communitam potentiam inuicti duplicabis exercitus, hostium incursibus non ui solum et uiribus obuiando, sed etiam artis ingenio, maxime cum animi sagacitate per omnia elementa machinas reppereris ualituras. (8) nam siue terra sint subeunda discrimina contra desperati hostis audaciam, falcatis curribus per aperta camporum fugientium agmina persequeris; siue murum subire temptauerit occulta temeritas, experietur ballistae fidem antequam ueniat; aut si uictricem exercitus cursum fluuiorum uspiam meatus impedit, portatilis pontis pectiliaris succurret inuentio. (9) quod si nauali bello terras fugiens maria hostis obsideat, nouo celeritatis ingenio terrestri quodammodo ritu rotis et bubus subacta fluctibus liburna transcurrens restituet sine mora uictoriam. (10) quis enim huius uiribus resistet, quae et terrestres uehicularum firmitate et habet de nauigii facilitate remedium? (11) erit praeterea fulminalis ballista felicitum limitum custos, quae quanto minus ad armandam se uirorum ministerium quaerit, tanto est ingenii uirtute praestantior; quicquid enim opis in ea numerosior manus afferre potuisset, id sibi artis ingenio dotata largitur.

XIX. De bellico apparatu

(1) Cum bellicus apparatus prouocet certamina, ne turba militum confusis ordinibus uirtus compressa minuat, conueniet ducem spatia ternis agminibus ordinare, ita ut singula quaeque agmina duobus tantum uirorum milibus instruantur, ne compressa populositas, in perniciem propriam auxiliis abundans, suis copiis opprimatur. (2) conueniet tamen per glaciales euntem militem plagas et thoracomacho muniri, et reliquis ad tutelam pertinentibus rebus prout membrorum poscit utilitas armari, ut et frigoribus sufficiat et telis possit occurrere; minoribus sane clipeis assumptis, ne sit – quod usu plerumque euenit – pro armorum latitudine siluarum densitas inaccessa, et amittatur armorum enormitate refugium. (3) ad omnia tamen inrepentina subsidia militarem uiam leuibus portatum uehiculis ascogefyri comitetur auxilium, quo facilius et latior fluminum superetur occursus et effugiendi trans fluuium, si res ita tulerit, facilitas offerat. (4) Persarum sane gens, cui praeter ceteras nationes et dolus cordi est et corpori suppetit uirtus, quadratis est agminibus et maiori bellorum apparatu superanda; ubi etiam machinarum est omnis quam rettulimus industria proponenda, quae et uiribus resistat et dolos callidae gentis refutet. (5) in huiusmodi igitur congressibus tichodifrus, duorum gestatus ministerio uirorum, protegat ballistam multum bellicis subsidiis profuturam. (6) sub ipsius ergo tichodifri tegmine latentes scutati usque ad uiciniam pugnaturi hostis adueniant, qui post detecti protegendi sunt ab omni telorum nube, eiusdem tichodifri tabulatis, ut meminimus, acutis ferreis communitis. (7) cum uero inclinatum hostium pondus fugae praesidia meditetur, falcatis curribus exercenda uictoria est, quibus fugientium poplites incidantur. (8) ubi tamen angustiora loca agmen nequaquam explicari permiserint, coartatam aciem longus machinarum siue tormentorum ordo circumdet, ne constrictum latus liberior hostis infestet. (9) erit tamen utilior cura si duplex animalium numerus ad subuectionem tormentorum ducatur, ut sit copia in dubiis rebus uel lassitudini uel casibus subuenire.

XX. De limitum munitioibus

(1) Est praeterea inter commoda rei publicae utilis limitum cura ambientium ubique latus imperii; quorum tutelae assidua melius castella prospicient, ita ut millenis interiecta passibus stabili muro et firmissimis turribus erigantur. (2) quas quidem munitiones possessorum distributa sollicitudo sine publico sumptu constituat, uigiliis sane in his et agrariis exercendis, ut prouinciarum quies circumdata quodam praesidii cingulo inlaesa requiescat.

XXI. De legum uel iuris confusione purganda

(1) Diuina prouidentia, sacratissime imperator, domi forisque rei publicae praesidiis comparatis, restat unum de tua serenitate remedium ad ciuiliū curarum medicinam, ut confusas legum contrariasque sententias, improbitatis reiecto litigio, iudicio augustae dignationis illumines. (2) quid enim sic ab honestate consistit alienum quam ibidem studia exerceri certandi ubi, iustitia profitente, discernuntur merita singulorum?

Комментарии

¹ «Введение» посвящено краткой характеристике трактата и общим целям произведения. Вводная часть имеет большое значение для датировки сочинения и касается ряда общих вопросов, прежде всего, политических, административных и финансовых. Уже здесь структура трактата прослеживается достаточно четко: после обращения к императорам (§§ 1–9), рассматривается устройство финансов и проблема военных расходов (§ 10), а затем конструкция машин — основная тема трактата (§§ 11–14), завершается обзор общим заключением-призывом к правителям использовать предписанные средства (§§ 15–17). В историографии одной из главных тем является проблема адекватной оценки автором положения империи и, главное, — степени реалистичности и целесообразности его предложений. Оценки исследователей колеблются от признания автора серьезным и вдумчивым аналитиком (Thompson 1952: 4; Mazzarino 1974: 103–112; Cameron 1979: 1–10) до мнения о трактате как о политическом памфлете или даже «развлекательном произведении», с содержащимися в нем «забавными», «бесполезными» и, в известной мере, «фантастическими» предложениями (Liebeschuetz 1994: 119–121). При всей справедливости утверждений о слишком общем характере критики и предложений Анонима, наличии у него штампов и действительно необычных предложений, можно отметить и наличие понимания автором сложных проблем, стоявших перед империей и, что, может быть, особенно примечательно, совпадения некоторых его выводов с конкретным анализом ситуации (*А. Б. Егоров*).

² «Священнейшие принцепсы» (*sacratissimi principes*) — это и последующие обращения к императорам выдержаны в духе пышной фразеологии, характерной для Поздней империи (§ 8 — *clementissimi principes* («милостивейшие принцепсы»); §§ 8, 15 — *clementia vestra* («ваша милость»); § 15 — *pietas vestra* («ваше благочестие»); гл. 1, 1 — *maiestas imperatoria* («императорское величество»)). Титул *princeps* был очень популярен в литературе I–II вв. (Сенека, Тацит, Светоний), полити-

ческой жизни и бытовом обиходе, но достаточно редко встречается в официальных документах. По мнению Л. Викерта, автора одного из самых основательных исследований о данном термине, последний нельзя считать четко фиксированным титулом монарха (Wickert 1954: 2001), хотя полностью отрицать правовое значение нельзя, поскольку наименование *princeps* связано с официальным статусом императора как «первого сенатора» (*princeps senatus*). В III–IV вв. слово *princeps* практически исчезает из официальных документов и значительно реже используется в литературе, будучи вытеснено титулами *imperator* и *dominus* (Егоров 1988: 167–168). Использование его Анонимом свидетельствует об известной архаизации стиля последнего.

Особенностью послесеверовской и особенно последиоклетиановской фразеологии является подчеркнутое стремление выразить все, связанное с монархом, в превосходных степенях: *fortissimus* («храбрейший»), *indulgentissimus* («милостивейший»), *invictissimus* («непобедимейший»), *optimus* («наилучший»), *piissimus* («благочестивейший») и т. д. (Егоров 1998: 292). Эпитет *sacer* («священный») и *sacratissimus* («священнейший») становится особенно употребителен в послеконстантиновское время, став частичной компенсацией за невозможность (после принятия христианства) обожествления правителя. Даже в официальной терминологии это определение стало обычно использоваться для атрибутов, связанных с императором (*sacrum palatium* («священный дворец»), *sacrum cubiculum* («священная опочивальня»), *sacrae largitiones* («священная казна», см. прим. 3), и в титулатуре чиновников (*comes sacrae largitiones* («комит священной казны»), *praepositus sacri cubiculi* («препозит священной опочивальни») и т. д.). Слова *clementia* («милосердие») и *pietas* («благочестие») принадлежат к ключевым понятиям, характеризующим образ императора, начиная с Августа, тогда как *maiestas* («величие») символизирует величие и значимость монарха (Егоров 1998: 284–289). Четко фиксированной системы эпитетов не существовало, что оставляло возможность для творческой фантазии автора (А. Б. Егоров).

³ В классической латыни: *largitio* — «раздача, выдача» (от глагола *largior* — «щедро раздавать, даровать»). В конкретном смысле *largitiones* могло связываться с раздачами или экстраординарными выплатами армии, чиновникам или населению. В армии эти раздачи чаще всего были связаны с днями рождениями императоров, датами их возведения в сан и юбилеями правления (см., например: Амн., XV, 6, 3; XXVI, 8, 6; XXVII, 6, 12; 17; 19), причем, размер донативов были даже выше обычного жалования. А. Джонс, оценивая денежное довольствие легионера

IV в. в 600 денариев в год (не учитывая натуральные выплаты *annonae* и *capitus*), отмечает, что донатив на день рождения или *dies imperii* правителя составлял 1250 денариев. Сумма в 2500 денариев в год была, таким образом, минимальной и увеличивалась при наличии нескольких императоров или каких-нибудь событий и в отдельных случаях составляла 7500–10 000 денариев в год. Солдаты вспомогательных подразделений получали меньше: годовое жалование — 200 денариев и разовый донатив — 250, а офицеры, наоборот, больше — 2500 денариев в качестве донатива (Jones 1961. Vol. II: 623–625; Vol. III: 187–188).

В Поздней империи *largitiones* обозначало также императорскую казну. Со времени Диоклетиана (284–305 гг.) и особенно — после Константина (306–337 г.) финансовые ведомства империи разделились на три структуры: 1) администрация провинций, диоцезов и префектур, ведавшая сбором натуральных налогов, составлявших в IV в. основу налогообложения; 2) центральная казна (*sacrae largitiones*); 3) императорская собственность. *Sacrae largitiones* были автономной структурой, независимой от администрации всех уровней, а ее глава, *comes sacrarum largitionum* (CSL), был чиновником высшего ранга (*illustris*) и хотя уступал по рангу префектам претория и военным магистрам, он был независим от них и подчинен лично императору. *Largitiones* имели свой персонал в диоцезах (*rationales vicarii*) и провинциях, построенный по типу провинциальной администрации. Все крупные чиновники ведомства (от *comes* до провинциальных представителей) имели свои канцелярии (*officia*). Возникнув при Константине (хотя предпосылки имелись уже при Диоклетиане), *sacrae largitiones* становились своеобразным «министерством финансов» империи. Причем, с постепенным налаживанием денежной системы, их роль возрастала. В введении CSL и его аппарата находился сбор всех налогов (кроме главного подушно-поземельного), собираемых в денежной форме: таможенные сборы, налоги с продаж, специальные налоги (*augurum coonarum*, *oblaticium*, *tironicum* и т. д.), особые сенаторские сборы и т. д. В IV в. налоги *sacrae largitiones* составляли около восьмой части налогов, собираемых с населения. Кроме того, *comes* контролировал золотые и серебряные рудники, монетные дворы и их персонал, отвечал за чеканку и выплату денежного жалования чиновникам и армии. Дополнительной функцией *comes* стал контроль за производством одежды для двора, гражданской и военной администрации, а также — государственными и военными фабриками, связанными с работами по золоту и серебру, например: украшение оружия драгоценными металлами. Подробнее см.: Jones 1961. Vol. II: 421–438; Deruyt 1987: 125–129.

В данном контексте у Анонима *largitiones* может иметь значения и «казна», и «раздача», тем более, что эти понятия были связаны как лингвистически, так и исторически. Наконец, помпезный язык Поздней империи и сам характер названия подчеркивал известный смысл «ведомства раздач», а само жалование воспринималось как «милость» и «благоденствие» казны.

Некоторые косвенные факты свидетельствуют о возможной связи автора с *sacrae largitiones*. Кроме общего явного интереса к ее проблемам (гл. 2–3), нужно отметить известное негативное отношение к системе провинциальной администрации (гл. 4), что может быть показателем характерных для Поздней империи межведомственных распрей. С другой стороны, упоминаемые в трактате образцы монет (гл. 3, 4), предполагают наличие у него определенных профессиональных знаний в этой области, что также свидетельствует о его возможной связи с *largitiones* (А. Б. Егоров).

⁴ Не ясно, о каком «лучшем ораторе» (*optimus orator*) идет речь. Возможна ссылка на одного из знаменитых древних ораторов, может быть даже Цицерона, всегда остававшегося эталоном красноречия. Не исключено, что для понимания этой ссылки имеет значение отмеченные А. Кэмероном и В. Либешюем параллели с оратором IV в. Фемистием, к которому также может относиться это определение (Boldwin 1978: 34; Cameron 1979: 1–7; Liebeschuetz 1994: 132–133) (А. Б. Егоров).

⁵ Трибунал (*tribunal*) — возвышение, на котором восседали магистраты при исполнении служебных обязанностей, прежде всего, судебных (*tribunal praetoris*). Слово также означало возвышение, с которого выступал судебный оратор, реже — курульное кресло магистрата (*sella curulis*) или судебный процесс в целом. Сам термин *tribunal* достаточно архаичен и взят из лексики и практики республиканской эпохи, ведь наместники в эпоху Анонима не имели таких реалий как курульные кресла. Несмотря на сохранение состоятельности процесса и высокий престиж адвокатуры в IV–V вв. значительная часть дел, особенно — «рядового» и «бытового» плана, решались без ее участия и разбирались наместником или его чиновниками, ассессорами, а иногда (после Константина) и епископами и дефенсорами (со времен Валентиниана I и Валента), что делало состоятельный процесс республиканского и раннеимператорского времени известным архаизмом. Эта традиция сохранялась в сенатских и других специальных и элитарных судах, чаще всего, в случаях с крупными делами или высоким статусом участников (Jones 1961. Vol. II: 479–491, 507–515). Как лицо явно высокого положения (в противном случае он не мог бы обращаться с трактатом такого рода

к императору) автор был, видимо, связан с судами последнего рода (А. Б. Егоров).

⁶ У греческих и римских авторов «варварами» назывались все народы, за исключением их самих. Причем это название включало в себя как «примитивные» этносы, так и народы с высоким уровнем цивилизацией, особенно восточные. В эпоху Римской империи данное слово приобрело еще и политико-культурное значение: варварами обычно назывались народы, находившиеся вне территории государства. Несмотря на значительные различия в восприятии этих народов, носители античной цивилизации скорее признавали практические успехи последних (особенно, в области военного дела), не проявляя столь глубокого интереса к их научной и гуманитарной культуре, считая ее, безусловно, ниже собственной. В данном смысле, любой варварский народ не был «силен даром слова и не прославился *своими* достоинствами». Отдельные вспышки интереса, например, к персидской или вавилонской магии, индийской философии и т. д., не меняют общей картины.

Высказывание Анонима можно сопоставить с некоторыми более подробными характеристиками. Так, Плиний Старший привел античную мифологическую традицию об авторстве различных изобретений в военной области: «Первые африканцы провели битву против египтян палками, которые зовутся фалангами. Круглые щиты ввели Прет и Акрисий, сражаясь между собой, или Халк, сын Афаманта, панцирь — Мидий Мессенец, шлем, меч, копье — лакедемоняне, поножи и султаны — карийцы. Говорят, что ввел лук и стрелу Скиф, сын Юпитера, другие стрелы — Перс, сын Персея, ланцеи — Этол, дротик с петлей — Этол, сын Марса, копье велитов, пилум — Тиррен, амазонка Пентеселая — секиру, Писей — венабулу, а среди метательных машин — скорпион, критяне — катапульту, сифофиникийцы — баллисту и пращу, медный звук — Писей, *сын* Тиррена, черепахи — Артемон Клазоменец, коня (который ныне называется «баран») среди стенобитных машин — Эпей у Трои, езду на коне — Беллерофонт, узду и покрытие для коней — Пеллефроний, сражаясь с коня — Фессал, поскольку назвали кентаврами живущих за горой Пелион. Биги впервые запрег народ фригийцев, квадриги — Эрихтоний, строй в армии, подачу сигналов, пароли, стражи Паламед ввел в Троянскую войну, тогда же сигнал для дозорных — Синон, перемирия — Ликаон, союзы — Тезей» (пер. А.К. Нефёдкина; Plin. NH., VII, 200–202). Хотя среди «изобретателей» преобладают греки, Плиний перечисляет и названия варварских народов и их эпонимов, инкорпорированных в эллинскую мифологическую традицию (Скиф, Перс, Тиррен). С другой стороны, отметим, что некоторые «варвары» счита-

лись очень способными копировать римские технические достижения (см., например: Caes. V. G., V, 42) (А. Б. Егоров).

⁷ Налоговая система Поздней империи представляла собой сложную систему, в основе которой лежала налоговая система Диоклетиана. Кризис III в. привел к полному краху денежной системы и натурализации, ровно как и к фактическому крушению налогообложения. При Диоклетиане устанавливается основной подушно-поземельный натуральный налог (аннопа) на сельское население, распределявшийся согласно ценовым спискам, в которые был внесено все движимое и недвижимое имущество налогоплательщиков: пахотная земля, виноградники, луга, пастбища, рабы, скот, рабочая сила (Digest., L, 15, 4). Со времени Диоклетиана перепись происходила каждые пять лет. Собственность была оценена в *iugum* («ярмо»), размеры которого сильно варьировались по провинциям и регионам и составляли в среднем 20 югеров лучшей пашни, 40 югеров земли второго сорта и 60 — третьесортной земли (1 югер = 0,25 га). Податное население определялось в *сарут* («голова») равнявшейся налогу с одного взрослого мужчины. К данной единице были приравнены две женщины (в Понте и Азии) или одна — в Иллирике. Нижний возраст налогооблагаемого населения достигал 12–14 лет. Обе системы были приведены в соответствие, когда 1 *iugum* (единица налогообложения) был примерно приравнен к 1 *сарут*. Причём размеры земли, приравненной к *сарут*, делились в зависимости от ее качества. В Сирии (V в.) кадастровый *сарут* равнялся 20 югерам земли первого разряда, 40 — второго, 60 — третьего, 225 старым виноградным лозам и 450 молодым. Вопрос об обложении налогами городского населения, не имевшего земельной собственности, достаточно сложен. В восточных провинциях при Диоклетиане регистрировалось только сельское население, в Египте учитывалось также и городское. В Африке и Галлии во время Валента (364–378 гг.) последнее также платило *аннопае*. Следствием такой налоговой реформы стало введение приписки населения к месту жительства, в чем было заинтересовано как государство, так и крупные землевладельцы, отвечавшие за своих колоннов.

Ежегодно, в соответствии с нуждами государства, размер налогов пересматривался (Vanags 1979: 47). В среднем налог составлял $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ урожая. Со времени Диоклетиана такса росла (Jones 1959: 39–43). Тогда же появились и жалобы на непомерные налоги (Lact. De mort. pers., 5, 6–7; Paneg. Lat., V, 6–7). Впрочем, более поздние авторы давали этому времени более умеренную оценку. Аврелий Виктор (Caes., 29, 32) отмечает, что во времена Диоклетиана налогообложение было еще терпимо, став невыносимым в его собственное время (ок. 360 г.). Фемистий

(Orat., VIII, 113c) считал, что оно удвоилось со времени Диоклетиана. Это, в принципе, перекликается с предложением Анонима сократить налоги вдвое.

Современники, очевидно, не без основания, были уверены в завышенности налогообложения. Объективным показателем этого является регулярная практика списания недоимок. Современные исследователи отмечают негативные стороны налоговой системы: отсутствие прогрессивного характера налогообложения и несправедливое (вольно или невольно) распределение налогов, при котором особенно страдали бедные и средние слои, в основном — сельского населения (Jones 1961. Vol. II: 467–469). Естественно, еще большее количество жалоб приходится на различные «потери» при сборах налогов: прямая коррупция, вымогательства и воровство чиновников, их произвол и жестокость. Ведь подати собирали сборщики, сопровождаемые солдатами. При этом применялось избивание палками, высылка, конфискация имущества. Так, ритор Либаний (314–393 гг.) описывает положение в сельской местности (Liban. Orat., II, 32): «В наше время повсюду видишь запущенные поля, которые привело в запустение взыскание податей с пристрастием ... Оставшимся же в деревне (когда большая часть населения разбежалась) не к чему запираť дверей, ибо тому, у кого ничего нет, ничуть не приходится бояться грабителей» (пер. В. С. Сергеева). Всем этим обвинениям отдает дань и Аноним (гл. 4). Простое упорядочение сбора налогов могло дать хорошие результаты. Политика Юлиана, а позднее Валентиниана и Валента была направлена на уменьшение налогов на провинциалов (Amm., XVI,5,14; XXX,9,1; XXXI,14,2). Так, Юлиан уменьшил подати в Галлии с 25 до 5 солидов за сарц и обеспечил полное поступление налогов в казну (Amm., XVI,5,14), а Валент уменьшил подати на четверть (Them. Orat., VIII,113a). Показательно, что оба императора делали довольно много именно в этом направлении, что еще раз показывает «актуальность» требований автора (Jones 1961. Vol. II: 457–458). Признавая известную «утопичность» требований Анонима, отмечаемую В. Либешуцем (Liebeschuetz 1994: 122–125), можно заметить, что они вполне согласуются с попытками некоторых современных ему правителей, которые, в известном смысле, можно считать «утопичными», поскольку им не удалось одолеть систему, но которые все же дали результаты (более позитивные оценки Анонима см.: Mazzarino 1974: 103–112; Vanags 1979: 47–57). С другой стороны, известным успехом государства, если не решившим, то, по крайней мере, облегчившим налоговое бремя, был перевод натуральных сборов в денежную форму; причем переломным этапом в этом процессе было как раз время Анонима (Jones 1961. Vol II: 460; Vol. III: 125–

126). Хотя натуральные сборы были еще в VI в. в Византии, качественный переход все же произошел, что и отразилось в последующих частях произведения (гл. 2–3) (А. Б. Егоров, А. К. Нефёдкин).

⁸ Подобные мосты использовались римскими войсками во время Восточного похода Юлиана в 363 в., то есть этот «новый мост» уже тогда был известен (Аmm., XXIV,3,11; XXV,6,15; см.: Hognell 1945: 72–79; Cerati 1970: 165). Подробнее об этом понтонном мосте Аноним рассказывает в главе 16 (А. К. Нефёдкин).

⁹ Появление понятия «философия» (philosophia) в традиционном античном смысле является в данном контексте достаточно необычным. Восходя к Гомеру, Пифагору и Гераклиту, данный термин приобретает близкий к современному смысл уже у Платона и Аристотеля: наука об общих принципах бытия и познания, отношении человека к мышлению. Примерно к этому времени формируются и ее основные принципы как «науки наук», «основной науки» и ее составных частей: онтологии, логики, этики, эстетики, философии истории. Традиция Платона, в целом, оставалась доминирующей до конца античности. Уже со времени Сократа, а позднее — у Эпикура и стоиков, под «философией» понимается и выработка правил жизнедеятельности. Особенностью позднеантичной философии стал рост интереса к вопросам религии и мироздания (неоплатонизм, скептицизм, неопифагореизм и т. д.), что тем более не соответствует словоупотреблению Анонима. В любом случае, сюжеты, затрагиваемые Анонимом (техника, экономика, политика, судебная система), не входят ни в платоновско-аристотелевское, ни в эпикурейское или христианское понимание философии как науки или системы мировоззрения. Можно предположить лишь наличие буквального смысла слова «любомудрствование» — φιλοσοφία (φιλέω — любить, σοφία — мудрость), то есть любовь к знанию во всех ее проявлениях. Данное словоупотребление хорошо вписывается в «возвышенный» стиль автора (А. Б. Егоров).

¹⁰ Основная тема первой главы — финансовые и монетно-эмиссионные проблемы Империи. Интерес к этому сюжету не случаен, поскольку именно в IV в. в этой области происходят важные перемены. Кризис III в. привел к гиперинфляции, «порче монеты» и обесцениванию денег, особенно — медных и серебряных монет, что углубляло кризис. Правительство Диоклетиана (284–305 гг.) пыталось вернуться к ситуации II в., в основном, посредством реставрации финансовой системы, стабилизации цен, борьбы со спекуляцией (см. прим. 18). Предложения Анонима близки к диоклетиановскому варианту стабилизации, видимо, встретившему сочувствие в различных слоях общества, однако они оказались нереальными. Финансовые мероприятия Константина I, заключавшие-

ся во введении золотой валюты, солида, и фактического отказа от серебряных и медных денег, оказались принципиально иным решением вопроса, что вызвало критику Анонима. Эта политика была продолжалась при преемниках императора, а сам солид сохранялся до XI–XII вв. (А. Б. Егоров).

¹¹ По мнению С. Рейнака, Аноним предостерегал императора от широкомасштабных раздач военной добычи, что привело бы быстрой трате средств и к новой войне (Reinach 1922: 214). Впрочем, речь скорее идет не о военной добыче (персидский поход Юлиана (363 г.) не дал значительной добычи, а войны с варварами а priori были «затратными» и «нерентабельными»), сколько о награждениях армии, поводом к которым становились боевые победы. В 350–360-е гг. происходит резкий рост денежной эмиссии. Согласно подсчетам Ж. Депенро, было найдено 3498 золотых монет и 224 серебряных, относящихся к 337–364 гг., 2104 золотых и 446 серебряных, относящихся к 364–368 гг., 3192 золотых монет датировались 368–393 гг., 754 серебряных — 368–375 гг. и 1741 — 375–393 гг. (Depeyrot 1987: 105–107, 113–114). По остроумному замечанию французского нумизмата, время Валентиниана I стало «золотым веком» в буквальном смысле этого слова (Depeyrot 1987: 107) (А. Б. Егоров).

¹² Призыв возвращения к «обычаям предков» был «общим местом» во все периоды римской истории, что четко прослеживается, начиная с Цицерона, Саллюстия, Ливия и Вергилия, а возможно — еще со времен Невия, Энния и старших анналистов. Как показывает пример современных Анониму историков (Евтропий, Аврелий Виктор), мыслителей и риторов (император Юлиан, Либаний, Фемистий), идеализация могла проявляться и по отношению к классической или эллинистической Греции (Либаний, Фемистий), и к царскому или раннереспубликанскому Риму времен Фабриция, Сципиона и Катона (Евтропий). Еще одним объектом идеализации была эпоха Антонинов, от Траяна до Марка Аврелия («Писатели истории августов», Евтропий, Аврелий Виктор). Наконец, идеализироваться могла и совсем недавняя эпоха Диоклетиана (у Анонима можно обнаружить идеи, «созвучные» его политике) и особенно Юлиана Отступника (в данном случае проследить это отношение значительно сложнее). Различные оттенки данной архаизации можно найти у Анонима, хотя конкретные намеки зачастую непонятны (А. Б. Егоров).

¹³ Согласно Э. Томпсону, речь идет о царском периоде римской истории (Thompson 1952: 29), что вполне возможно, так как в представлении современников Анонима царский период был временем устройства гражданской и политической жизни города и создания храмов

(Eutrop., I,1–9). Не исключено, что речь идет о конкретном событии, строительстве храма Юпитера Капитолийского (Eutrop., I,6; ср.: Liv., I,55–56,3). С другой стороны, данное замечание вполне могло носить и общий характер, относясь к республиканскому или антониновскому периоду (А. Б. Егоров).

¹⁴ В данном пассаже автор использует слово *largitas* («щедрость»), которое обозначает непосредственную раздачу, видимо, уточняя понятия *largitiones* (А. Б. Егоров).

¹⁵ В историческое время денег из керамики и упоминаемой ниже кожи в Риме не было, и некоторые исследователи вообще склонны отвергать это сообщение Анонима, отмечая, что образованные читатели не были склонны воспринимать его всерьез (Liebeschuetz 1994: 121). Если же попытаться увидеть в сообщении историческую реальность, то сообщение Анонима можно сопоставить с рассказом Ливия (IV,60,6; Per., 15) об изготовлении *aes grave* (ср.: Plin. NH, XXXIII,112,46; Thompson 1952: 19–47). Уже в ранний период, в VII в. до н. э., в Лации и даже в районе Рима проникают импортные греческие монеты из Кампании и Великой Греции. В Риме древнейший вид денег появился в V в. до н. э. Первоначально это были слитки меди треугольной формы, имитирующие бычью морду (*aes* или *aes rude*). Во второй половине V в. до н. э. их заменили бронзовыми или медными пластинками прямоугольной формы различного размера и веса, иногда с изображениями (бык, орел, Пегас и другие). Основной же денежной единицей был фунт или либра (272 гр), который уступил место в IV в. до н. э. настоящей медной монете, либральному ассу (*aes grave*). Если по поводу появления последнего среди исследователей существует относительное согласие, то, по мнению некоторых из них, весовые медные деньги, вначале *aes rude*, а затем *aes signatum* (то есть *aes rude* с меткой) существовали значительно раньше, возможно с начала Рима, тогда как метку (*signa*) начали ставить при Сервии Туллии (Zehnaker 1972: 284–287; Бокщанин 1981: 19; Маяк 1997: 70) (А. Б. Егоров).

¹⁶ О собственно деньгах такого рода сообщает Исидор Севильский (Orig. XVI.184): «Ведь из кожи домашних животных монеты вырезались и чеканились. Позднее Сатурном золотая монета *была* введена». Не исключено, что автор, знакомый с порчей монет в III–IV в., переносит эту практику и в более раннюю эпоху (А. Б. Егоров).

¹⁷ Изображения на монетах начали чеканить уже политические деятели I в. до н. э. (Сулла, Помпей, Антоний, Брут). Начиная с Цезаря и Августа портрет императора стал неотъемлемым атрибутом практически всех монет, особенно золотых и серебряных (А. Б. Егоров).

¹⁸ Собственно история римских металлических монет выглядит следующим образом. До начала III в. до н. э. медные деньги были единственными, которые чеканили сами римляне, пользуясь золотой и серебряной валютой греческих городов или тезаврируя эти металлы, что, видимо, и вызывает одобрение Анонима (2,5–8). Перемены в монетной системе были тесно связаны с экономической и политической системой. С 268/9 г. до н. э. после победы над Пирром и выходом Рима на международную арену начинается чеканка собственно серебряных денег, денариев, равных 10 ассам, а также его частей: квинария (5 ассов, полденария) и сестерция (25 ассов, четверть денария). Падение курса асса было связано с кризисом во время II Пунической войны. Великие завоевания первой половины II в. до н. э. вызвали приток драгоценных металлов и дефляцию 160–140-х гг. до н. э., которая, впрочем, сменилась инфляцией 137–121 гг. до н. э., связанной с экономическим кризисом. В конце II в. до н. э. в Риме появились и золотые деньги (*aurei*). События 120–80 гг. до н. э. привели экономику к полному краху. Сначала медленный (79–62 гг. до н. э.), а затем и более быстрый (после победы Цезаря) выход из кризиса закончился стабилизацией монетной системы во время принципата в I–II вв. Роль крупных денег играли золотые ауреи, а мелких — серебряные денарии и сестерции, игравшие ту же роль, что и асс и сестерций во времена республики. Показателем экономического роста может служить динамика роста римской казны: 82 г. до н. э. — 40 млн. сестерциев, к 62 г. до н. э. — 260 млн., в 44 г. до н. э. — 800 млн., при Августе — 2–2,5 млрд., а при Тиберии — 2,7 млрд. (R. g., 10; Suet. Calig., 48). Этот уровень сохранялся до времени Антонина Пия (138–161 гг.) (Моммзен 1996. Т. II: 304; Т. III: 341–343).

Процессы изменения соотношения золотых, серебряных и медных денег начались еще при принципате. «Порча» монеты и, следовательно, падение ее стоимости началась при Нероне (54–68 гг.), когда в ауреях, сестерциях и денариях происходит увеличение примеси меди (5–10%). Этот процесс продолжался вплоть до времени Марка Аврелия (25%), усилившись во время Маркоманнских войн (167–180 гг.). При Септимии Севере (193–211 гг.) медь составляла 50–60 %, а в середине III в. — 80–90 % и более (Бокщанин 1981: 88). Рост цен принял обвальный характер. Если во II в. до н. э. модий (8,7 л) пшеницы стоил полденария, то при Диоклетиане уже после двадцатилетней стабилизации — 100 денариев (Jones 1961. Vol. I: 27). Вместе с тем, медные деньги полностью обесценились. Диоклетиан попытался восстановить ситуацию времен принципата и даже республики, когда золотые и серебряные деньги служили для государственных расчетов, а медные — для хождения сре-

ди подданных. Эта схема затем рухнула, и IV век был отмечен прогрессирующим ростом цен и падением ценности меди, а позднее — серебра, по сравнению с золотом, дошедшим до фантастических размеров. Если в 324 г. золотой солид стоил 4 250 денариев, то к 361 г. — 250 000, количество же медных денег, даваемых за золото, измерялось астрономическими цифрами (Jones 1961. Vol. II: 440–443). Все это стало причиной фактического отказа Константина и его преемников от медной, а затем и серебряной монеты. Само стремление Анонима к возрождению старой денежной системы выглядит утопичным и ошибочным (А. Б. Егоров).

¹⁹ В кодексах действительно сохранились рисунки, восходящие к более ранним прототипам. На таблице между главами 3 и 4 изображены монеты, которые по кодексу С (Oxoniensis Canonicianus class. Lat. misc. 378) детально изучил Р. Рис, предложивший свою реконструкцию, чьи выводы и будут приведены ниже (Reese 1979). Он считает, что тут представлены шесть разных монет, верхние из которых золотые, а нижние — бронзовые. Если изображение на верхней правой монете сложно атрибутировать, то на центральной и правой, вероятно, изображен один и тот же император в диадеме и в венке. На левой монете снизу — изображение двух фигур, стоящих с разных стороны алтаря с легендой ROME ET AVG, на центральной — сидящая человеческая фигура, видимо император, с легендой MONETA AVGUSTI, на правой — крылатая женщина в шлеме, возможно, богиня победы Виктория, держащая шар с надписью SPQR. Как указывает Р. Рис, идентификация изображений представляет собой значительные трудности и безоговорочных выводов делать не следует. Наиболее просто атрибутировать центральную и правую монеты сверху. Здесь изображен Константин Великий в диадеме, которую он первым из римских императоров одел на праздновании двадцатилетия своего правления в мае 325 г. На правой монете показан он же в лавровом венке — атрибуте прежних римских правителей. На нижней левой монете предположительно изображен алтарь Рому и Августа («Алтарь трех Галлий»), установленный в Лугдуне в 12 г. до н. э. Друзом Старшим, что стало началом учреждения императорского культа в Галлии, причем само изображение, видимо, восходит к ассу Тиберия. На центральной монете снизу Р. Рис также видит Августа, изображение которого очень походит на сидящие статуи первого принцепса. Сама же монета, видимо, восходит к ассу Домициана. Правая монета снизу скопирована с бронзового асса Нерона, в первый период правления которого чеканилось много монет с сенатской символикой. Р. Рис, удивляясь антикварному интересу Анонима к монетам трехсотлетней давности, выдвигает свое объяснение этого феномена: «более вероятно, — пишет

он, — художник-иллюстратор эпохи ренессанса пошел в кабинет своего патрона, нашел портретную серию двенадцати цезарей, выбрал монеты Тиберия, Нерона и Домициана... взял и перерисовал их» (Reese 1979: 65). Впрочем следует заметить, что в кодексе М (Codex Latini Monacensis 10291) изображения не соответствуют реконструкции Р. Риса. На трех верхних монетах — портретные изображения: слева — диадеме, в центре — предположительно в шлеме, справа — без атрибутов. Снизу слева — показан триумфатор, в центре — сидящий человек, справа — стоящий император, дающий что-то сидящему человеку или держащий его руку, либо перед правителем на коленях стоит представитель покоренного народа. Интерпретация этих монет без надписей еще более затруднительна и весьма предположительна. Голова в диадеме, возможно, представляет портрет Константина Великого. Похоже, что и левая нижняя монета относится к нему. В период империи триумф был редким явлением даже для императоров и, как кажется, в IV в. единственным правителем-триумфатором был Константин (победы на Максенцием в 313 г., над Лицинием в 324 г. и готами в 332 г.), до него триумф справляли Аврелиан и Септимий Север. Некоторое сходство с изображениями Константина имеет и изображение головы в шлеме. Правые монеты имеют сходство с монетами Валента. Однако император тут показан без атрибутов власти (диадемы, лаврового венка), что практически не встречается на императорских монетах, но такие изображения есть на республиканских и на средневековых монетах. Нижнее правое изображение похоже на благотворительные монеты Антонинов, хотя может относиться и к аналогичной деятельности императоров IV в. (А. Б. Егоров)

²⁰ В данной главе Аноним обращается к недавней истории, в частности, ко времени Константина I (306–337 гг.) и последствиях деятельности последнего. Денежная реформа этого императора была принципиально иным решением вопроса, нежели меры Диоклетиана, хотя в значительной мере она опиралась на общую стабилизацию, установившуюся в результате деятельности предшественников, в частности, на золотые запасы, сделанные Аврелианом (270–275 гг.) и Диоклетианом. Была введена новая золотая монета солид, равная 1/72 фунта, и ее подразделения пол- и треть солида (соответственно, *semissis* и *tremissis*). Чеканка серебряных монет, ценность которых постоянно падала, продолжалась довольно долго, до 393 г., а соотношение медных монет к золотым достигало миллионов денариев и нуммов. Как и другие позднеантичные авторы, Аноним явно относится к реформе негативно. Неприятие Анонимом мероприятий Константина может говорить о проязыческих симпатиях автора. Но, вполне возможно, будучи индифферентным к религиозным

вопросам, автор критикует их с общеэкономических, политических и моральных позиций. Аноним указывает на источник получения государством огромного количества золота для проведения преобразований, что отчасти может объяснить и прохристианскую политику императора. Другими источниками золота были принудительные заказы городам и новые налоги. Следствием реформы стал рост налогов и цен, равно как и ценности самого золота. Впрочем, реформа, видимо, не имевшая альтернативы, оказалась очень долговременной (Jones 1961. Vol. I: 107–110; Vol. II: 439, 449–452; Depeyrot 1981: 35-55) (А. Б. Егоров).

²¹ Впрочем, Р. Рис, поддерживая мнение Стивенса, считает, что речь у Анонима идет о Констанции II (337–361 гг.), в частности о 353 г. (Reese 1979: 61–62) (А. К. Нефёдкин).

²² Эти богатства храмов были огромны. Посвятительные дары в святилища могли достигать огромных размеров. Так, к примеру, Август однократно подарил храму Юпитера Капитолийского 16 000 фунтов золота (5 240 кг), а также жемчуг и драгоценные камни на сумму 50 млн. сестерциев (Suet. Aug., 30,2). Петроний отмечает, что сенат обычно посвящал Юпитеру Капитолийскому 1000 фунтов золота (327,5 кг) (Petron. Sat., 88; см. также: Eutrop., IX,15,1) (А. К. Нефёдкин).

²³ В данном пассаже Аноним косвенно свидетельствует о торговом оживлении. Введение в обиход большого количества тезаврированных и «неработающих» денег и драгоценных металлов часто вызывали такие бурные подъемы, как «экономическое чудо» эпохи Александра и раннего эллинизма или Рима времени Цезаря и Августа. Реформа Константина не вызвала большого экономического скачка в силу ряда политических, военных и собственно экономических причин, но, видимо, несколько «самортизировала» кризис империи в IV–V вв., особенно на Востоке (А. Б. Егоров).

²⁴ Множественное число при обозначении названия государства (imperia) в древности было не очень употребительным — государство чаще именовали imperium Romanum. Видимо, Аноним имеет в виду правление различных императоров (А. Б. Егоров).

²⁵ В эпоху империи слово tyrannus, в целом, сохранило свой традиционный негативный смысл и, как правило, использовалось в двух смыслах, обозначая как незаконный характер власти и нелегитимность его носителя, так и жестокий характер правления последнего. Хотя между этими понятиями и было определенное различие, но смыслового противоречия не было: тиран — это не только тот, кто захватил не принадлежащую ему власть, но и тот, кто, будучи законным правителем, не правит ради общего блага и притесняет подданных (Sen. De clem., I,11,4).

В эпоху Поздней империи на первый план выступает именно первый смысл: тираном называют правителя, не получившего одобрения со стороны утверждающих инстанций (правлящего императора, сената и армии). Особое распространение тираний, то есть узурпаций разного уровня, от небольших провинций до претензий на власть в масштабах всей империи, приходится на 250–260-е гг., на время правления Валериана и Галлиена. Многочисленные узурпаторы и лидеры сепаратистов этого периода, среди которых были и значительные фигуры, по явной аналогии с афинскими правителями 404–403 гг. до н. э. получили название «30 тиранов». Большинство из них были уничтожены Галлиеном (259–268 гг.), а затем Клавдием II (268–270 гг.) и Аврелианом (270–275 гг.). Новый всплеск «тираний» пришелся на время правления Проба (276–282 гг.). С приходом к власти Диоклетиана военные узурпации стали уходить в прошлое, но не исчезли. Классическим примером «тиранов» в позднеантичном смысле слова можно посчитать Г. Валерия Караузия, провозгласившего себя в 288 г. императором в Британии, где он, а затем его преемник, удерживали власть вплоть до 296 г. В 295 г. в Египте некто Ахиллес провозгласил себя императором под именем Л. Домиция Александра. Цезарями провозгласили себя лидеры багаудов, Аманд и Элиан. В данном случае намек автора на тиранов-лидеров бедноты может подразумевать и эту возможность. В период гражданских войн 306–324 гг. борющиеся стороны довольно широко применяли друг к другу наименование «тиран». Особенно интенсивно становящаяся все более официальной константиновская пропаганда применяла его к противникам императора, Максенцию, Максимину Дазе и Лицинию. Несмотря на сложную политическую и дипломатическую игру, которую вели с ним официальные власти, тираном считался и Магн Магненций (Baldwin 1978: 27; Циркин 2002). Наконец, во время правления Валента к числу тиранов относили Прокопия, поднявшего в 365–366 гг. восстание против императора. Сообщение Анонима может содержать указание и на эти, относительно недавние, события (*А. Б. Егоров*).

²⁶ Аноним намекает на созданный Гесиодом, а отчасти еще и Гомером, образ «Золотого века». Понятие «Золотое время» или «Золотой век» (*auraea aetas, aureum saeculum*), бывшее наследием греческой литературной традиции, в полной мере развивалось и в Риме особенно со времени Августа. К числу классических преданий о «Золотом веке», то есть о древнем обществе всеобщего благоденствия с идеальными условиями жизни людей и высокой нравственностью, относится, в частности, предание о Сатурновом царстве (переработка и разработка греческого мифа о Кроне), образ Аркадии и «Островов Блаженных». Такого рода

идеализацию древних обществ можно увидеть на примере восхищенного отношения к древнейшим Афинам (образ последних у Аристотеля и Платона), ликурговой Спарте, царскому Риму. Образы этих и других древнейших царств можно найти у многих римских авторов: Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия, Плиния Старшего, Сенеки. Одной из наиболее характерных черт такого общества являлось «естественность» образа жизни и отсутствие разлагающей власти денег (например, Спарта эпохи Ликурга) (подробнее см.: Гуторов 1989: 69–83, 122–126, 140–175; Чернышев 1992: 1, 3–21, 35–54). Аноним, в известной мере, противопоставляет два образа: древние царства «Золотого века» с минимизированным или вообще нулевым доступом золота в качестве денег, но со всеобщим счастьем и благоденствием людей, и современную империю IV в. с огромным количеством золотых денег и тяжелейшими внутренними проблемами. Происходит известное ироничное противопоставление «Золотого века» древности и «золотого века» постконстантиновской империи, прямого и переносного смысла понятий (*А. Б. Егоров*).

²⁷ Третья глава продолжает тему двух предыдущих глав, обращаясь к рекомендациям по улучшению монетного дела. Автор касается такой проблемы, как чеканка нестандартных солидов, что, возможно, связано и с другим видом «порчи»: уменьшением золотого и серебряного содержания монет при сохранении номинала (см. прим. 18). Это было как результатом действий правительства, так и происходило из-за хищений лиц, связанных с чеканкой монеты. В период правления Аврелиана, в первой половине 270-х гг., Рим потрясло грандиозное восстание монетариев, поддержанное значительной частью населения города, которое было вызвано борьбой правительства с этими хищениями. Сами монетарии (работники монетных дворов) были императорскими рабами, а их профессия была фактически наследственной. На самих же монетных дворах существовала жесткая пропускная система, препятствовавшая хищениям. Впрочем, некоторые из этих рабочих богатели и выкупались на волю. Опасения Анонима по поводу подделки и порчи монет совпадали с тревогами властей (CTh., XII, 6, 12, 336; 13, 367), а само требование изолировать данных работников монетных дворов от остального населения (§ 2) могло быть навеяно как реминисценциями 270-х гг. и реальными опасениями хищений, так и древней традицией расположения монетного двора в укрепленных и изолированных местах, например, в храме Юноны Монеты на Капитолии в Риме. Со времен Диоклетиана количество монетных дворов резко возросло: они были почти в каждом диоцезе. В начале IV в. монетные дворы существовали в Аквилее, Александрии, Антиохии, Гераклее, Карфагене, Кизике, Лионе, Лондинии, Никомедии, Риме, Сер-

дикке, Сисции, Тицине, Трире, Фессалонике. Эта система с некоторыми изменениями сохранялась и позднее (Jones 1961. Vol. II: 435–438) (А. Б. Егоров).

²⁸ В четвертой главе Аноним касается судебной, точнее, судебно-административной системы Римской империи. Система провинциального управления была создана еще в республиканский период. В начале правления Августа было 20 провинций, к III в. их стало 40–50, а в результате реформ Диоклетиана их численность возросла до 97–109 и позднее существенно не менялась (Jones 1961. Vol. I: 41–45). Большинство провинций управлялось наместниками всаднического сословия, именуемыми президами (*praesides*), но некоторые из них имели более высокий ранг и титулы (проконсулы, префекты, комиты). Провинции были объединены в диоцезы, по размерам приближавшиеся к старым провинциям. В Западной части империи было 6–7 диоцезов, в Иллирике — 3, столько же их было на востоке. Во главе диоцеза стоял викарий, которому и подчинялись наместники провинций. При Константине сложилась система префектур, состоявших, в свою очередь, из диоцезов: Галлия, Иллирик, Италия и Восток.

Основными функциями наместника были сбор налогов и суд, соответственно, и его канцелярия делилась на два отдела: финансовый и юридический. С исчезновением юрисдикции муниципальных властей, наместник стал судьей первой инстанции. Он сам разбирал наиболее крупные дела, отсылая по более мелким к назначенным им судьям (*iudices pedanei*). На решение наместника можно было апеллировать к императору, однако реально апелляционными судами были викарии и префекты претория.

Кроме этой общей административно-судебной системы, где суд не был отделен от администрации, существовала довольно сложная система специальных и сословных судов. В Риме и Константинополе, дела разбирали столичные администрации во главе с префектами города; тяжбы, связанные с интересами казны и императорской собственности, разбирались чиновниками *sacrae largitionis* и *res privata*; военные находились под юрисдикцией своих командующих; сенаторы имели право требовать сенатского суда. Специальные суды рассматривались как привилегированные. Подробное описание системы см.: Jones 1961. Vol. II: 479–480, 484–493.

Судебная система Поздней империи подвергалась сильной критике со стороны различных слоев общества, от императоров, высокопоставленных чиновников и сенаторов и знаменитых ораторов (Либания, Фемистия и Гимерия) до простых людей, крестьян, горожан и колонов. Суды,

особенно суды наместников, критиковались за медлительность, некомпетентность и необразованность судей и, особенно, — за жестокость, вымогательства и коррупцию (см., например: CTh., I,16,4; CJ, III,1,13). В этом смысле Аноним, в целом, повторяет общие оценки своих современников. Особой критике подвергалась административная ветвь системы и суды наместников. Императорская власть, в общем, не выработала иных рецептов борьбы со злоупотреблениями, кроме усиления контроля, наказаний и улучшения персонального отбора. Императоры делали попытки выйти из «судебного кризиса» и если не изменить, то модифицировать саму систему. Константин дал юрисдикцию епископам, решения которых стали обязательными для властей (CTh., I,27,1,318; Const. Sirm., I,333; Jones 1961. Vol. II: 390, 480). Несмотря на то, что такими судами могли пользоваться только христиане или, по крайней мере, люди признающие авторитет церкви, епископальные суды обладали репутацией более быстрых, дешевых и справедливых. При Константине же эпизодически появлялись суды *defensor civitatis*, имевшие низшую криминальную юрисдикцию и решавшие мелкие дела. Расцвет этой системы приходится на время Валентиниана I и Валента (CTh., I,29,2,365; 5,370), что способствовало росту их популярности среди низов населения. В результате среди части современной историографии за этими императорами закрепилась репутация защитников «простого человека» (Jones 1961. Vol. II: 480). Отмеченный Х. Брандтом интерес Анонима к правовым вопросам (Brandt 1988: 127–133) вполне может быть связан и с этим преобразованием, если не изменившим, то, по крайней мере, разгрозившим сенаторские суды (А. Б. Егоров).

²⁹ Пассаж, подтверждающий, что речь идет именно о наместниках провинций. Префект претория, викарии и наместники отвечали за сбор натуральных налогов, составлявших основу снабжения и жалования армии, одежды, лошадей и других животных, принудительные и общественные работы для военных нужд. До конца IV в. префекты ведали фабриками, производящими оружие, позднее эти последние перешли в руки магистра оффиций, однако снабжение сырьем и продовольствием рабочих оставалось заботой гражданской администрации (Jones 1961. Vol. II: 449). Набор рекрутов производился на основании введенного Диоклетианом регулярного призыва по тому же принципу, что сбор подушно-поземельного налога (CTh., VII,13,2,370; 7,375). Военные власти оказывали содействие в случае необходимости. Иногда власти собирали деньги для вербовки добровольцев (*auxilium tironicum*), причем этот налог шел через *largitiones* (Jones 1961. Vol. II: 431–432; 616). Интересно, что жалобы Анонима находятся в русле достаточно системати-

ческих мер, которыми Валентиниан I и Валент пытались упорядочить систему рекрутских наборов. В 375 г. Валент установил правила, согласно которым рекрут оценивался в 30 солидов, плюс шесть на одежду и разные расходы (CTh., VII,13,7,375). По другому закону рекрут должен браться из зарегистрированных арендаторов, а землевладелец не имел права предложить за него бродягу или сына ветерана (набор последних происходил отдельно) (CTh., VII,22,8,372; 13,7,375). С другой стороны, Валентиниан I известен исключительно жестокими действиями против уклоняющихся от военной службы (CTh., VII,13,4,367; 5,368; Jones 1961. Vol. II: 616–617) (*А. Б. Егоров*).

³⁰ Как представляется, эта глава является ключом ко всей программе реформ Анонима, поскольку на предложениях, изложенных в ней, основана экономическая программа автора по выводу империи из кризиса. В V главе Аноним предлагает осуществить комплекс мер, с помощью которых, по мнению автора, можно будет достичь сразу же нескольких целей. Суть его предложений сводится к следующему: 1) Сокращение для солдат сроков военной службы и отправка их в почетную отставку ускорит процесс продвижения по службе, что привлечет большее количество желающих вступить в армию. Медленное продвижение по службе могло быть даже поводом к солдатским бунтам, как это произошло в правление Констанция II (Амт. XX, 8, 1) и Грациана (Zos., IV, 35, 2); 2) Государственная казна избавляется от необходимости выплачивать постоянные анноны солдатам через определенное количество лет; 3) Вышедшие в отставку солдаты превращаются в налогоплательщиков в отличие от существующей практики освобождения от налогов отставных солдат и их родственников. В этом как раз и заключается самое главное новшество в программе Анонима. Основная задача реформы Анонима — увеличение в несколько раз количества налогоплательщиков, поскольку в противном случае при обещанной возможности снижения налогов вдвое (Praef., 10) налоговые поступления в казну сократятся; 4) Расселение вышедших в отставку солдат в пограничных районах создает обученный резерв в случае внешней опасности.

В целом картина вырисовывается довольно радужная. В казне сохраняются огромные средства, сильные и молодые солдаты превращаются в зажиточных крестьян, опять-таки не без пользы для казны, а для отражения варварских атак могут быть призваны дополнительные воинские контингенты из резервистов.

Осуществимость программы Анонима упирается в целом в один главный вопрос: насколько более ранняя выдача наград при отставке, теперь уже после укороченного периода службы, трактовалась бы потенциаль-

ными рекрутами как действительное улучшение их положения, если в этом случае они должны были также платить налоги, как и все. Во второй половине IV в., то есть во время написания трактата Анонимом, служба в армии обеспечивала привилегиями при уплате налогов не только солдат, но и членов их семей, и уровень льгот с течением времени возрастал, что представляло собой действительные экономические выгоды, и поэтому должно было являться действительно стимулирующим фактором, стоявшем на первом месте для вступающих в армию. Солдаты служили не только для самих себя, но и ради своих детей. Аноним же, хотя он об этом открыто и не говорит, полностью снимает налоговые иммунитеты. А лишая ветеранов налоговых иммунитетов, Аноним убирает мощный побудительный мотив для поступления на военную службу, и поскольку он не дает нам действительных цифр для предложенной им длительности службы или размера выходного пособия, мы не можем уравновесить выгоды ранней отставки и потерь от обложения налогами. П. Вэнэгс полагает, что рекрутские наборы с существовавшими в то время условиями удовлетворяли обе стороны. Государство получало рекрутов для армии, а крестьянская семья — выгодную компенсацию потерь рабочей силы в виде освобождения существующего капитала от налогов. Конечно, уход лишнего сына был некоторой потерей, но в крестьянских хозяйствах того времени, не страдающих от давления перенаселения или скудости почв, не каждая пара рук использовалась полностью, а предоставляемые налоговые льготы означали, что труд сына обменивался на доход семьи, который в противном случае ушел бы как налог правительству. Отправка младших сыновей была небольшой потерей, которая могла быть компенсирована оставшимися работниками. Постоянное рекрутирование крестьян с Балкан, десятилетие за десятилетием, во времена Поздней империи без каких-либо очевидных вредных последствий подтверждает эту гипотезу (Vanags 1979: 52). Правда, здесь необходимо учитывать, что продолжительность выгод от такого освобождения от подушного налога зависела от того, был бы увеличен размер поземельного налога крестьянских семей, чтобы возместить разницу, выданную в освобождении от налогов или нет. Это погружает нас в сложную налоговую игру, в которой правительство, теряя на подушном налоге, компенсировало потери увеличением поземельного налога (Vanags 1979: 52). В принципе, такую игру очень напоминает и сама программа Анонима с продуманной системой замен и взаимозачетов.

Таким образом, мы видим, что приоритеты правительства Поздней империи расходятся с идеями Анонима — рекрутирование было задачей первостепенной важности, и побудительные стимулы предпочитались

конскрипции (Vanags 1979: 51). Правительство понимало, что любые потери в доходах вследствие предоставления таких налоговых льгот было приемлемой ценой за улучшение ситуации с набором и обеспечением преданности войск (CTh., XIII, 7, 3). В связи с этим исчезновение отдельного подушного налогообложения в рекрутируемых областях Балкан (в Иллирике — CJ, XI, 53,1 371, во Фракии — CJ, XI, 52, 1) и вместе с этим целый побудительный план прощения долгов представляет большой интерес (Vanags 1979: 53).

Дополнительным препятствием для успешного воплощения программы Анонима было его предложение использовать вышедших в отставку ветеранов в качестве пограничной стражи, о чем он говорит в двадцатой главе «Об укреплении границ». Аноним говорит о том, что возведение и поддержание в хорошем состоянии возводимых на границе непрерывных оборонительных линий, состоящих из цепей фортов, расположенных на расстоянии мили один от другого, должно быть распределено на посессоров, живущих вдоль границ. Сопоставив эти слова Анонима с предложениями, которые он выдвигал в пятой главе (5, 6), можно сделать вывод, что под посессорами Аноним, скорее всего, имеет в виду именно бывших ветеранов. Это тем более подтверждается идеей Анонима, что в новых укреплениях должны проходить военную подготовку стражи и аграрии. Это очень похоже на перевод солдат из полевой армии в пограничную с обязанностями несения службы охраны провинций. Можно предположить, что такие перспективы вряд ли могли привлечь молодых людей в ряды армии.

Таким образом, можно утверждать, что основной минус программы Анонима — это то, что она не учитывает интересы тех людей, которые будут служить в армии. Говоря на словах одно, провозглашая снижение налогов вдвое, в действительности же Аноним все возвращает на круги своя. Он стремится возложить на бывших солдат обязанности несения пограничной службы, строительства пограничных линий, и все это за свой счет и при условии немедленной выплаты всей суммы налогов. Взамен этого он предлагает лишь сокращение срока военной службы, причем не уточняя, насколько. К тому же налоги в Римской империи росли постоянно, и объявленное снижение могло бы превратиться в простую декларацию, прекратившую всю реформу. В таком случае набор в армию мог бы вылиться в тяжелую проблему, которую могли разрешить бы только конскрипционные наборы. К тому же Аноним, по-видимому, не учитывал, что значительную часть римской армии составляли варвары, а их перспектива быть обложенными налогами вероятно не устраивала в первую очередь. Таким образом, в отличие от политики, проводимой римскими императорами, которые старались учитывать как интересы

государства, так и интересы крестьянства, программа Анонима направлена, главным образом, на защиту интересов государственной казны, и в этом заключается ее основной недостаток (*М. Н. Серафимов*).

³¹ Аноним в расходах на армию и зарплату военнослужащих видит основную статью государственных расходов, в связи с чем здесь стоит привести тонкое замечание Э. Томпсона, что автор в отличие от армии, не жалуется на огромную стоимость гражданской администрации (Tompson 1952: 44). Тот факт, что, по мнению Анонима, именно расходы на армию губят налогоплательщика, являются аргументом в пользу того утверждения, что сам автор трактата был человеком гражданским. По мнению В. Либешюца, это — бывший чиновник (Liebeschuetz 1994: 137). Между тем Аммиан Марцеллин писал о тех пайках, которые получала многочисленная дворцовая челядь. Бладобрей получал «по двадцати рационов хлеба ежедневно, столько же рационов фуража для лошадей, так называемый *сарита*, большой годичный оклад, а, кроме того, много богатых подачек. Обратив на это внимание, Юлиан отправил в отставку всех таких людей, а также поваров и других подобных, обычно получавших такое же вознаграждение» (пер. Ю. А. Кулаковского; Амн., XXII, 4, 9–10). Причины, из-за которых гражданское население относилось к военным негативно, некоторые исследователи объясняют тем, что зачастую предотвращение военных мятежей происходило путем выплат огромных донативов, и населению империи, налоги которых шли на эти выплаты, должно быть, казалось, что солдаты, от которых зависела их защита, фактически занимают вымогательством (Southern, Dixon 1996: 7) (*М. Н. Серафимов*).

³² В середине IV в. служба в армии избавляла от налогов самих солдат и их семьи. При Константине (325 г.) уходящий в отставку после 20 лет службы получал 2 *сарита*, а в 370 г. он получал столько же после 5 лет службы, тогда как через 5 лет, отставник получал за 5 лет службы 5 *сарита* (СTh., VII, 13, 6–7; 20,3; см.: Vanags 1979: 52) (*М. Н. Серафимов*).

³³ Во второй половине IV в. служба в римской армии была не только добровольной, но и наследственной. Сыновья ветеранов были обязаны служить в армии. Предпосылки этого были заложены уже Александром Севером (SHA, XVIII, 58, 4–5), подобная практика продолжала закрепляться на протяжении III в. н. э. (SHA, XXVIII, 16, 6). При Константине наследственная военная служба была закреплена окончательно (СTh., VII, 22, 1, 313; 22, 2, 326). Главной целью этого являлось стремление римского правительства обеспечить лояльность армии при подавлении выступлений закрепощаемого населения (см.: Лазарев 1994: 12) (*М. Н. Серафимов*).

³⁴ Аннона — паек военнoслужашего, основной вид жалованья воинов, повышался в зависимости от звания. Порядок прохождения воинских званий в новых частях, появившихся в III–IV вв., был следующий: после первоначальной подготовки новобранец (*tiro*) становился рядовым (*pedes*), с течением времени он мог быть повышен до звания *semisalis* и затем до более старших командных званий, в порядке повышения — *circitor*, *biarchus*, *centenarius*, *ducenarius*, *senator* и *primicerius*, последнее звание перед званием трибуна — командира подразделения (Hieron. *Contra Johan. Hierosol.*, 2, 424). Нам известен и размер пайков, получаемых военными в то время. Офицеры и унтер-офицеры получали многократные аннону и *capitus* (в кавалерийских частях). *Semisalis*, как указывает его звание, получал полторы анноны (один *capitus*). Шкала затем поднималась до двух аннон (1 *capitus*) — для цирцитора или биархуса, 2,5 (1) — для центенария, 3,5 (1,5) — для дученария и, возможно, 4(2) — для сенатора. Примицерий подразделения получал 5 аннон (2 *capitus*) (Jones 1961. Vol. II: 634). Очевидно, трибуны и офицеры более высокого ранга получали более высокие пайки. То, что упоминается только аннона и ничего не говорится о *capitus*, еще не означает то, что речь идет только о пехотных частях, возможно Аноним объединял и то, и другое одним общим термином. А. Х. М. Джонс считает, что вряд ли расценки пайков были увеличены за этот период времени и, возможно, даже были снижены (Jones 1961. Vol. II: 634). Если это предположение правильно, то во времена Анонима пять аннон могли получать не только примичерии, но и сенаторы подразделений. Эти старшие командиры, получающие многократные пайки, старались оставаться подольше на военной службе, надписи говорят о людях, которые служили почти 40 лет и умерли в шестидесятилетнем возрасте (Jones 1961. Vol. II: 635). Здесь необходимо отметить, что такая же практика существовала и во времена принципата. В 1982 г. в Новах (Нижняя Мезия) была обнаружена надпись, сделанная в 184 г. примипилом I Итальянского легиона Л. Максимием Гетуликом, который прослужил 57 лет; центурион II легиона «Помощник» Элий Сильван прослужил 61 год; CIL, III, 11031 (58 лет службы); CIL, VIII, 2877 (45 лет); CIL, VIII, 217 (=11301) = ILS, 2568 (50 лет); CIL, XIII, 6592 (45 лет); CIL, III, 2834 (43 года) (Махлаук 1996: 23). Возможно, что это желание офицеров среднего командного состава совпадало со стремлением правительства задержать подольше на военной службе опытных кадров, которые составляли костяк армии. Вследствие этого продвижение по службе было, исходя из Анонима, очень медленным и потенциальные рекруты не видели для себя заманчивых перспектив на военной службе. Для сокращения военных расходов

и ускорения прохождения воинских званий Аноним рекомендует, чтобы люди быстро увольнялись в отставку с *honesta missio*, когда они достигнут уровня пять аннон, а если вакансий нет, то, чтобы не замедлять продвижения, переводить людей в те части, где вакансии есть (Jones 1961. Vol. II: 634). Тем самым, Аноним предлагает ускорить прохождение званий военнослужащими, предложив солдатам перспективы быстрого должностного и карьерного роста. Таким образом, реформы затрагивают средний уровень командного состава. Получение более высоких пайков представителями высшего офицерства Аноним, по-видимому, считает оправданным. Возможно, это связано с тем, что это была уже военная элита римской армии, а может быть, поскольку соображения экономии стоят у Анонима на первом месте, от того, что по сравнению с офицерами среднего командного состава, их было не так много (*М. Н. Серафимов*).

³⁵ Согласно «Дигестам» (XLIX,16,13,3), существовало три вида отставки: «почетная», следующая после полной выслуги лет, «уважительная», являвшая следствием заболевания, и «порочащая», когда солдата за преступление увольняли из армии (*А. К. Нефёдкин*).

³⁶ В период Ранней империи термин *pumegus* охватывал широкое разнообразие различных войск, одни из которых были откомандированы из *auxilia* для выполнения специальных заданий, в то время как другие были этническими подразделениями, набранными из народов, живущих вдоль границ империи, и служившие для охраны дорог в районах с редким населением. Возможно, это были конные подразделения. Об их организации известно немного, и, видимо, они сильно отличались по размеру и численности. С III в. н. э. мы можем констатировать преобразование *pumegi* в войска другого рода. Поскольку с течением времени *pumegi* частично исчезали, а частично подвергались реформированию, то в позднеримский период они постепенно теряют свой национальный характер и становятся похожи на *auxilia*. Как особый вид войск они прекратили свое существование, и, в свою очередь, специальный смысл слова *pumegus* исчез, и этот термин мог использоваться просто для обозначения какого-либо подразделения: когорты, алы или легиона. В перечне должностей Западной и Восточной римской империи армейские подразделения, находящиеся в распоряжении римских военачальников, причем неважно, ауксилія это или легионы, пехота или конница, также иногда называются нумерами (*Not. Dign. Occ.*, VII). Сходную картину мы наблюдаем и в Кодексе Феодосия, где воинские части обозначаются общим термином *pumeri* (*CTh.*, VII,1,4; *CTh.*, VII,1,7). Существовало выражение *in pumeros referre*, то есть “входить в список части” (*Domaszewski* 1908:

59; Rowell 1934: 1340–1341; Salmon 1996: 1054; Dixon, Southern 1997: 31, 85) (*М. Н. Серафимов*).

³⁷ По замыслу Анонима, отправка в отставку отдельных воинов, как только они достигнут уровня оплаты в несколько апопае, позволит сэкономить финансовые средства подразделения (*numerus*) и ускорить продвижение по службе. Однако В. Либешюц, опираясь на опыт схем ранней отставки в университетах, показывает, что такая практика приводит к более молодой, но не, разве что немного, более дешевой организации (Liebeschuetz 1994: 123) (*М. Н. Серафимов*).

³⁸ Под *схолами* (*scholae*) обычно понимают элитные кавалерийские дворцовые части (Not. Dig. Occ., IX, 4-8; Not. Dig. Or., XI, 4–10), созданные Константином для замены прежней преторианской гвардии, хотя история их, возможно, восходит еще к Диоклетиану. Схолы находились в непосредственном подчинении императору и насчитывали в своем составе 500 человек (Seeck 1921: 622; Jones 1961. Vol. II: 613; MacDowall, Hook 1999: 62). В тексте Анонима это слово, очевидно, применено в другом значении. Например, *Вегетий* им обозначает и специальные отделы, выполняющие роль военных канцелярий (*Veget. Epit.*, II, 19), и просто небольшие подразделения в составе когорт (*Veget. Epit.*, II, 21). Э. Томпсон приводит в своей книге размышления А. Х. М. Джонса по этому вопросу у Анонима: «Это предложение означает, что если военнослужащих нижних званий больше, чем требуется, чтобы заполнить вакансии среди высших званий, то этих лишних людей следует отправить в отставку без возможности когда-либо достичь более высоких званий, и также переводить на какую-нибудь другую должность — *ordinet* в главе 5,3, должно обозначать на должность в каком-нибудь другом подразделении» (Tompson 1952: 42–43). Быстрое продвижение приведет к притоку добровольцев и в то же время сэкономит правительству средства, которые шли бы на выплату высоких пайков (*М. Н. Серафимов*).

³⁹ Нам неизвестен ни один император, который претворил бы рекомендации Анонима в жизнь; однако император Юстиниан (527–565 гг.) внешне делал что-то схожее. Он следил за расходами на выплаты для старших командиров в армии и проводил экономии денег не путем введения быстрого продвижения по службе, а прекращением всякого продвижения вообще. Он вел записи в книгах со списками продвижения старших командиров, которые были уволены или погибли во время долгих войн при его правлении, и тогда позволял продвигать младших командиров на освобожденные места. Общее количество войск уменьшалось, но значительные денежные суммы сохранялись (Procop. Hist. arsan., 24, 1–6). Юстиниан долго держал солдат на службе, но сохранял

денежные средства, словно он принял план Анонима (Tompson 1952: 43–44). Несмотря на внешнее сходство, программы Анонима и Юстиниана отличаются в корне, поскольку основная цель действий Юстиниана — это сокращение расходов, а цель программы Анонима — увеличение доходов, где главным средством реализации этих планов является резкое увеличение количество свободных налогоплательщиков. А этого можно достичь только при помощи быстрой отставки военнотружущих (*М. Н. Серафимов*).

⁴⁰ Таким образом, Аноним предлагает при обычном донативе укоротить сроки службы, чтобы более молодые могли быстрее продвигаться по службе, а ветераны заменялись бы более молодыми солдатами. Ветеранов же автор предлагает обложить налогами, в отличие от существовавшей тогда практики. Аноним справедливо считал, что при существовавших условиях выхода в отставку вряд ли можно ожидать появления крепких зажиточных крестьянских хозяйств. Поскольку Аноним не приводит конкретных цифр для предлагаемого им нового срока сокращения службы, то о нем мы можем рассуждать лишь гипотетически. В поздней Римской империи призывной возраст новобранцев был от 20 до 25 лет (CTh., VII,22,2 рг.), хотя более поздние законы установили нижнюю рамку от 19 и подняли верхний лимит до 35 лет для сыновей ветеранов, уклонявшихся от призыва (Jones 1961. Vol. II: 616). Сама служба в армии в зависимости от условий отставки и статуса воинского подразделения продолжалась от 20 до 24 лет (CTh., VII,20,4,2; CTh., VII,20,4,3). Таким образом, в отставку уходили люди в возрасте около 50 лет, а порой и больше. Точка зрения Анонима ясна: старые ветераны, получавшие упряжку быков и заброшенные земли в пограничной полосе (CTh., VII,20,3) — это не очень хорошее вложение денег остальных налогоплательщиков империи (Vanags 1979: 53). Очевидно, новый срок, предлагаемый Анонимом, должен удовлетворять нескольким условиям: 1) при выходе в отставку солдат должен еще быть достаточно молод и крепок для успешного ведения хозяйства; 2) сокращение срока службы должно быть достаточно ощутимым для потенциальных рекрутов; 3) за время военной службы рекрут должен успеть превратиться в профессионала; 4) время, проведенное на военной службе, должно быть достаточно продолжительным, чтобы затраты на обучение, обмундирование и жалованье солдат могли быть окуплены; а (5) главное: более чем двукратное увеличение числа налогоплательщиков может быть получено только путем двух — или более кратного сокращения срока военной службы. Учитывая, что средний возраст новобранцев был 20–25 лет, а срок службы — 20–25 лет, можно предположить, выход ветеранов в от-

ставку в возрасте 30–35 лет, в зависимости от возраста поступления. Другими словами, сокращение срока службы как минимум вдвое могло показаться Анониму вполне подходящим для всех этих требований. Бейтс полагал, что новый срок военной службы должен был составлять 5 лет, и хотя он не привел каких-либо доказательств в пользу этого своего предположения, однако оно представляется очень вероятным (Bates 1894: 450). Дело в том, что как мы знаем, каждые пять лет государство выплачивало солдатам значительные денежные подарки по случаю восхождения императора на престол и эти подарки были одной из важнейших статей дохода солдата (Jones 1961. Vol. II: 624). О том, какие это были огромные суммы для государственной казны, можно судить по одному сообщению Аммиана Марцеллина (XX, 4, 18), в котором он говорит, что донатив, обещанный Юлианом при его провозглашении Августом, составлял пять золотых и фунт серебра на человека. Такие же суммы выдавались солдатам и в V–VI вв. (Jones 1961. Vol. II: 624). Аноним, составляя свою программу, должно быть это учитывал. Поэтому в данном случае могут очень удачно сочетаться две цели, к которым так стремился Аноним в своей программе, — значительная экономия на армии и сокращение срока военной службы. При этом средний возраст отставников 25–30 лет еще лучше подходит для того, чтобы возделывать землю в приграничной полосе и выполнять обязанности пограничников, то есть то, что предлагается Анонимом в двадцатой главе трактата (*М. Н. Серафимов*).

⁴¹ Во время Константина (320, 326 гг.) при увольнении ветеранам давали надел из пустующей земли, освобождали от налогов, выдавали 2500 folles (мешочков) денег или упряжку быков, 100 мер семян зерна (CTh., VII,20,3). В 364 г. ветераны также получали землю с парой быков и по 50 мер зерна пшеницы и ячменя, тогда как бывшему протекторугвардейцу выдавали пару упряжек и по 100 мер обоих видов зерна (CTh., VII,20,8). См.: Vanags 1979: 51 (*М. Н. Серафимов*).

⁴² Совет Анонима о расселении ветеранов на пограничных землях с целью их защиты не нов. Вероятно, уже во II в. ветеранов стали расселять в пограничной полосе в небольших villae rusticae. Такая практика стала распространенной в течение III в. (SHA, XXVIII, 16, 6). Поселения на границах варварских пленников laeti (gentiles), которые были военнообязанными, а также различных федератов существовали в основном на территории Западной римской империи (Liebeschuetz 1994: 123; подробнее см.: Johnson 1979: 67–68). Однако фактически предложения Анонима очень похожи на замаскированный в виде почетной отставки перевод солдат из полевой армии в пограничную с обязанностями

обеспечения службы охраны провинций (20,2). Такие перспективы вряд ли могли способствовать притоку молодежи в ряды римской армии (М. Н. Серафимов).

⁴³ Заставить вышедших в отставку воинов платить налоги было совершенно новой практикой, шедшей вразрез с проводимой императорами политикой предоставления налоговых иммунитетов ветеранам и членам их семей (CTh., VII, 20, 8). То обстоятельство, что эти законы приходилось повторять (CTh., VII, 20, 9), говорит о том, что попытки заставить ветеранов платить налоги всё-таки кое-где предпринимались, однако императоры всякий раз противились этому, ведь наличие зажиточной ветеранской прослойки создавало важную опору императорской власти на селе. Еще одна слабая сторона программы Анонима — это неучет того факта, что требуется несколько лет, прежде чем хозяйство ветерана начнет окупаться. Его план заключается в том, чтобы возвращать солдат к земле как можно скорее, поскольку только быстрым увеличением численности работников, занятых сельским хозяйством, возможно облегчение налогового бремени путем распространения его на большее количество налогоплательщиков-земледельцев (Vanags 1979: 51–52). Аноним совершенно упускает, что после почетной отставки ветераны получают в свое распоряжение заброшенные земли в приграничных провинциях, на подъем которых может понадобиться немалый срок (М. Н. Серафимов).

⁴⁴ Последнее предложение Анонима в пятой главе трактата направлено на решение проблемы быстрого замещения потерь вследствие военных поражений и дезертирства. Рецепт автор видит в прикреплении к части 50 или 100 молодых людей, обученных военному делу, находящихся в полной готовности, но имеющих статус новобранцев (*tirones*), и потому получавших меньшее жалованье. Новым здесь, по-видимому, является то, что они имели статус новобранцев не в течение определенного периода обучения, а до тех пор, пока не появится новая вакансия в том подразделении, к которому они были прикреплены.

Почему Аноним выбрал именно такие цифры — 100 или 50 человек? Здесь можно допустить одно предположение. Аноним взял эти цифры от стандартной численности современных ему подразделений поздней римской армии. По некоторым предположениям, численность позднеримского легиона была около 1000 человек, а кавалерийской вексилляции — порядка 500 человек (Холмогоров 1941: 86, 90). Отсюда мы можем предположить, что Аноним предлагал усилить римские части подкреплениями из новобранцев, которые насчитывали примерно одну десятую от численности пехотного и конного подразделения. Вряд ли

потери были такие значительные, что нужно было больше людей, это лишь привело бы к увеличению расходов на армию, то есть к тому, чего Аноним как раз стремится избежать. По мнению С. А. Лазарева (1999: 116, под этими 50 или 100 новобранцами Аноним имеет в виду сыновей служащих солдат, которые до 372 г., т. е. до указа Валентиниана I (CTh., VII, 1, 11), входили в списки части и получали свою долю рационов (М. Н. Серафимов).

⁴⁵ *Matricula* — по всей видимости, Аноним имеет в виду список воинов части (ср.: Veget. Epit., II, 5: *Nam uicturis in cute punctis milites scripti, cum matriculis inseruntur, iurare solent*) (М. Н. Серафимов).

⁴⁶ Согласно Вегецию, военная подготовка в римской армии включала в себя несколько компонентов: обучение специальному военному шагу, строевая подготовка, умение перепрыгивать рвы и другие препятствия, плавание, владение мечом, метание копий, специальных стрел-маттиобарбул, камней, как рукою, так и при помощи пращи или метательных палок-фустибул, умение быстро вскакивать на коней, приучение носить тяжести весом до 60 фунтов (19,6 кг); четвертая часть новобранцев, наиболее подходящая, обучалась стрельбе из луков (Veget. Epit., I, 9–19) (М. Н. Серафимов).

⁴⁷ Хотя глава и называется «О военных машинах», она посвящена краткой характеристике окружающих народов, которые воюют с империей. Очевидно, подобное рассмотрение географического положения империи было типичным для того времени. Так, в панегирике императору Феodosию (389 г.) Латин Пакат Дрепаний пишет (Paneg. Lat., XII, 22, 2): «Благодаря твоему могуществу, император, трепещут не только те племена, которых от нашего мира отделяют пространства, покрытые льдом, лесами и горами, но и те, которые изолированы природой, будучи или недосягаемы из-за вечного зноя, или отделенными нескончаемой стужей, или недоступными из-за разделяющих нас морей» (перевод И. Ю. Шабаги; ср.: Them. Orog., VIII. 119c; XVI, 206c).

Можно отметить, что в экскурсе Анонима противники империи представлены как «дикие» народы, а их описание подразумевает различного рода полуфантастические детали. С другой стороны, в этих противниках трудно опознать главных врагов империи, прежде всего, готов, алеманнов или даже гуннов. Вместе с тем, некоторые машины, предлагаемые автором, например, баллиста, тиходифр, клипиоцентр (гл. 7–9), молниеносная баллиста (гл. 18), плюмбаты (гл. 10–11) как раз более эффективны против врага, уступающего римлянам в области техники и вооружения, но вполне способного вести правильные сражения, что подходит к характеристике этих народов (ср.: Ferrill 1988: 27–41, 56–64). С другой

стороны, ряд приспособлений (баллисты и курродрепанусы) (гл. 12–14) могли эффективно использоваться против персидской армии (против других врагов они были относительно бесполезны), а в них самих можно обнаружить следы персидского влияния. Заметим, что к предполагаемому времени написания трактата самые крупные столкновения с Персией закончились, хотя стороны сохраняли друг против друга большие силы. Такого рода сочетание «примитивизма» с достаточно реальной оценкой военных возможностей противника можно заметить и у других авторов, в том числе у Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского (см.: Удальцова 1974: 70–74, 187–196).

Идентификация народов, о которых идет речь у Анонима, достаточно сложна, хотя за сообщением автора, видимо, стоит конкретная информация. Для облегчения идентификации следует обратиться к внешней политике 360–370-х гг. После большой затяжной войны с Персией, длившейся с некоторыми перерывами с 337 по 363 г., был заключен договор, согласно которому персам возвращались пять провинций за Тигром и города Нисибис и Сингара. С этого момента наступил длительный мир с Сасанидами, а крупномасштабные боевые действия возобновились лишь в середине VI в. Мир с Персией был прерван при Валенте только раз, в 369–371 гг., из-за конфликта вокруг Армении. Хотя войска Сасанидов были разбиты при Бавагане (371 г.), после чего сохранилось лишь политическое противостояние, не менее половины восточной армии (около 150 000) была в той или иной степени связана с прикрытием персидской границы. Положение на северных границах было, наоборот, весьма тревожным. Основные усилия Валентиниана I были сосредоточены на кампаниях против алеманнов (365–366 г.), против пиктов, скотов и франков, напавших на Британию (367–369 гг.), и против квадов и сарматов, наступавших на Паннонии (374–375 гг.). В 372 г. в Африке началось сепаратистское движение Фирма, поддержанное кочевыми мавретанскими племенами. Главными противниками восточного императора Валента в конце его правления стали готы, с которыми велась борьба в 367–369 гг. и в 376–378 гг., в результате которой сам император пал в битве при Адрианополе 9 августа 378 г. Таким образом, основными театрами ведения боевых действий были персидская, дунайская, рейнская и африканская границы.

Информация данной главы представляется довольно важной для датировки времени написания трактата, так как варвары еще не прорвали границы. Мнение Х. Бранта о том, что автор приукрашивает внешнеполитическую обстановку империи нельзя признать убедительным (Brandt 1988: 127–133; Liebeschuetz 1994: 132–133) (А. Б. Егоров).

⁴⁸ Из противников империи этого периода данная характеристика более всего подходит к германским племенам, жившим в лесах, прежде всего, к франкам, объединивших племена на территории между Рейном и Эльбой. В 360–370-х гг. они были достаточно спокойны, но ранее, в 355–357 гг., сражались в Галлии с армией Юлиана. В известной мере к жителям лесов можно отнести и алеманнов, пестрый племенной союз, образованный на основе племен хаттов, ютунгов и других, с добавлением большого числа различных искателей приключений. Главных противников римлян на Дунае, готов, скорее надо посчитать жителями лесостепи, поскольку непроходимых лесных массивов в Подунавье и Причерноморье не было (*А. Б. Егоров*).

⁴⁹ Из горных народов, бывших противниками империи в это время, наиболее вероятным вариантом являются исавры — народ, населявший южные области Малой Азии. Они были покорены римлянами еще в 78–74 гг. до н. э. (поход П. Сервилия), но их разбои продолжались, приняв значительные масштабы в 353–376 гг. (Cameron 1979: 6). Впрочем, исавры все же считались подданными империи, а Аммиан просто называет их разбойниками-*latrones*. Другими этносами, подходящими под данную характеристику Анонима, могли быть народы Кавказа или жившие в горных районах Британии пикты или скотты (*А. Б. Егоров*).

⁵⁰ Хотя римляне считали климат Германии крайне суровым, они все же не относили ее жителей к обитателям стран «вечной мерзлоты», читая таковыми малоизвестные им области северных шотландских островов или Скандинавии. В данном месте, если оно вообще не является литературным штампом, речь у Анонима может идти о шотланских варварах, пиктах и скоттах. С другой стороны, возможен намек на Скандинавию как на историческую родину готов и других германских племен (*А. Б. Егоров*).

⁵¹ Речь идет о кочевниках, угрожавших африканским провинциям империи, маврах, а также блеммиях, тревоживших своими набегами Египет. Возможно, имеются в виду арабы-сарацины, бывшие союзниками персов (Атт., XIV,4,1–7). Не ясно, содержится ли в этой фразе намек на гуннов, считавшихся также выходцами из пустыни (Атт., XXXI,2,1–11; Удальцова 1974: 31) (*А. Б. Егоров*).

⁵² Наиболее болотистые местности, где проживали противники империи, находились в Германии, в частности, в ее северных районах (Нижняя Германия). (О трудностях, связанных с болотами, реками и другими водными преградами см.: Тас. Атт., I,63–68; II,23–34; Hdn., II,2,5–8). Под этими врагами могут подразумеваться нападавшие на Британию и Северную Галлию франки и саксы (*А. Б. Егоров*).

⁵³ Противниками империи, имеющими города, крепости и прочие укрепления, способные противостоять римской армии, были персы, которых Аноним упоминает далее (19,4). Интересно, правда, отметить, что в эту эпоху, если не считать сложностей при осаде Юлианом Ктесифона в 363 г., искусство полиоркетики стояло у римлян на более высоком уровне. Именно армии империи заставляли персов тратить большие силы на осаду крепостей (Нисибиса в 337 и 346 гг., Амиды в 359 г.) (А. Б. Егоров).

⁵⁴ Баллисты на боевых повозках впервые появляются на колонне Траяна (113 г.); они имеют только два колеса (ТС. XL, 104–105; LXVI, 163–164) и запрягаются, скорее всего, мулами, а не лошадьми.

Рис. 13. Две *carroballistae* с железными натяжными рамами на специальных повозках, запряженных мулами, ведут стрельбу из-за боевого порядка римской пехоты. Колонна Траяна. Рим, 113 г. (сцена XL,104–105)
Воспроизведено по: Wilkins 1995: 50, fig. 26.

Такая же двухколесная артиллерийская повозка, запряженная мулами с установленным на ней лафетом и стволом стрелометной баллисты, по-видимому, изображена на колонне Марка Аврелия (192 г.). Отсутствие у этой машины натяжной рамы можно объяснить тем, что ее для транспортировки и хранения, возможно, снимали (Wilkins 1995: 43). Первое письменное свидетельство применения баллист на боевых

повозках в полевых сражениях относятся к концу III— началу IV вв. (Const. Porph. De adm. Imp., 53, 29; 34; 132). В битве у стен Боспора они прикрывают ложное отступление, действуя из засад. Во времена Вегеция для перемещения артиллерийских повозок, наряду с мулами, уже используются лошади (пер. С. П. Кондратьева; Veg. Epit., III, 24): «иногда следует позади строя помещать карробаллисты большего чем обычно размера ... их ставят на повозки, запряженные парой коней или мулов...» (*carroballistas aliquanto maiores ... superpositas curruculis cum binis equis vel mulis post aciem convenit ordinari...*). Скорее всего, это было связано либо с необходимостью увеличить мобильность подразделений баллистариев, либо с укрупнением самих метательных орудий. Согласно Вегецию, иногда небольшое количество *carroballistae*, перемешанных со стрелками из ручных баллист, пращниками и другими метателями камней, находилось в пятой линии боевого порядка (Veg. Epit., III, 14), тогда как самые крупные баллисты на повозках, с

Рис. 14. Римская двухплечевая стрелометная баллиста с железной натяжной рамой, транспортируемая по горной дороге на повозке, запряженной мулами. Колонна Траяна. Рим, 113 г. (сцена LXVI, 163–4).
Воспроизведено по: Chevedden 1995: 166, fig. 2.

Рис. 15. Повозка со смонтированной на ней конструкцией, возможно, лафетом и стволом стрелометной баллисты. Отсутствие у машины натяжной рамы можно объяснить тем, что ее для транспортировки и хранения, скорее всего, снимали. Колонна Марка Аврелия, 192 г. Воспроизведено по: Wilkins 1995: 43, fig. 22.

большой мощностью и, соответственно, дальностью выстрела, размещались за боевым порядком пехоты (Veg. Epit., II, 25; III, 24). Похожий боевой порядок выстроил Нигер в битве при Иссе (194 г.), расположив дротикометателей, лучников и камнеметные метательные машины (λιθοβόλους) позади тяжеловооруженных для стрельбы поверх их голов (Dio Cass., LXXV, 7, 2). Это вполне соответствует расположению камнеметных и стрелометных машин за флангами и строем тяжелой пехоты, а также их действию по замыслу Арриана (Арг. Ас., 19; 25). По всей вероятности, две карробаллисты, изображенные на колонне Траяна (ТС. XL, 104–106), также ведут стрельбу, находясь за строем тяжелой пехоты. В более позднее время, согласно Псевдо-Маврикию, баллисты на повозках защищают с фронта и, в основном, флангов подвижный вагенбург, карагон (καράγόν), располагавшийся позади боевого порядка пехоты на расстоянии полета стрелы (Mauric. Strat., XII, В, 18). Как считает Т. Рилл (Rihll 2007: 238), на повозке Псевдо-Маврикия, предположительно, большего размера устанавливались уже по две вращающихся баллисты (Mauric. Strat., XII, В, 6). И также, как остальные повозки карагона, их тянули уже быки (Осарес 2007: 72).

Расчет карробаллисты, по Вегецию, составлял 11 человек (Veg. Epit., II, 25). Но, по мнению Э. Марсдена, такое количество баллистариев избыточно. Вполне достаточно двух человек для того, чтобы легко с ней

управляться, как мы это видим на колонне Траяна (ТС. XL, 104–105; LXVI, 166; 169) и на иллюстрациях к настоящему трактату. Э. Марсден считает, что остальные только лишь помогали ухаживать за животными, обслуживать повозку и само орудие (Marsden 1969: 192–193). Например, у Псевдо-Маврикия говорится, что при артиллерийских повозках, наряду с баллистариями, под командой того же офицера, должны были находиться отличные мастера и медники, то есть специалисты, в том числе занимавшиеся и ремонтом этих орудий и повозок (Mauric. Strat., XII, В, 6).

По мнению Э. Марсдена, использование анонимным реформатором четырех колес на боевой повозке, возможно, могло означать то, что он предусмотрел более крупную машину, чем обычно (Marsden 1971: 241). Также это могло быть простым отражением изменения конструкции этих повозок к IV в. Например, колесница императора Константина I Великого, изображенная в сцене его триумфального въезда в Рим после победы у Мульвиева моста на рельефе с восточного фасада арки Константина (315 г.), и повозка, нагруженная солдатским имуществом в сцене выступления армии из Милана (западный фасад), имеют по четыре колеса. На страницах Нотиции Дигнитатум с инсигниями пре-торианских префектов Иллирии и Италии и префекта города Рима также изображены двухосные колесницы. Хотя, скорее, представляется, что реформатор, предполагая их непосредственное участие в боевых столкновениях, в отличие от предыдущей практики, когда баллисты на повозках были прикрыты боевым порядком пехоты, таким образом пытался повысить ее устойчивость (двухколесная повозка при гибели тягловых животных просто перевернулась бы). Броня, покрывающая лошадей, везущих ballista quadrirotis, никогда до этого не отмеченная в отношении карробаллист, говорит о том, что реформатор явно предполагал участие этой машины в непосредственном контакте с противником. Двумя столетиями позже тягловые животные и экипажи боевых повозок защищались от летящих стрел войлочными экранами (κλίκιον), располагавшимися с их задней стороны (Mauric. Strat., XII, В, 6; 18) (И. Ф. Каюмов).

⁵⁵ По крайней мере, до эпохи Траяна римская артиллерийская терминология оставалась такой же, как и в республиканское время. Стрелометные машины, называвшиеся римлянами catapultae, что соответствовало греческому *καταπέλται ὄζυβελεῖς*, были, по своей конструкции, эвтитонами (см. комментарий. 103). Ballista же (греческий эквивалент — *καταπέλτης λιθοβόλος* или *πετροβόλος*) была двухплечевым палинтонным камнеметом. Привязка этих терминов к конкретным типам

машин, сильно отличавшихся друг от друга по конструкции, показана в трактате римского архитектора и военного инженера Марка Витрувия Поллиона (Vitruv., X, 10–11). И хотя нетехнические писатели для обозначения метательных машин любого типа зачастую использовали более общее слово *tormentum*, они все же употребляли эти термины когда хотели более точно указать вид используемого орудия (Livy, XXVI, 47, 5–6; XXXII, 10, 11; Caes. B.G., VII, 25; Tac. Hist., III, 23). Эвтитоны (они же катапульты), прежде всего в силу своей конструкции, могли метать только стрелы, а палинтоны как каменные ядра так и, когда нужна была большая мощность и пробивная способность, стрелы. Такими многоцелевыми машинами были, например, четырехлоктевая (длина стрелы — 1,85 м) камне- и стрелометная катапульта Бромииона, хранившаяся в Афинском арсенале в 306–305 гг. до н.э. (IG², II, 1487, B), трехталантовый камнемет Архимеда, также метавший стрелы длиной 12 локтей (около 5,5 м), построенный им для корабля «Сиракузия» (Athen. Deipn., V, 208c), или четырехлоктевой палинтон Агесистрата (Athen. Mech. W8). Ярким же примером мощи машин, по всей видимости, того же типа являлись огромные баллисты (то есть палинтоны) массилиотов, выпускавшие в осаждавших их цезарианцев стрелы длиной в двенадцать футов (около 3,5 м) и пробивавшие насквозь даже осадные сооружения (Caes. B.C., II, 2) или нескольких человек сразу (Luc., III, 463–468).

Тем не менее, эвтитоны полностью исчезают к IV веку н.э. и слово *ballista* и его производные *arcuballista*, *manuballista*, *carroballista* уже служили обозначением стрелометных орудий. А двухплечевые камнеметные баллисты были вытеснены более простыми по конструкции

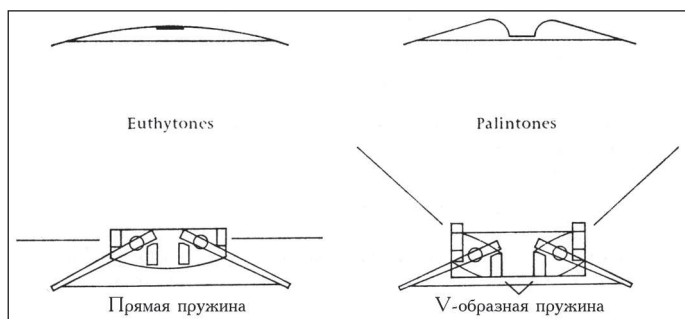

Рис. 16. Сравнительные схемы палинтонной и эвтитонной компоновки метательных машин. Воспроизведено по: Marsden 1971: 45, fig. 1.

одноплечевыми (дословно по-гречески — *μονόπλευρον*) камнеметами, называвшимися у римлян *опагег* или *сcогpио*. Увы, когда именно произошла эта замена нам не известно. К примеру, остатки двухплечевого камнемета из Хатры (см. комментарий. 103) относятся к середине III в., а первые упоминания одноплечевой машины — к началу II в. до н.э. (Philon. Poliorc., 91, 36), к началу II в. (Apollod. Poliorc., W 188, 2) и к началу III в. (Tert. Scorp., 1–2). По мнению Э. Марсдена (Marsden 1969: 189), трактат Псевдо-Герона о хиробаллистре (см. прим. 95) дает ключ к пониманию этого изменения терминологии. Э. Марсден впервые показал (Marsden 1971: 208–209), что этот документ является инструкцией по постройке машины того же типа, что и орудия, изображенные на колонне Траяна. А также на основании своего исследования он сделал вывод, который безоговорочно принят современными исследователями, а именно: «разработчики могли и, очевидно, должны были придать хиробаллистре характеристики палинтовой машины» (Marsden 1971: 229). То есть натяжная рама этого более совершенного стреломета состояла из двух, связанных между собой, железных кассет, называвшихся камбестрионами (*καμβέστρια*), с торсионными пружинами, пропорции которых довольно точно соответствовали кассетам более раннего камнемета-палинтонна, а не стреломета-эвтитона. Таким образом, стрелометы переняли конструктивную схему палинтонов с деревянной натяжной рамой, а квалифицированные механики должны были назвать их «баллистами». Некоторое время, по крайней мере, начиная с правления Траяна и до середины III в., римская армия, возможно, имела два типа баллист — новые стрелометные орудия с железными натяжными рамами и старые двухплечевые камнеметы с деревянными. Но к IV в., как мы видим, слово «баллиста» уже однозначно обозначает стрелометную метательную машину, даже у нетехнических писателей (Veg. Epit., IV, 22; Амт., XXIII, 4, 1–3; Просор. Goth., I, 21, 14–18) (И. Ф. Каюмов).

⁵⁶ Согласно самым последним исследованиям иллюстраций, сопровождающих рукописи XV–XVI вв., все они восходят к единственной каролингской копии (codex Spirensis), датируемой концом IX или началом X в., от которой до нас дошел один-единственный неиллюстрированный разворот (Chevedden 1999: 158). Ни оригинальных иллюстраций IV в., ни иллюстраций каролингской рукописи до нас не дошло, поэтому почти невозможно определить, действительно ли иллюстрации к баллистам реформатора из нескольких копий, датируемых эпохой Возрождения, изначально основаны на римских. Обсуждение достоверности этих иллюстраций см. ниже (комментарий 103) (И. Ф. Каюмов).

⁵⁷ До принятия около 100 г. на вооружение римской армии *carroballistae*, случаи применения метательной артиллерии на поле боя были весьма редки. Метательные машины устанавливались на заранее подготовленные позиции, в основном укрепленные дополнительно палисадами и редутами (Livy, XXXII, 5, 13; 10, 11; XLIV, 35, 9; 22; Caes. V.G., II, 8) или располагавшиеся на холмах и высотах (Caes. V.G., VIII, 14; Tac. Hist., III, 23; Polyaeus, II, 38, 2). Римляне, кроме того, использовали машины либо для отражения штурма собственного полевого укрепленного лагеря (Caes. V.G., VII, 41; Tac. Hist., III, 29; IV, 23; Jos. V.J., III, 80; Ps.-Hug., 58), либо при атаке на полевые укрепления противника, то есть когда тот был пассивен (Tac. Ann., II, 20). Прекрасным примером такого рода действий может служить позиционная борьба Цезаря и Помпея под Диррахием (Caes. BC, III, 45, 51, 56, 63). Попытка же установить метательные машины открыто, перед боевой линией или в ее интервалах, по всей видимости, не приводила к желаемому результату (Polyb., XI, 12, 4).

Настоящая полевая метательная артиллерия на мобильном шасси возникла только тогда, когда для стрелометов была изобретена железная натяжная рама, что позволило снизить их сложность в эксплуатации, зависимость от факторов окружающей среды и увеличить сопротивляемость воздействию противника. А также после того, как постепенно были выработаны основные тактические приемы их применения на поле боя (И. Ф. Каюмов).

⁵⁸ Это просто обозначает, что *ballista quadrirotis* должна была устанавливаться на поворотный лафет. Необходимость того, чтобы баллисты на повозках легко поворачивались во все стороны, отмечает и Псевдо-Маврикий (Mauric. Strat., XII, B, 6) (И. Ф. Каюмов).

⁵⁹ Это довольно сложное для трактовки предложение очень важно для понимания устройства и источника движущей силы обеих баллист, описанных анонимным реформатором. Ведь еще Р. Оливер разумно предположил: «совершенно ясно, что обе машины работают по одним и тем же принципам и отличаются только в пределах, продиктованных желанием достигнуть максимальной подвижности в первом случае, и максимальной разрушительной энергии в другом» (Oliver 1955: 113). Э. Марсден и П. Чеведден поддержали его тезис о сходности их конструкции (Marsden 1971: 234; Chevedden 1999: 158); с этим согласны Д. Баатц (Baatz 1988: 62–63; Baatz 1999: 6), А. Ириарте (Iriarte 2003: 135) и Т. Рилл (Rihll 2007: 241).

Э. Марсден заметил, что слово *foramina* в артиллерийском контексте вполне может означать «отверстия для торсионов» (Vitruv., X, 10–12) и что у любого торсионного орудия их четыре, то есть ровно столько

же, сколько упомянуто реформатором. Он также отметил, что термины *circumducta* и *flexa* могли бы просто обозначать наведение орудия на цель, но в последующих двух предложениях реформатор дважды описывает действия, соответствующие процессу прицеливания, что не вполне логично. На самом деле, эти термины, по его мнению, могут быть увязаны с вращением натяжных втулок (*modioli* Витрувия), необходимым для увеличения натяжения торсионов (Marsden 1971: 241–242). Поэтому он переводит эту фразу, как «она имеет отверстия в четырех местах; посредством их она поворачивается и закручивается для встречи любых обстоятельств» (Marsden 1971: 241).

П. Чеведден, критикуя эту точку зрения, заявляет, что Э. Марсден якобы исказил текст, чтобы подогнать его под свое мнение. По мнению же П. Чеведдена, здесь реформатор обращается к пирамидальной стойке машины, у которой по четырем сторонам имеются «углубления» для установки устройства возвышения. Как он считает, это устройство, прикрепленное снизу неподвижной части ствола, действовало как стабилизатор при его позиционировании под разными углами (Chevedden 1999: 155). Надуманность такой трактовки вполне очевидна, так как нет никаких указаний на существование такого устройства и даже, наоборот, есть явное указание на то, что изменение угла наклона ствола производилось при помощи *cochleae machina*. Также нет никаких оснований считать, что *foramina* относились к лафету орудия. Поэтому перевод фразы *quibus ... circumducta et flexa*, как «и, поскольку она разворачивается, она может быть вращаема посредством их» (Chevedden 1999: 155), является очень сомнительным и искусственным.

По мнению Т. Рилл (Rihl 2007: 238) эти отверстия, «возможно, относятся к воротам, которыми взводилась баллиста, и/или к неизвестному механизму, посредством которого она поворачивалась в разных направлениях». И, как уже отмечалось и будет видно далее, два последующих предложения не дают оснований для подобных трактовок.

Если же предположить, что анонимный реформатор, вследствие своей технической некомпетентности, перенес значение термина *foraminis* с «отверстия под торсион» на «натяжную втулку» (*modiolus*), то смысл этой фразы становится вполне понятен. То есть он, видимо, пытался здесь объяснить, что это орудие имеет по углам натяжной рамы четыре втулки, вращая (*flexa*) которые можно закрутить торсионы, когда это потребует (*pro commoditate regum*), например, при их ослаблении с течением времени. К тому же, вторая часть этого предложения («становится готовой ко всем нападениям») указывает на то, что эти «отверстия» служат для подготовки орудия к бою. Подготовка же торсионной машины, в

отличие от станкового лука, требует дополнительных работ по натяжению канатов специальными средствами (в том числе и вращением втулок), что и отметил тут, по-видимому, автор трактата (*И. Ф. Каюмов*).

⁶⁰ Это устройство (*cochleae machina*) также фигурирует и в описании другого орудия реформатора, *ballista fulminalis* (Анон. *De reb. bell.*, XVIII, 3). Э. Марсден, опираясь на свою реконструкцию самбуки Битона (Biton, W57–61) предположил, что *κοχλίας* (*cochlea*) означает «ролик» (Marsden 1971: 94, 242), а не «винт». И поэтому он сделал вывод, что *cochleae machina* здесь — это эквивалент универсального (карданного) соединения, *καρχήσιον* (Heron. *Bel.*, W88) или *caput columellae* (Vitruv., X, 10, 4). П. Чеведден также поддержал эту точку зрения (Chevedden 1999: 155, 157).

Рис. 17. Реконструкция «переходного орудия» Битона по Э. Шрамму.
Воспроизведено по: Schramm 1918: 50, Abb. 20.

Э. Марсден, аргументируя свою позицию, говорит, что ценность подъемного винта для античного артиллерийского орудия очень сомнительна. Шарнир карданного типа, по его мнению, позволял артиллеристу мгновенно направлять свою машину в любую сторону, подъемный же винт привел бы к значительно более медленному наведению на цель. Он также говорит, что «было бы трудно включить такой винт в конструкцию без того, чтобы не столкнуться с проблемой свободного поворота вправо и влево» (Marsden 1971: 242).

А. Драхман резко отрицательно отнесся к трактовке Э. Марсдена. По его мнению, такой перевод этого технического термина невозможен. Слово *κοχλίας* имеет значение морской раковины в форме спирали и может обозначать только винт или ось с накрученным на нее канатом, а

никак не шарнир, вокруг которого что-то вращается. Основываясь на иллюстрациях к трактату Битона и некоторых терминах, А. Драхман убедительно показывает, что речь там идет именно о вертикальном винтовом подъемном механизме, а не о горизонтальной оси (Drachmann 1972: 490–491, 494). Т. Рилл (Rihll 2007: 238–239) также полагает, что устройство «для подъема и опускания ствола, возможно, включает в себя что-то типа винта», наподобие тех, что применялись для угломерного инструмента *dioptra* (Lewis 2001: 77) или перевернутого винтового пресса, обугленный экземпляр которого сохранился в Геркулануме. Винтовой подъемный механизм, по ее мнению, также ясно виден в передней части *ballista fulminalis* с иллюстрации из мюнхенской копии *De rebus bellicis* (Codex Latinus Monacensis 10291, fol. 76 r).

Мнение А. Драхмана представляется более предпочтительным, тем более, Э. Шрамм в последней версии своего «переходного орудия» Битона показал, как мог располагаться винтовой подъемный механизм в лафете баллисты анонимного реформатора (Schramm 1918: 50). К тому же, подъемный винт влияет только на процесс вертикальной наводки; вращение же ствола орудия в горизонтальной плоскости может осуществляться вполне свободно. В то же время, применение винта позволило бы сделать вертикальную наводку орудия более тонкой, чем при помощи *columna minor*, ἀντίβασις Витрувия (Vitruv., X, 10, 5) или ἀναλαοστῆρια Герона (Heron. Bel., W 89), применявшихся в обычных лафетах. Это также позволило бы наводить орудие значительно большего веса.

Несмотря на то, что винтовые механизмы были известны и широко применялись в античности (Drachmann 1963: 204–205; Landels 2000: 59, 66), Э. Марсден заключает, что если анонимный реформатор применил винтовой подъемный механизм в своей баллисте, то он опередил время, так как «подъемные винты для пороховой артиллерии появились только в семнадцатом столетии и даже тогда почти не использовались в больших орудиях вплоть до девятнадцатого века» (Marsden 1971: 242) (И. Ф. Каюмов).

⁶¹ Э. Марсден, П. Чеведден и Т. Рилл правильно переводят *temo* как «ствол [орудия]» (Marsden 1971: 241; Chevedden 1999: 155; Rihll 2007: 236) (И. Ф. Каюмов).

⁶² Э. Томпсон переводит это предложение так: «далее должно признать, что этот вид *ballista* обслуживается двумя людьми и метает стрелы, приводясь в движение не кручением, как в случае других *ballistae*, а воротом» (Thompson 1952: 114). Р. Оливер указывает, что перевод этого пассажа Е. Томпсоном неверен, так как ни ворот, ни другое подобное устройство не может метать снаряды. Слово же «*radii* в техническом

контексте — всегда стержни, бруски, или спицы, и никогда... ворот» (Oliver 1955: 113–114).

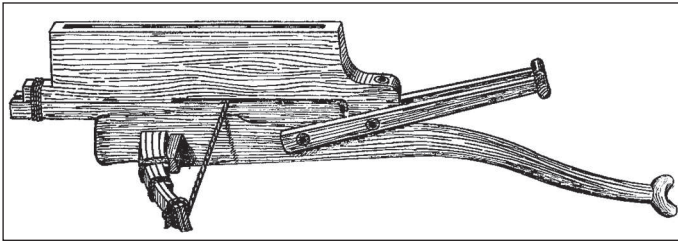

Рис. 18. Китайский многозарядный арбалет.
Воспроизведено по: Payne-Gallwey 1903: 238, fig. 171.

Р. Оливер заключает, что текст реформатора страдает многочисленными лакунами, и добавляет несколько слов в этот пассаж: hoc ballistae genus duorum opera uirorum sagittas ex se, non ut aliae funibus [nervinis], sed [ferrei arcus] radiis intorta iaculatur (Oliver 1955: 117). Таким образом, в его интерпретации radii относятся к двум стойкам, прикрепленным к концам вертикальной стальной арки (ferrei arcus), а funes, очевидно, к торсионным канатам (об интерпретации Р. Оливера см. прим. 103). Достаточно вольно поступив с текстом реформатора, Р. Оливер попытался избежать противоречий трактовки Э. Томпсона.

Э. Марсден же переводит этот пассаж так: «нужно понимать, что, усилиями двух человек, этот вид ballista метает свои болты, после взведения не веревками, как на других машинах, а рейками» (Marsden 1971: 241). Он правильно отмечает, что «любая интерпретация должна опираться на слово intorta, которое однозначно относится к самой ballista».

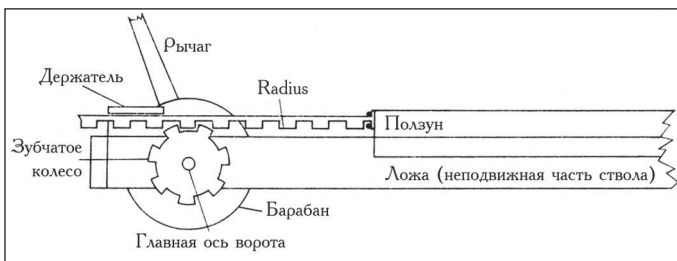

Рис. 19. Схема взведения по Э. Марсдену.
Воспроизведено по: Marsden 1971: 243, fig. 1.

И предлагает для фразы «... sagittas ex [ballista] ... intorta...» дословный перевод «... стрелы от себя после того, как было скручено...», который, по его мнению, надо расширить до: «... стрелы от себя после того, как торсионы были скручены...». Следовательно, ballista quadrirotis явно подвергалась скручиванию и поэтому вполне могла быть торсионным орудием. При оттягивании ползуна назад, тетива и плечи машины оттягивались назад, а торсионы закручивались (Marsden 1971: 242–243). Исходя из этого, Э. Марсден предположил, что реформатор использовал здесь новый метод оттягивания ползуна, то есть не канатами, накручивающимися на ворот, а зубчатыми железными рейками, работавшими в соединении с зубчатыми колесами, прикрепленными к вороту (Marsden 1971: 243). Таким образом, устройство работало точно так же, как и речено-редукторный ворот (скапекин) обычно использовавшийся для взвода средневековых арбалетов со стальной дугой (Payne-Gallwey 1903: 131–144; Harmuth 1986: 125–131; Шокарев 2001: 73, 115–118).

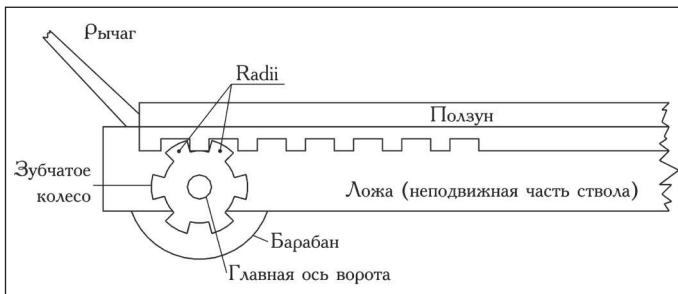

Рис. 20. Предполагаемая схема взведения четырехколесной баллисты (ballista quadrirotis). Рисунок И. Ф. Каюмова.

Т. Рилл (Rihll 2007: 238) полностью соглашается с мнением Э. Марсдена о том, что речь здесь идет о зубчатой рейке устройства, напоминающего средневековый кранекин. Она даже полагает, что прямой бронзовый храповик найденный при раскопках римского дерево-земляного форта в шотландском местечке Элгинхох (Hanson 2007: 405–407), принадлежит подобному устройству. Но он слишком мал для этого (длина — 9,2 см), и его зубцы вряд ли смогут обеспечить надежное зацепление с вращающимся зубчатым колесом.

П. Чеведден попытался опровергнуть точку зрения Э. Марсдена, основываясь на том, что, по его мнению, первичное значение глагола intorqueo — «согнуть назад». И поэтому, как он считает, «intorta исполь-

зуется в этом случае для обозначения натяжения или сгибания обычного лука» (Chevedden 1999: 156). П. Чеведден полагает, что в отличие от большинства стрелометных катапульти, которые взводились воротом, эта ballista использовала натяжной рычаг, возможно, подобный рычагу китайского многозарядного арбалета (Payne-Gallwey 1903: 237–242). Он считает, что два человека действовали им посредством давления на поперечный брус, соединяющий два боковых плеча рычага, и поэтому слово *radius* используется здесь во множественном числе (Chevedden 1999: 155). П. Чеведден также считает, что подобные рычаги могли существовать в античности, так как Витрувий (Vitruv., X, 11, 1) указывает на то, что для взвода баллист использовались несколько механических устройств: рычаг (*vectis*), ворот (*sucula*), полиспасть (*polyspaston*), стоячий ворот (*ergata*) и система барабанов (*tympani*). Но в этом списке значатся не только, собственно, устройства взвода, такие как ворот и кабестан, но и вспомогательные механизмы, усиливающие их действие, например, полиспасть. Поэтому здесь рычаг Витрувия нельзя рассматривать в отрыве от остальных устройств взвода. В целом же, версия П. Чеведдена весьма остроумна, но лишена каких-либо оснований.

Как представляется, помочь решить вопрос об устройстве натяжения может остальной текст трактата и его иллюстрации. Дело в том, что слово *radius* встречается в трактате еще два раза (Анон. De reb. bell., 17, 2; 18, 2). И в обоих этих случаях оно обозначает некие многочисленные детали, равномерно располагавшиеся по окружности механизма, к которому они принадлежали: (1) гребные лопатки от колесного движителя либурны; (2) ступени от «беличьего» колеса ballista fulminalis. Вследствие этого, можно предположить, что речь здесь идет не о зубчатой рейке, а о зубчатом колесе. Термин же *radii*, в этом случае, должен обозначать зубья этого колеса. Если обратить внимание на иллюстрации, сопровождающие трактат, то можно заметить, несмотря на всю их условность, что подвижная часть ствола (ползун) доходит до самого ворота, а неподвижная часть прорезана пазом для движения ползуна до самого конца, чего не делалось ни на одной обычной катапульти. Таким образом, можно предположить, что ответная часть зубчатого колеса находилась на нижней поверхности ползуна, то есть в нем для зацепления *radii* могли быть сделаны специальные пазы. В связи с этим, версия Э. Марсдена о том, что мы имеем дело с неким подобием кранекина, представляется верной, хотя *radii* у него — это зубчатая рейка. Тем более, нет никакого сомнения в том, что римские механики могли создать редуктор с системой из зубчатых колес (Drachmann 1963: 200–203) и зубчатой рейкой (см., например, Vitruv., IX, 8, 5). Э. Марсден отметил еще одно преимущество

реечно-редукторного ворота, а именно «артиллеристы могли двигать свой ползун механически, как назад так и вперед, единственным воротом и без участия другого оборудования, которое требовалось для выдвижения ползуна в более ранних обычных машинах» (Marsden 1971: 243) (И. Ф. Каюмов).

⁶³ Автор, видимо, сам изобрел данный вид машины (8,2), ведь из других источников о применении данного аппарата нам ничего не известно (Neher 1911: 50; ср.: Reipach 1922: 251). В конструкции тихоцифра скомбинированы функции переносного осадного плетеного покрытия и мобильной рогатки. При его создании конструктор руководствовался идеей прикрепления оружия к повозке, как и в случае с курродрепанусом и клипеоцентром. В общем, данный аппарат должен служить мобильным щитом. Он, по замыслу автора, должен прикрывать стреляющую баллисту и защищать наступление пехотинцев на врага на поле боя, а при осаде — продвижение к стене города (8,1; 19,6) (А. К. Нефёдкин).

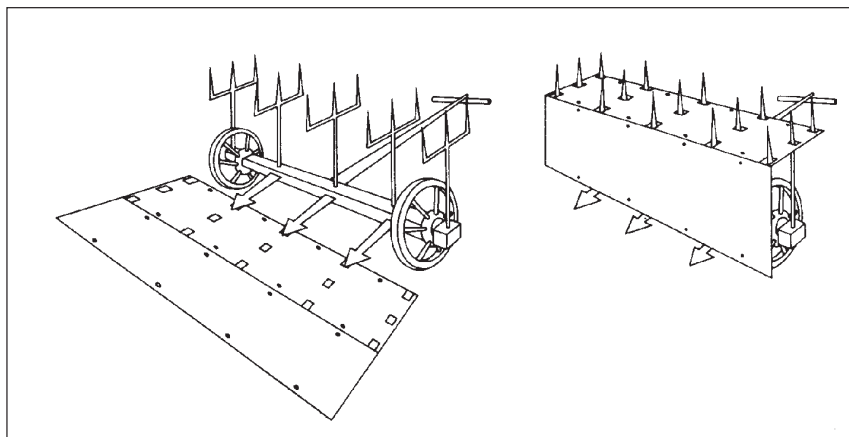

Рис. 21. Реконструкция В. Либешюцем тихоцифра со снятыми покрытиями и в поставленном в боевое положение.

Воспроизведено по: Liebeschuetz 1994: 131, fig. 4.

⁶⁴ Tichodifrus — название, образованное из двух греческих слов $\tau\acute{\epsilon}\tilde{\iota}\chi\omicron\varsigma$ — «стена» или, шире, «крепость» и $\delta\acute{\iota}\phi\rho\varsigma$ — «кузов» или же в широком смысле «колесница». Всё название аппарата можно перевести как «колесница-укрепление». Как отметил Р. Шнайдер, такое название неизвестно в древности (Schneider 1908: 31, Anm. 2) (А. К. Нефёдкин).

⁶⁵ М. Хасселл предполагает, что тиходифр, как и галльскую жатку, везла пара коней, запряженных сзади (Hassall 1979: 91). Однако, более вероятно, животные могли вести тиходифр лишь на походе, в бою же его должны были толкать вперед, как далее указывает Аноним, два человека (De reb. bel., 19,5) (А. К. Нефёдкин).

⁶⁶ Ланцея (lancea) — обычное метательно-ударное нетяжелое копье римской пехоты и конницы императорской эпохи (Arr. Tact., 4,9; Veget. Epit., III, 14; 24; IV, 29; Leo. Tact., VI, 32). Подробнее см. прим. 91 (А. К. Нефёдкин).

⁶⁷ Как видим, описание Анонимом тиходифра довольно туманное, сложное для реконструкции, что и отмечают исследователи (Neher 1911: 49–50; Reinach 1922: 231; Hassall 1979: 89–90, figs. 11–12; Liebeschuetz 1994: 129–130, figs. 3–4). Миниатюры же рукописей также сложны для интерпретации. С. Рейнак вообще считает изображения аппарата в манускриптах неверными, тогда как М. Бертелло, наоборот, доказывает, что иллюстрации из Cod. lat. Monacensis 10291 (1542 г.) непосредственно восходят к позднеантичным рисункам и показывают нам реальный облик аппарата (Reinach 1922: 206, 231; Berthelot 1900: 174). Возможно, он прав. Посмотрим на само описание. Аноним сообщает, что тиходифр прикрывается сверху двумя плетенками, которые, видимо, имеют форму домика, как было на обычных четырехколесных осадных черепахах (Apollod. Poliorg., 143; Athen. Mechan., 18–19; 38; Veget. Epit., IV, 15–16; Anon. Byz. Poliorg., 207; 209). Эти покрытия прибывались к шасси, которое показано и на миниатюрах (Ireland 1984: Tab. IV; Thompson 1952: 67). Чтобы баллиста стреляла, находясь под прикрытием тиходифра, последний должен был иметь довольно низкий перед. Отсюда и вытекает фраза о защите ног наступающих и свидетельство о том, что в данной машине находились именно щитоносцы (19,6: scutati), которые спереди сами защищают себя щитами. Таким образом, инженер, создавая проект данного аппарата, комбинировал несколько идей. Идею двухколесной повозки, которая, возможно, происходила от трехколесной рамы осадного щита (Veget. Epit., IV, 16) и идею защитных функций последнего. Мысль же о наконечниках копий-ланцей, прикрепленных к переду тележки, видимо, имела ту же основу, что и соответствующие острия у курродрепануса. А приспособление трезубцев к аппарату могло быть позаимствовано из реальной военной практики IV в. (Athen. Mechan., 38; Amm., XXIII, 4, 12; ср.: Thompson 1952: 66) (А. К. Нефёдкин).

⁶⁸ Данный термин был образован Анонимом из латинского слова *clupeus* «щит» и греческого κέντρον «жало». (Schneider 1908: 31, Anm. 3). Автор не дает описания конструкции клипеоцентра, однако

его можно представить в виде круглого щита с одним или несколькими торчащими из него остриями. Щит подобной конструкции описывал Византийский Аноним VI в.: «Для обеспечения наибольшей защищенности протостатов необходимо, чтобы в центре их щита помещался железный умбон округлой формы с закрепленным на нем наконечником высотой не менее четырех пальцев (ок. 8 см), чтобы не только внушать страх врагам, когда они будут видеть этот наконечник издали, но и наносить им тяжелые травмы, когда дело дойдет до его применения» (Анон. Вуз. Такт., 16, 2; пер. В. В. Кучмы). Идея щита, снабженного острием, могла возникнуть у Анонима под влиянием современных ему щитов германцев, умбоны которых часто имели вид вытянутого конуса, переходящего в длинный штырь. Функционально такое острие было предназначено не для нанесения ударов в рукопашной схватке, как считал Византийский Аноним, но для того, чтобы лишить противника возможности, ударив щит в щит и навалившись всей массой тела (Амм. Магс., XVI, 12, 37), сбить щитоносца с позиции, заставить его раскрыться с тем, чтобы после этого нанести смертельный удар (А. В. Козленко).

CLIPEOCENTRVS

TICHODIFRVS

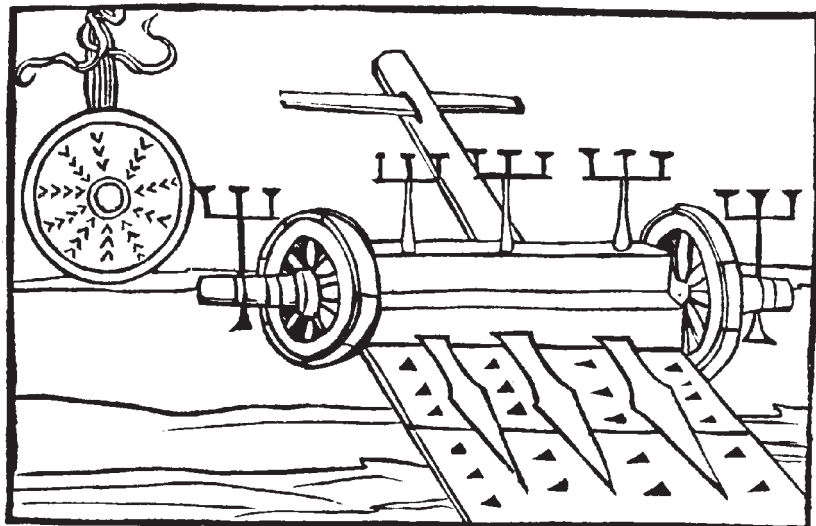

Рис. 22. Тиходифр и клипеоцентр. Иллюстрация из издания XVI в.
Воспроизведено по: Liebeschuetz 1994: 130, fig. 3.

⁶⁹ Парма — небольшой (Mart., XIV, 213) круглый (Varro. L. L., V, 115; Polyb., VI, 22) щит, используемый легковооруженной пехотой (Liv., II, 20, 10; VIII, 7, 11), всадниками (Serv. Aen., XI, 619) и гладиаторами-фракийцами (Hesych., s. v. *πάρμη*). Объясняя этимологию названия пармы, Варрон писал о том, что она «от середины во все стороны имеет равные размеры (par)» (Varro. L. L., V, 115). Исидор трактовал парму как «маленький (parvus) щит» (Isid. Orig., XVIII, 12, 6). Павел Диакон приписывал парму бруттиям, «которые называют так щит, находящийся у них в употреблении» (Paul. Diac., p. 31; Fest, p. 238). Сервий, ссылаясь на Саллюстия, пишет, что «луканы называли пармой плетёный из ивняка и покрытый толстой кожей щит» (Serv. Aen., VII, 632). Парма могла не иметь украшений (Verg. Aen., XI, 710: *parma pura*) или краситься простым белым цветом (Verg. Aen., IX, 545: *parma alba*). Иоанн Лид сообщает, что греческим соответствием пармы являлась пельта (*πέλτη*) (Ioan. Lyd., XXII, 8–10). Византийские авторы VI–VII вв. описывают пельту в качестве элемента вооружения легкой пехоты и всадников (Agath., II, 8, 1; III, 17, 7; V, 19, 4). Ее отличительной особенностью являлось отсутствие металлической оковки по краю (Hesych. Suda, s. v. *πέλτη*). По рекомендации Маврикия, военачальник при совершении марша в лесистых и труднопроходимых местах вблизи противника должен был вооружать псиров облегченными щитами меньшего размера (Maur. Strat., XII B, 20). Эта рекомендация хорошо соответствует словам Анонима о необходимости снабжать воинов, действующих в условиях лесной чащи, щитами меньшего размера (De reb. bell., XIX, 2). При этом Аноним использует для их наименования термин *clupeus*, а не *parma*, и, таким образом, сходство обоих типов ограничивается лишь формой и размерами. Изображение небольшого круглого щита мы можем видеть на погребальной стеле из Бригециона, датированной второй половиной III века (Stephenson 1999: 34, fig. 8). Однако, общее для изображений этого жанра пренебрежение к передаче точных пропорций изображаемых предметов препятствует нам сделать вывод о подлинных размерах щита (А. В. Козленко).

⁷⁰ *Plumbata* — вероятно сокращение от полной формы *hasta plumbata* — метательное копье, вес которого для придания большей тяжести удару увеличен свинцовым грузилом (Veget. Ep., I, 17; II, 15, 16; III, 14). Вегетий использует в качестве синонима этого названия слово *mattio barbula* (Veget. Ep., I, 17), которое у Маврикия превращается в *μαρτζοβαρβουλον* (Maur. Strat., XII, 5; 12; 16; 19; 20). Почти наверняка оно происходит от испорченного *martio barbula*, т. е., «марсова колючка», и является солдатским прозвищем этого оружия (Dixon, South-

ern 1996: 114). Еще одно название, однажды упомянутое Мавриkiem *ρίπτια* (Maur. Strat., XII, 16) происходит от греческого *ρίπτω* «бросать» и, по всей видимости, также является примером солдатского прозвища оружия, данного по специфике его применения.

Рис. 23. Плюмбата из Роксетера, IV в.
Воспроизведено по: Dixon, Southern
1996: 114, fig. 46.

Одно из первых упоминаний о плюмбате принадлежит Вегецию, который сообщает о том, что в правление императоров Диоклетиана и Максимиана иллирийские легионы Иовианов и Геркулианов приобрели столь большую опытность в обращении с этим оружием, что по его имени получили прозвище *Маттиобарбулов* (Veget. Ep., I, 17). В описании Вегеция плюмбата является дальнобойным метательным оружием. Служившие в римском легионе тяжеловооруженные воины помимо традиционной экипировки снаряжались пятью плюмбатами, которые они носили на внутренней стороне щита (Veget. Ep., II, 15). Солдаты использовали плюмбаты как наступательное оружие при первом натиске и как оборонительное при нападении противника. Постоянные упражнения позволяли им достигать такой опытности в обращении с оружием, что враги и их кони поражались прежде, чем дело доходило до рукопашного боя, и

даже прежде, чем подходили на расстояние полета дротика или стрелы (Veget. Ep., I, 17). Таким образом, в одно и то же время воины на поле боя сочетали в себе качества тяжелой пехоты и стрелков (Veget. Ep., III, 14). Застрельщики, в начале боя сражавшиеся перед строем, также имели плюмбаты на вооружении. Отходя с началом рукопашной назад под прикрытие своих, они продолжали обстреливать противника. Плюмбаты при этом бросались ими по высокой траектории, поверх голов своих впередистоящих (Veget. Ep., III, 15). Вегеций специально

оговаривает необходимость вооружения плумбатами стоявших в задних рядах строя триариев (Veget. Ep., III, 15). Он также рекомендовал использовать плумбаты в осадном деле — как при защите стен от нападений противника, так и при штурме вражеских укреплений (Veget. Ep., IV, 21; 29).

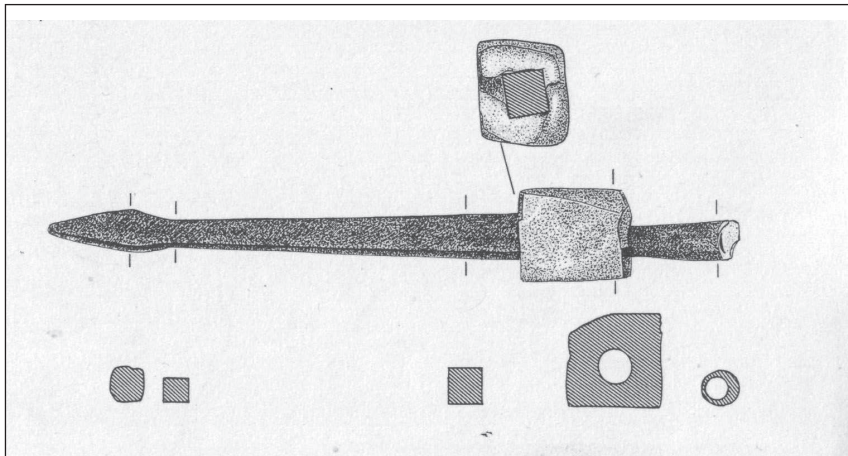

Рис. 24. Плумбата, IV в. Воспроизведено по: Volling 1991.

Археологические находки плумбаты представляют собой наконечник на тонком железном стержне, место соединения которого с древком закрывалось вытянутой свинцовой насадкой округлой веретенообразной формы. Некоторые экземпляры для насадки на древко имели короткую втулку, иногда расщепленную в нижней части. Другие заканчивались плоским хвостовиком, который должен был вставляться в специальный пропилен на древке и закрепляться на месте заклепкой. Ввиду хрупкости такого соединения свинцовая муфта должна была играть роль дополнительного элемента крепления наконечника. Деревянная часть большинства находок не сохранилась. Диаметр отверстия в свинцовых насадках, а также небольшой обломок хвостовой части древка плумбаты из Роксетера, позволяет установить первоначальную его толщину около 1 см. В свинцовом грузиле плумбаты из Олимпии был найден конусовидный металлический колпачок, изначально прикреплявшийся к древку при помощи заклепки. Вероятно, эта деталь играла роль своеобразной прокладки и должна была содействовать более тесному сцеплению деревянной и металлической части снаряда.

К настоящему моменту известно не менее пяти десятков экземпляров находок, датируемых III–VI вв. Наконечник большинства из них имеет плоскую форму и треугольные очертания с широко разведенными в стороны боковыми зубцами, что хорошо соответствует описанию «формы рогадины» Анонима. Реже встречается массивная четырехгранная или трехгранная форма наконечника. Стержень большинства находок имеет четырехгранную форму. В некоторых экземплярах нижняя часть стержня завита в виде спирали для обеспечения более надежной сцепки со свинцовой муфтой грузила. Размеры находок варьируются от 98 мм экземпляра из Донкастера до 275 мм экземпляра из Сискии. Поскольку известно, что в конце IV в. солдаты носили пять плюмбат в специальном кармане на внутренней стороне щита (Veget. Ep., I, 17), а впоследствии из-за возросшей длины и тяжести оружия для переноски стали использовать специальный футляр (Maug. Strat., XII, 6; 19), вероятно, справедливым является предположение о том, что более крупные и, соответственно, массивные экземпляры, соответствуют более позднему времени (Volling 1991: 288).

Существует несколько возможных способов реконструкции внешнего вида и технологии использования плюмбаты. Р. Робинсон предположил, что плюмбата ничем не отличалась от обычного дротика и применялась так, как применялся дротик. Проведя ряд опытов, он нашел, что оптимальная длина ее древка равна 94 см, при этом общая длина оружия лишь немного превышает 1 м. Модель плюмбаты, брошенная просто рукой, летела на расстояние 27,5 м, а брошенная при помощи специального ремня на 64 — 73 м (Barker 1979: 99). Последующие исследования внесли в эту точку зрения некоторые коррективы. Прежде всего, обращает на себя внимание рисунок плюмбаты, прилагавшийся к рукописному кодексу De rebus fellicis. Если пропорции метательного снаряда в нем соблюдены верно, то представляется, что длина наконечника с металлическим стержнем и длина древка соотносятся в пропорции 1 : 1. Зная, что длина железной части плюмбаты может колебаться от 9,8 до 27,5 см, преобладавая в пределах 13–15 см (Volling 1991: 295), можно предположить, что общая длина снаряда вряд ли будет превышать полметра. Об этом, как будто говорит и сам Аноним, когда утверждает, что плюмбата во всем подобна стреле. Эксперименты с репликой этого оружия позволили прийти к интересным выводам. Выяснилось, что техника броска плюмбаты отличалась от техники броска обычного дротика: плюмбату бросали снизу вверх, движением руки, направленным против оси часовой стрелки. Дальность броска при этом была 60 м, а высота броска — 10 м, что соответствует рекомендациям Вегетия к при-

менению этого оружия при осаде городов (Veget. Ep., IV, 21; 29). Из-за высокого угла падения плumbera вонзалась в цель сверху вниз, поражая из-за щита голову, шею и плечи противника. Подобный способ позволял задним рядам пехотного строя в ходе боя бросать плumbera через головы передних бойцов, не боясь при этом задеть своих, а для врагов делал ее грозным оружием (Eagle 1989: 247–253) (А. В. Козленко).

⁷¹ Эпитет традиционной позднеримской метательной стрелы плumbera *tribolata* опять же происходит от греческого названия для «чеснока» — τριβόλος. Как отмечает Р. Шнейдер, в латыни наименование *tribolata* не известно (Schneider 1908: 31, Anm. 4a) (А. К. Нефёдкин).

⁷² Венабула (*venabulum*) — рогатина, охотничье копье с широким наконечником, насаживавшимся на древко при помощи втулки. Рогатина служила для охоты на крупного зверя и предназначалась для нанесения широкой и глубокой раны, способной вызвать обильное кровотечение. При охоте на медведя рогатину вонзали в тело жертвы и, упирая в землю древко оружия, удерживали на ней бьющегося в агонии зверя, до тех пор, пока он не истекал кровью. Наконечник рогатины при этом не должен был проникать слишком глубоко для того, чтобы зверь, налезая на рогатину, не мог лапами дотянуться до удерживающего его охотника. С этой целью к древку привязывали специальный ограничитель, часто выполнявшийся из дерева или рога, от которого рогатина и получила свое название. На некоторых экземплярах наконечников копий V–VII вв. можно видеть такой ограничитель, выполненный из железа и прикованный к длинной и крепкой втулке, которая должна была служить надежным соединителем древка и наконечника. От крепости такого соединения зависела жизнь охотника. В метательном копье действует обратный принцип: соединение наконечника с древком было сделано нарочито ненадежным и хрупким, чтобы сломаться при первой же попытке вытащить вонзившийся дротик из раны. По этой причине наконечник плumbera крепился к древку не втулкой или при помощи шипа, а лишь посредством муфтового соединения. Привлекая неуместные в данном случае аналогии, Аноним таким образом еще раз подчеркивает свою некомпетентность в данном вопросе и полное отсутствие практического знания об конструкции оружия (А. В. Козленко).

⁷³ Трибулы — *Tribuli* — железные или бронзовые четырехострые рогульки. «Трибулы, — пишет Вегетий, — это защитное орудие, сложенное из четырех заостренных кольев; как его ни бросить, оно крепко становится на трех кольях, а четвертым, поднятым кверху, наносит вред» (Veget. Ep., III, 24). Семнадцать таких рогулек были найдены в Карлеоне (Великобритания). Каждая состояла из четырех шипов дли-

ной 4,5 см, соединенных под углом друг к другу (Bishop, Coulston 1993: 155, fig. 8–11). Вегетий относит появление трибул к эпохе войн, которые римляне вели против Антиоха III и Митридата VI Евпатора (Veget., III, 24), однако у Полиэна имеются сведения о применении трибул персами уже против Александра Македонского в сражении при Гавгамелах (Polien., IV, 3, 17) и даже еще раньше афинским военачальником Никием (I, 39,2). Трибулы использовались при укреплении местности, вокруг крепостей или временных стоянок, на проселочных тропах и у бродов для того, чтобы воспрепятствовать возможности скрытого подхода противника. (Аноп. Вуз. Тact., 28, 5). Время от времени трибулы применялись в полевых сражениях, в основном против кавалерии или колесниц (Hdn., IV, 15, 2–3; Аноп. Вуз. Тact., 32, 14; 38, 5; Veget. Ep., III, 24). Чтобы легче устанавливать, а после снимать трибулы со своих позиций, их рекомендовали связывать цепью или закреплять на сетке, а места установки отмечать колышками (Аноп. Вуз., 211; Maur. Strat., XII B, 6). Эффективность трибул обеспечивалась их малыми размерами. Заметить шип на земле, на песке или в траве было практически невозможно и потому он представлял серьезную угрозу как для пехотинца так и для всадника. Для защиты от этого коварного оружия Византийский Аноним советовал солдатам одевать башмаки с толстой деревянной подошвой, а копыта коней укреплять металлическими пластинами (Аноп. Вуз. Тact., 39). Еще один прием защиты состоял в том, чтобы прочесывать засеянную трибулами территорию крестьянскими боронами (Аноп. Вуз. Тact., 211). Описание см.: Veget. Ep., III, 24; Procop. Bel. Goth., III, 24, 16. Подробнее см.: Reinach 1909: 416–417; Lammert 1937: 2413–2415 (А. В. Козленко).

⁷⁴ В данном и в последующем разделе Аноним предлагает усовершенствовать конструкцию плюмбат. В первом случае, он предлагает соединить в одной конструкции плюмбату и трибулу, расположив последнюю примерно посередине древка, а во втором, обычное для плюмбат остриё с двумя шипами изобретатель предлагает заменить на наконечник без шипов. Были ли сделаны подобные снаряды — не ясно.

⁷⁵ Название *tamillata* дается по сходству формы плюмбаты с женской грудью — *tamilla*. Речь в данном случае идет не о свинцовом грузе, как считает Ф. Баркер (Barker 1979: 97), поскольку, из текста следует, что никакого отличия формы последнего от обычной формы плюмбаты не предусматривается, а о форме наконечника, которому Аноним предлагает придавать конусовидную форму, увеличивавшую бронбойную силу последнего (Bishop, Coulston 1993: 162). Обычные для конца IV — начала V вв. широкие и плоские наконечники использовались преимущественно против незащищенного доспехом противника. Вонзаясь в

цель, они наносили широкую и глубокую рану, однако, оказывались совершенно бесполезными против щита, в котором легко застревали. Аноним предлагает вернуться к древней форме бронебойного наконечника пилума, позволявшего, как свидетельствует Вегеций, при попадании в цель пробить и щит и укывшегося за ним одетого в доспех щитоносца (Veget. Ep., I, 20). Археологические находки пилумов демонстрируют преобладавшую по крайней мере со II в. до н.э. пирамидальную форму наконечника, позволявшую наиболее полно реализовать кумулятивный эффект и добиться максимальной проникающей силы оружия. Судя по определению «*tamillata*», Аноним предлагает вместо пирамидальной формы наконечника ввести грушевидную, расширяющуюся в нижней части. Вероятно, по его представлениям такая форма могла бы оптимально совместить высокую проникающую способность оружия и поражающий эффект, заключающийся в его способности нанести широкую рану. На практике же проникающая способность конусовидного наконечника должна была бы уступать пирамидальному. Вонзаясь в цель, коническая головка отрывает кусок ткани и вбивает его в глубину раны, увеличивая давление и, вследствие этого, сопротивление наконечнику. Пирамидальный наконечник режет кожу и ткань четырьмя гранями, проникая глубоко и без особого сопротивления (Малина, Малинова 1988: 44). Мастера-оружейники, стремясь совместить высокую проникающую способность оружия и высокий поражающий эффект, как показывают данные археологии, сохраняли четырехгранную форму наконечника. Если головка наконечника была пирамидальной, углы основания пирамиды делались в виде зубцов, если ромбовидной — в виде двух усов, широко расходящихся в разные стороны. Обе этих формы соответствовали большей проникающей способности оружия в первом случае, или большей поражающей способности во втором (А. В. Козленко).

⁷⁶ Наименование данного аппарата *currodrepanus* происходит от слияния латинского слова *sigus* («колесница») и греческого *δρέπανον* («серп»). В целом, данный аппарат представляет собой сильную модификацию древней колесницы с серпами, по сравнению с которой он имеет существенные отличия: отсутствие кузова, вследствие чего возница сидит прямо на покрытом панцирем коне; ножи или щиты, закрепленные на шасси для предотвращения взбирания сюда врага; серпы, прикрепленные к концам оси колес, которые могут подниматься вверх посредством веревок из горизонтального боевого положения. Сами серповозы делятся на три вида: 1) собственно «курродрепанус» (*currodrepanus*), запряженный парой коней, на каждом из которых сидит по одному воину (гл. 12); 2) «одиночный курродрепанус» (*currodrepanus singularis*), меньший

по размеру, который тянется только одним конем с верховым возницей (гл. 13); 3) «щитоносный курродрепанус» (*currodrepanus clipeatus*), который представляет собой серповоз с двумя конями и с одним конным возничим (гл. 14). У данной колесницы вместо ножей на шасси расположены «круглые щиты, окаймленные острым железом» (*et clipeis acuto ferro circumdatis*) и, как указывает сам автор (14,2), скорость данной повозки больше предыдущей. В целом, две последние модели аппарата представляются лишь модификациями первого вида.

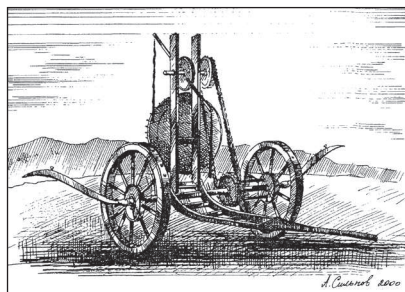
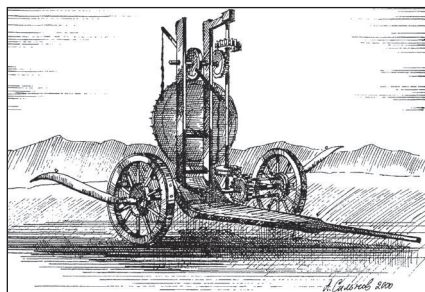

Рис. 25. Две альтернативные реконструкции М. Хасселом курродрепануса с автоматическими бичами, приводимыми в движение зубчатой передачей. Рисунки А. В. Сильнова. Воспроизведено по изданию: Nassall 1979: 79, figs. 4–5.

Были ли данные серповозы чисто теоретическим нововведением, которые Аноним рекомендует использовать на практике императору? Ведь об изобретении военных машин говорит и сам автор (*Praef.*, 7; 11; 16; 6,4–5; 18,7). Для начала надо заметить, что в поздней античности (III–V вв.) о конструкции настоящих серпоносных квадриг знали лишь по описаниям древних, о чем свидетельствует Сервий Гонорат и Лактанций Плацид (*Serv. ad Virg. Aen.*, I,476; *Lact. Plac. ad Stat. Theb.*, X,544; ср.: *Heliod.*, X,14; *Veget.*, III,24; Thompson 1952: 56). Описание подобной курродрепанусу конструкции, но без серпов, мы найдем у Вегеция (*Epit.*, III,24) в рассказе о том, как римляне боролись со слонами Пирра: «припрягались к колеснице два катафрактных коня, сидящие на которых клибанарии направляли сариссы, то есть очень длинные контосы, на слонов» (*bini catafracti equi iungebantur ad currum, quibus insidentes clibanarii sarisas, hoc est longissimos contos, in elefantos dirigebant*). Тут Вегеций или уже его источник интерпретирует в позднеантичных терминах четырехколесные повозки, которыми римляне попытались противостоять слонам царя Пирра (*Dion. Hal. Ant. Rom.*, XX,1,3–4; *Zonara*, VIII,5D). Однако, сама интерпретация примечательна: автор, по суще-

ству, говорит о конструкции того же курродрепануса, появление которого могли относить в IV–V вв. к глубокой древности. Следовательно, таким образом в IV в. представляли конструкцию древних серпоносных колесниц. Так не могли ли данные «описания» Анонима просто быть своеобразным пересказом конструкций квадриги с серпами предшествующей эпохи? Видимо, нет. Об этом свидетельствует и количество лошадей, и расположение серпов, и даже предлагаемое использование серповозов. Да и конструкция данных аппаратов, как уже отмечалось, представляет собой несколько иной, модернизированный тип (Neher 1911: 32–33; Reinach 1922: 233; Thompson 1952: 56). Во-первых, отсутствует кузов, что позволяет облегчить вес колесницы и, следовательно, уменьшить количество тяговых животных. Во-вторых, возница, по древней еще ахеменидской традиции одетый в броню (12,2), стал по существу всадником, способным поражать врага пикой (*contes*), которая, очевидно, отсутствовала у древнего возничего. В-третьих, серпы теперь крепились не стационарно, но во избежание ранений на марше своих же воинов, подымались кверху (Neher 1911: 32–33). В-четвертых, к шасси прикреплялись защищающие от взбирания на данный аппарат ножи или щиты с шипами. Впрочем надо отметить, что одиночный курродрепанус был малоэффективен из-за тяжести груза, тащимого конем, а для щитоносной колесницы прикрытие сзади круглым щитом (*clipeus*) с остриями, в общем, не являлось необходимым и уж совсем непонятно, как самопроизвольные бичи подстрекали коней, защищенных катафрактами.

Автор рекомендует использовать данные аппараты несколько другим образом, чем древние применяли квадриги с серпами, а именно: против вражеской бегущей пехоты (19,7) и в боях у укреплений (*praesidia*) на ровной местности (18,8). Действительно, одиночный, бронированный курродрепанус далеко не ускачет — устанет лошадь, да и скорость его будет незначительна по сравнению со всадниками, поэтому им, как и серпоносной колесницей, нужно было действовать против вражеской пехоты, а, к примеру, не против конницы неприятеля (ср.: Vigneron 1968. Vol. I: 307). Вместе с тем, употребление этого серповоза показывает явную деградацию данного рода оружия, по сравнению с серпоносной квадригой: вместо ударной лобовой атаки на пехоту врага, рекомендуется всего лишь преследовать бегущего противника.

Относительно историчности данных серповозов у исследователей нет единого мнения. Р. Шнайдер считал, что сам курродрепанус нам не известен по другим источникам и, по-видимому, был изобретением автора (Schneider 1908: 32, Anm. 5). Э. Томпсон полагает, что сведения о колесницах с серпами Аноним черпал из книг, тогда как В. Либ-

шюц просто считает их авторской фантазией (Thompson 1952: 76, 79; Liebeschuetz 1994: 129, 136; ср.: Vigneron 1968. Vol. I: 307). М. Хасселл же отмечает, что, хотя колесницы и не были сделаны, но их конструкция была все же жизнеспособна (Hassall 1979: 77). Естественно, данная серпоносная «борона» была задумана не на пустом месте, но по древним образцам, возможно эллинистического времени, которые были усовершенствованы Анонимом.

Еще С. Рейнак заметил, что в случае с курродрепанусом автор предлагает возобновить уже изобретенное оружие, как это было с подпанцирной рубашкой и с мостом из бурдюков (De reb. bel., 15,1; 16,1; Reipach 1922: 233). Но тогда встает вопрос о времени появления данного типа оружия. В самом трактате об этом читаем (12,1): «Тип такого вида военной повозки, который оказывается снабженным оружием сверх положенного, обнаружила необходимость парфянской битвы». Уже Г. Гуго задался вопросом, что это за «парфянская битва» (Hugo 1630: 45)? Данная проблема являлась предметом дискуссии и позднее. Так, Р. Неэр истолковывает это известие в том смысле, что Аноним хочет сказать, что персы (= парфяне) изобрели колесницу с серпами, как это и описывает Ксенофонт (Neher 1911: 32). С. Рейнак также заметил, что идея серпоносных колесниц у позднеантичного инженера не нова, и автор приписывает такие повозки парфянам, то есть персам (Reipach 1922: 233). Но ведь можно было бы предположить, что парфяне названы тут своим именем, ведь далее автор упоминает и собственно персов (19,4: Persarum...gens), либо подумать, что Аноним действительно по терминологии того времени называет иранцев времен Сасанидов парфянами (Julian. Or., II,63A: «мне кажется, что называемые парфянами являются персами, присвоившие себе *это имя*»; Epist., 65; Amm., XIV,11,4; XV,1,5; XX,7,6; 16; XXI,7,1; XXII,4,8; 12,2; XXIII,1,7; 3,2; 5,4; 6,14; 28; XXV,1,18; 4,23; 8,12; XXVIII,4,9; XXX,8,8; SHA, XXIII,10,6; XXVI,30,5; XXVIII,11,9; 17,4; Eutrop., VIII,6-7; 8; IX,8, 15–16; Claud. Carm., XVIII (In Eutrop.), 476; Marc. Com., а. 529; 540,1–2; Jord, Rom., 3; 287; 304; 306; 333; 356; 363; 365; 376; 377). Таким образом, диапазон поиска даты изобретения таких серповозов довольно широк.

Сам автор именует свои аппараты *currus falcatus* (18,8; 19,7), то есть традиционным названием для колесницы с серпами, считая, что его серповозы типологически близки к настоящим серпоносным квадригам. И мы вправе ожидать, что под таким же наименованием подобные аппараты должны фигурировать и в древних тактиках. Асклепидот (I в. до н. э.), опирающийся в своем труде на «Тактику» Посидония Родосского, говорит лишь о редком применении серпоносных колесниц

(Asclep. Tact., 8,1). Элиан, писавший свою «Тактическую теорию» около 110 г., упоминает, что колесницы с серпами использовались в предшествующую эпоху (Ael. Tact., 22,1), и, наконец, Арриан в написанной им самим без какого-либо прототипа главе «Тактического искусства» (19,6) прямо заявляет, что в его время колесницы не используются в военном деле (136 г.). А ведь он, скорее всего, лично участвовал в парфянской войне Траяна (115–117 гг.; Ioan. Lyd. De mag., III,53; см.: Stadter 1980: 6, 173). Следовательно, в первой четверти II в. колесниц с серпами уже не существовало. Кроме того, Византийский аноним VI в. и император Лев VI (886–912 гг.), следующие в своих сочинениях античной традиции, также говорят о неупотреблении данных колесниц (De re strat., 14,5; Leo. Tact., I,7). Таким образом, тактики прямо высказываются против использования серпоносных упряжек во II–IX вв., считая их бесполезными. И, следовательно, вероятно, прав Р. Неэр, полагающий, что, Аноним просто передает античную традицию об изобретении серпоносных колесниц древними персами, которых он по позднеантичной традиции именует парфянами.

Судя по всему, курдрепанусы не только не получили широкого распространения (Berthelot 1902: 118), но могли лишь быть сделаны экспериментальные образцы по преподнесенному императору тексту трактата с рисунками (ср.: De reb. bel., 7,1). Хотя сам автор, видимо, полагал, что его предложения будут широко претворяться в жизнь (ср.: De reb. bel., graef., 3). Ведь не случайно же он пишет о применении данных колесниц (12,4): «Однако какие потери машины такого рода причиняют врагам или каковы разгромы *они* производят в расстроенных рядах, лучше расскажут те, кто знает войны на практике». Следовательно, Аноним сам не будучи профессиональным военным, справедливо полагает, что описывать действие данных аппаратов в бою — дело практиков. Однако строить такие машины ради преследования врага, то есть для цели, с которой итак неплохо справлялась конница, было бы не целесообразно. Тем более при финансовых трудностях Поздней империи, о которых столь много пишет сам автор (ср.: De reb. bel., I, 3). Да и у нас нет и свидетельств, что подобные серповозы когда-либо применялись римлянами (Liebeschuetz 1994: 129, 136) (А. К. Нефёдкин).

⁷⁷ Катафракта (в тексте Анонима — *catafracto*) — в данном случае защитная попона, покрытая чешуей, которая как раз и представлена на миниатюрах трактата (А. К. Нефёдкин).

⁷⁸ Под торакомахом автор трактата понимает толстую подпанцирную одежду, наподобие средневекового *гамбесона*, предназначенную для облегчения веса доспеха, уменьшения трения, амортизации ударов и со-

гревающую война в холодное время года (Sumner 1997: 51). С той же целью Византийский Аноним предлагал надевать доспехи поверх гиматия (ἱμάτιον), «...чтобы, с одной стороны, вооружение, плотно облекая тело, вместе с тем не травмировало бы его своим жестким соприкосновением, а с другой стороны, чтобы метательные снаряды врагов не достигали легко тела, но встречали препятствие, во-первых, ... благодаря твердости железа, его форме и гладкости, и во-вторых, благодаря удаленности железа от тела» (Аноп. Byz. Tact., 16, 3; пер. В. В. Кучмы). Маврикий приравнивает гиматии к зостариям (ζοστάριον) и армелаусиям (ἀρμελαύσιον), которые должны были изготавливаться «по аварскому образцу либо из льна, либо из козьей шерсти, либо из другой грубой шерстяной ткани» (Maug., I, 2; XII B, 1). Византийские авторы рекомендовали набивать поддоспешную одежду смесью хлопковой ваты и шелка (Syll. Tact., XXXVIII, 4; Praes. mil., I, 16). Гиматий должен был иметь свободный покрой и длину, достаточную для того, чтобы прикрывать колени кавалериста. Кроме того, они должны были иметь хороший внешний вид (Maug., I, 2; XII B, 1).

Основной функцией торакомаха, носимого под панцирем, была амортизация ударов по корпусу воина, поэтому его толщина, по рекомендации Византийского Анонима должна быть «не менее пальца», т. е. 2 см (Аноп. Byz. Tact., 16, 3). Металлический доспех мог отразить колющий или режущий удар, но не спасал своего владельца от контузии и повреждения внутренних органов. При значительной силе удара, лезвию оружия не нужно было проникать сквозь защитный слой, чтобы вызвать такие повреждения как перелом костей или внутреннее кровотечение. Кожа, плотная ткань, простеганная в несколько слоев, или войлок принимали на себя основную силу удара, смягчая его силу и уменьшая травматическое воздействие. В случае если оружие, пробив доспех, все же вонзалось в плоть, подкладка препятствовала ему проникнуть достаточно глубоко, чтобы причинить немедленную смерть. В этом смысле торакомах был надежной защитой от поражения, причиняемого метательными снарядами, а также от плохо нацеленных и скользящих ударов ручным оружием. Его уязвимость перед колющими ударами обусловила необходимость использовать торакомах в сочетании с металлическим доспехом. (Stephenson 1999: 29–31).

О покрое торакомаха сложно судить ввиду отсутствия достаточно количества данных. На иллюстрации Codicis Latini Monacensis 10291 рукописи XV главы De rebus bellicis торакомах представлен в виде достаточно свободной рубахи с длинным подолом и широкими рукавами до локтя. В качестве торакомаха обычно интерпретируют изображения

короткой поясной одежды с лопастями *птериг*, прикрепленными к подолу и плечам, которые среди других предметов военного снаряжения представлены на целом ряде рельефов I–III вв. Изображением торакомаха, по мнению ряда исследователей, является рельеф на погребальной стеле, принадлежавшей солдату VIII Августа легиона Северию Акцепту и датированной III в. Он представляет собой изображение короткой одежды с окантованным подолом и пятью полосами вертикальной прошивки. Два ряда *птериг* прикреплены к подолу одежды, еще один ряд к плечевой части (Bishop, Coulston 1993: p. 143, fig. 101). Ряд кожаных фрагментов из Виндониссы, датируемых первой половиной I в. н.э. был интерпретирован исследователями в качестве остатков кожаной одежды наподобие жилета, носившейся римскими солдатами под панцирем (D'Amato, Sumner 2009: p.146, 149) (А. В. Козленко).

Рис. 26. Стела солдата VIII Августова легиона Северия Акцепта. Середина III в.
Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 143, fig. 101.

⁷⁹ Из этих слов следует, что торакомах был старинным изобретением, авторство которого Аноним отнюдь не собиравал себе приписывать. В классическую эпоху специальной подпанцирной одежды, кажется, еще не было, и доспехи носились прямо поверх туники, что должно было

причинять массу неудобств воинам. Возможно, для того, чтобы уменьшить вес защитного вооружения, а также увеличить его амортизацию при отражении ударов, воины самостоятельно мастерили из тряпок или кож рубашки наподобие тех, что при осаде Диррахия стали носить легионеры Цезаря, столкнувшиеся с множеством легковооруженных стрелков в армии Помпея (Caes. BC., III, 44). К сожалению, Цезарь, сообщая эту важную подробность солдатского быта, не объясняет, насколько регулярной являлась такая практика. Не объясняет он также, как именно носили его солдаты кожаные рубашки: поверх доспехов или под ними. У каждой из версий имеются свои сторонники. Известно, что в армянском походе воины Лукулла оружие и шлемы закрывали кожаными чехлами, которые они снимали перед боем (Plut. Luc., 28). Аналогичный порядок существовал во время осады Иерусалима Титом. Римская армия выступала на парад во всем блеске парадного вооружения, сняв с оружия и доспехов кожаные чехлы, которые покрывали их обычно (Jos. Bell. Iud., V, 9). Существует ряд изображений, на которых римские воины носят поверх доспехов туники, оберегавшие доспехи от лучей солнца летом и дождя зимой. С другой стороны, повествовательные источники I–III вв. упоминают особую подпанцирную одежду, которая называлась *subarmalis*. Император Септимий Север, желая наказать преторианскую гвардию, отдал ей приказ выстроиться на смотр без доспехов, имея на себе лишь подпанцирную одежду (SHA, Sev., VI, 11). Толстая подпанцирная одежда упоминается среди подарков, присланных будущему императору Аврелиану (SHA, Aurel., XIII, 3). Наконец, *subarmalis* упоминается в тексте одной из табличек из Виндоланды (Sumner 1997: 51). К сожалению, археология не дает нам каких-либо дополнительных сведений по этому вопросу. Традиционно, в качестве подпанцирной одежды интерпретируется ряд изображений II–III вв., на которых мы видим короткую поясную одежду с пришитыми к ее подолу птеригами. Особое значение имеет изображение короткой одежды с окантованным подолом и пятью полосами вертикальной прошивки на погребальной стеле Северия Акцепта, датированной III в. (Bishop, Coulston 1993: p. 143, fig. 101). В качестве остатков субармалиса были представлены остатки кожаной одежды покроя по типу жакета, обнаруженные археологами при раскопках римского лагеря Виндониссы первой половиной I в. н.э. (D'Amato, Sumner 2009: p. 146, 149). Наконец, органические следы, представлявшие собой остатки кожаной одежды желтого цвета, до сих пор видны под кольчугой воина, обнаруженного археологами при раскопках туннеля под башней № 19 из Дура-Европос (D'Amato, Sumner 2009: p. 149) (А. В. Козленко).

⁸⁰ Доспехи римских воинов отличались значительным весом, и их ношение требовало немалых сил. Особенно тяжелы были длительные пешие переходы при оружии (Амм. Марс., XVI, 12, 11; Маур., XII В, 1; 23; Анон. Вуз. Тact., 16), а во время сражения воины буквально изнемогали под их тяжестью (Амм. Марс., XXXI, 13, 5, 7; Veget. Ep., III, 24). Если всадник в тяжелом доспехе в ходе боя падал на землю, он уже не мог подняться на ноги сам без посторонней помощи (Тас. Hist., I, 79; III, 45; Амм. Марс., XVI, 12, 38). Доспехи прежде всего бросались беглецами при отступлении (Амм. Марс., XVI, 12, 56). При переправах через реку или при морских сражениях они неоднократно увлекали своих хозяев на дно (Аур. Vict. Epit. Caes. 40, 7). Военное командование строго следило за тем, чтобы воины сохраняли свою экипировку. Продажа доспехов приравнивалась к дезертирству (Dig., 50, 6, 7, 6). Вегетий пишет, что жалобы воинов на тяжесть оружия привели к отказу от их ношения и указывает на пагубный характер подобной практики. «Панцирь и шлем кажутся тяжелыми пехотинцу, который редко упражнялся и редко имел дело с оружием. Конечно, при ежедневном пользовании

Рис. 27. Изображение воинов в чешуйчатых панцирях на арке Галерия из Фессалоник. Конец III в. Воспроизведено по: Macdowall 1994: 8.

ими он не чувствовал бы тягости, даже если бы носил достаточно тяжелое оружие. Те, кто не могут выдержать труда ношения старинного оборонительного оружия, оставив незащищенным свое тело, тем самым неизбежно подвергаются ранению и смерти... Отказываясь от упражнений и труда, они с величайшим позором избиваются как стадо баранов» (Veget. Ep., I, 20). Для сбережений сил воинов Маврикий советовал совершать длительные переходы налегке, доспехи и тяжелое вооружение должны были следовать за воинами в обозе и только при непосредственной угрозе неприятеля воины должны были нести оружие сами (Maur. Strat., I, 2: XII B, 6, 19. Ср. Anon. Byz. Tact., XVI).

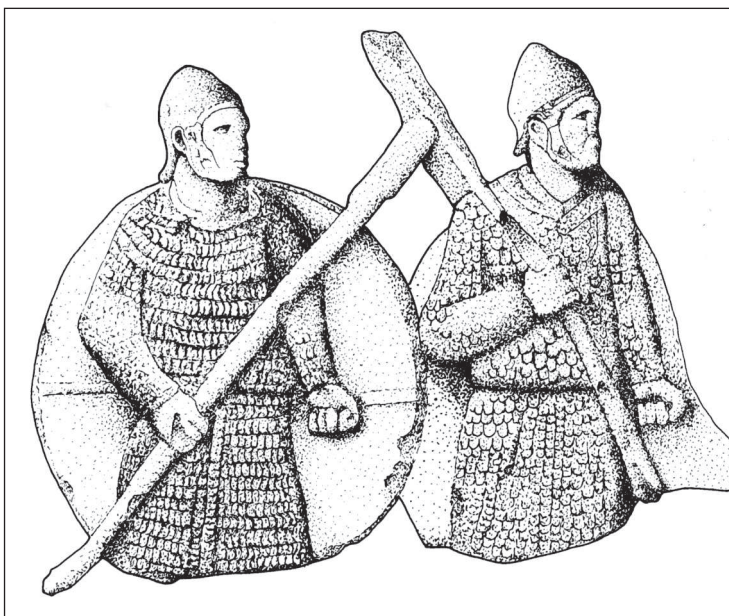

Рис. 28. Изображение римских воинов на рельефе, предположительно принадлежавшем арке Диоклетиана. Конец III в. Воспроизведено по: Southern, Dixon 1996: 99, fig. 18.

Житие Феодора Сикионского начала VII в. сообщает, что панцирь весил 50 фунтов, т. е. ок. 16 кг. (Kolias 1988: 51). Примерно такие же цифры дают современные реконструкции доспехов. Кольчуга весила 10–12 кг (Sumner 1997: 52), чешуйчатый панцирь 8–10 кг (Junkelmann 1996: 69). Хотя вес вооружения частично компенсировался тем, что он равно-

мерно распределялся по поверхности всего тела, его ношение в течение большей части дня требовало от воинов значительной силы и выносливости. Кольчуга сильно натирала кожу на ключице и других местах, где кости скелета не были скрыты достаточно толстым слоем мышц. По этой причине воины должны были надевать под доспехи специальную одежду из набитой ткани, кожи или войлока, наподобие описанной Анонимом. Чтобы частично снизить давление доспеха на плечи, воины носили пояс, перехватывавший его вес и частично переносивший его на бедра. Еще одним аналогичным приспособлением была короткая портупея, широкий ремень которой, проходя под мышками, охватывал грудь воина и подвешивался на шлеях, одевавшихся поверх плеч. Эту деталь снаряжения мы можем видеть на стеле Северия Акцепта (Bishop, Coulston 1993: 167) и иллюстрации рукописи *De rebus bellicis*. Причем, в последнем случае солдат носит портупею поверх рубашки, а не кольчуги (А. В. Козленко).

⁸¹ *Logica* — доспех в самом широком смысле слова. Первые элементы защитного вооружения появились в Бронзовом веке и к началу классической античности развились в достаточно совершенный комплекс оборонительного вооружения, который включал панцирь для защиты тела, а также дополнительные элементы защиты плеч, рук, бедер и ног. По сравнению со щитом, отражавшим большую часть направленных на него ударов, доспех обладал меньшей устойчивостью и нередко пробивался сильными ударами. Впрочем, его основным предназначением являлось отражение случайных ударов, пробивавших или обходивших щит, а также увеличения общей защищенности воина в бою. Ношение доспеха значительно снижало количество полученных ранений и уменьшало потери боевой силы. Кроме того, доспех и предоставляемая им защита оказывала исключительно сильное воздействие на психологию бойца, резко повышая его агрессивность и подавляя страх за собственную безопасность (Горелик 1993: 80). Принцип организации пехотного строя в эпоху классической античности предусматривал обязательное ношение полного доспеха. Только полностью защищенный боец мог сражаться в первой линии и служить надежной опорой своим соседям по строю. Военное командование неукоснительно следило за тем, чтобы воины сохраняли полный комплект вооружения, и в случае необходимости пополняло его из резервных запасов (Procop., V, 28, 14). Потеря доспехов считалась тяжелым преступлением, их продажа приравнивалась к дезертирству (Dig., 50, 6, 7, 6). Вегетий в самом конце IV в. с величайшим неодобрением отмечал отказ от оборонительного вооружения среди пехотинцев и призывал к возрождению старинных практик тренировок с тяжелым вооружением (Veget. Ep., I, 20). Впрочем, современные ему

источники, в том числе Аноним, по-прежнему исходят из старинной концепции тяжеловооруженного пехотного строя (Paneg. Lat., XII, 23, 5). Византийский Аноним, живший полтора столетия спустя писал: «Если же не все *воины* в фаланге смогут располагать железными кирасами и наголенниками, то, по крайней мере, ... их должны были носить солдаты, размещенные в первой, второй и замыкающей шеренгах, а также в крайних рядах; остальные могут пользоваться панцирями, кирасами и шлемами, изготовленными из войлока и кожи» (Anon. Byz. Tact., 16; пер. В. В. Кучмы). Маврикий рекомендовал вооружать воинов в передних рядах строя не только панцирем или кольчугой для защиты тела, но также и особой защитой для рук, плеч и бедер (Maug. Strat., XII B, 4, 3).

В конкретном смысле термин *logica* означает кольчугу. Варрон, объясняя значение термина, выводит *logica* из *logum*, т.е. ремень, «поскольку ее делали для защиты груди из кожаных ремней. После того как в обиход был введен галльский панцирь, также стала называться рубаха из железных колец» (Varro. L.L., V, 116). Ему вторит Исидор Севильский: «кольчуга (*logica*) так названа, поскольку не имеет ремня (*logum*) и состоит лишь из сцепленных одно с другим железных колец» (Isid. Orig., XVIII, 13). Лукан называет кольчугу «панцирем из цепей» (*lorica catenas*) и говорит о ней как о надежной защите тела (Luc. Phars., VII, 498–499). Изобретение кольчуги традиция приписывает галлам, а Варрон в цитируемом выше фрагменте называл ее «галльским панцирем» (Varro. L.L., V, 116). Изображения облаченных в кольчуги воинов и археологические остатки кольчуг относятся к III в. до н.э. Древнейшая находка кольчуги происходит из погребения кельтского вождя, обнаруженного рядом с румынским городом Киумешти. Почти целиком сохранившаяся кольчуга II в. до н.э. была обнаружена в Швейцарии. К I в. до н.э. относится фрагмент кольчуги из галльского поселения Берна (D'Amato, Sumner 2009: 38). Галльские наемники занесли с собой кольчугу на территорию восточного Средиземноморья, а также в Италию. Полибий в середине II в. до н.э. упоминал кольчугу в качестве доспеха наиболее состоятельных римских воинов (Polyb., VI, 23). После того как снабжение римской армии производилось на государственный счет, кольчуга стала наиболее распространенным доспехом римской армии. Монументальные памятники I в. до н.э. — I в. н.э., рельефы на алтаре Домиция Агенобарба, монумент из Осуны, триумфальные арки из Гланума, Арелата и Оранжа представляют римских воинов в массе своей облаченными в кольчуги. Аналогичная картина представлена на памятниках эпохи империи. В это время конкуренцию кольчуге стали составлять другие виды доспеха и прежде всего наборный панцирь (*logica segmentata*). На рельефах колонны

Траяна в Риме легионеры изображены носящими подобные панцири, в то время как в кольчуги оказываются облачены воины вспомогательных частей (*auxilii*). Скорее всего, подобное единообразие вооружения и разделение доспехов между легионами и вспомогательными частями существовало только в представлениях художников. На самом деле в римских легионах одновременно были представлены доспехи всех существовавших в то время типов. Рельефы трофея Траяна в Адамклинсе свидетельствуют, что легионеры продолжали в массе носить кольчугу, в то время как археологические находки частей наборного панциря в занятых вспомогательными войсками приграничных крепостях доказывают, что этот вид доспеха носился также аксилиариями. Многообразие защитного вооружения римских войск II–III вв. н.э. хорошо переданы в изображениях на рельефах триумфальных арок императоров М. Аврелия и Септимия Севера, провинциальных памятниках, а также на погребальных стелах солдат. Первоначально на изображениях покрыв кольчуги соответствовал форме льняного панциря. Длина кольчуги доходила лишь до середины бедра, рукава, как и у льняного панциря, отсутствовали, а плечи защищались наплечниками, т.н. *humeralia*. Широкие лопасти наплечников со спины перебрасывались на грудь и здесь скреплялись бронзовым крючком. Судя по форме, наплечники имели кожаную подкладку, иногда их делали из кожи целиком. Впоследствии наплечники исчезли, в кольчугах появляются короткие рукава, увеличивается длина подола (Bishop, Coulston 1993: 60). Кожаные лопасти для защиты бедер, которые иногда видны на изображениях, почти наверняка принадлежат мягкой поддоспешной одежде, т.н. *subarmalis*, поверх которой носили кольчугу. В конце III в. кольчуги делают с рукавами до локтя или даже до запястья, подол полностью закрывает бедра и спускается до колен. Кольчуги такого покроя мы видим на двух статуях воинов из Ватиканского музея, предположительно принадлежавших триумфальной арке Диоклетиана в Риме и на воинах египетской фигурной композиции V в., некогда хранившейся в музее позднеантичного и византийского искусства в Берлине (Macdowall 1994: 9, 48). Полные или частично сохранившиеся римские кольчуги происходят из находок в Карлеоне и Сот Шилдс (Великобритания), Бертолдсхайме, Кюнциге и Гросскротценбурге (Германия), Дура-Европос (Сирия) и других местах. Предполагают, что кольчуга, найденная в Вимосе (Дания), также имеет римское происхождение. Эта кольчуга состояла примерно из 30 тысяч колец, которые изготавливали из железной или бронзовой проволоки толщиной примерно 1 мм. Диаметр колец колебался от 6 до 10 мм. Для их получения проволоку спиралью навивали на железный стержень, а затем снимали

и разрубали на отдельные кольца. Проволочные концы в кольцах сводили вместе и плющили специальными клещами, после чего пробивали и скрепляли бронзовой заклепкой. В других кольцах концы заваривались. Обычно одно заклепанное кольцо соединялось с четырьмя заваренными, так, что в кольчуге ряды таких колец чередовались, однако встречались и кольчуги высокого качества, полностью состоявшие из заклепанных колец (Bishop, Coulston 1993: 190). В некоторых экземплярах в декоративных целях по краю рукавов, горловине и подолу пропускали несколько рядов бронзовых колец (Sim 1997: 359–371).

Наряду с кольчугой весьма популярной формой защитного доспеха был чешуйчатый панцирь (*logica squamata*). Вероятно, к римлянам этот тип доспеха приходит из Восточного Средиземноморья во II–I вв. до н.э. В чешуйчатый доспех облачены римские всадники, изображенные на памятнике Эмилия Павла из Дельф. Железный чешуйчатый панцирь (*θήραξ φοιδωτός*) был надет на римском военачальнике Лукулле в день сражения при Тигранокерте (Plut. Lucull., 28). В начале III в. чешуйчатые панцири (*θήραξ λειδωτός*) носили воины преторианской гвардии (Dio Cass., LXXVIII, 37, 4). Тот же доспех изображен на множестве памятников I–III вв. и прежде всего — на погребальных стелах самих солдат, что свидетельствует о его широком распространении и популярности. Этому способствовала гибкость и высокая прочность чешуйчатого доспеха при относительной дешевизне и простоте изготовления. Находки бронзовой и железной чешуи равно распространены на всей территории Римской империи, как восточной, так и западной ее половины. Различные размеры и материалы, используемые для их изготовления, позволяют составить лишь приблизительную типологию находок. Однако, следует отметить, что самые мелкие железные чешуйки соответствуют размеру самых крупных бронзовых, и это наводит исследователей на мысль, что железо в качестве материала использовалось для более тяжелых доспехов и, прежде всего, доспехов для лошадей, в то время как люди носили панцири из бронзовой чешуи (Robinson 1975: 155). Находки крупных фрагментов чешуйчатых панцирей в Дуре-Европос (Сирия), Штраубинге (Бавария) и Карпоу (Великобритания) позволяют судить о конструктивных деталях доспеха. Чаще всего среди находок представлены прямоугольные чешуйки 20–30 мм в длину и 10–20 мм в ширину, с закругленным нижним краем и слегка подрезанными углами. Вырезали их из бронзового листа, который получали, отбивая заготовку молотом. Чешуйки получали при этом слегка выпуклый профиль, что увеличивало их жесткость. На некоторых находках видны следы серебристого покрытия, которое защищало бронзу от коррозии и придавало панцирю

нарядный блестящий вид. Каждая чешуйка содержит три пары отверстий: одна пара по центру в верхней части и две других немного ниже по правому и левому краю. При изготовлении доспеха чешуйки сначала через боковые отверстия соединялись в горизонтальные ряды, так, чтобы каждая из них примерно на треть накладывалась на соседнюю. Иногда для соединения чешуек использовались кольца из расплющенной молотом бронзовой проволоки. Их кончики, загнутые назад, предусматривают необходимость использовать толстую тканую основу доспеха или поддоспешную одежду наподобие торакомаха. Горизонтальные ряды чешуй через центральные отверстия нашивались на кожаные полоски, которые, в свою очередь, пришивались к основе из суровой ткани. Начинали пришивать снизу, при этом верхний ряд на треть перекрывал нижний, так, что создавалось двойное, а то и тройное покрытие, способное противостоять удару стрелы и даже копья. Полный панцирь состоял примерно из 3 тысяч чешуек и весил 8,5 кг (Stephenson 1999: 34–35). Покрой панциря на изображениях напоминал рубаху с длинным подолом и короткими рукавами. Ворота или разреза, при помощи которого доспех мог одеваться и сниматься, на нем не видно. Разрез мог проходить по левому плечу и боку, и тогда панцирь надевался подобно халату, разрез мог делаться сзади, и тогда панцирь надевался подобно рубахе (Robinson 1975: 156–157).

Сравнивая кольчугу и чешуйчатый доспех, можно отметить преимущества и недостатки каждого типа защитного вооружения. Чешуйчатый доспех, создававший сплошное металлическое покрытие, превосходит кольчугу по надежности. Удары, нанесенные по такому покрытию, соскальзывают вниз и в сторону, что позволяет чешуе выдерживать не только рубящий, но и колющий удар. Стрелы, легко пробивающие кольчужную ткань, чаще всего оказываются не в состоянии пробить чешуйчатое покрытие (Sumner 1997: 56). С другой стороны, у кольчуги имеются свои преимущества: легкость, гибкость и простота починки. Кольчуга ничуть не сковывает движения воина и предоставляет защиту даже для рук и сочленений суставов, в то время как рукава чешуйчатого доспеха приходится делать приставными, с большим зором в наиболее уязвимой части корпуса бойца у подмышек (Stephenson 1999: 39). Кольчуга легко надевается под любой доспех и даже под гражданскую одежду, что позволяет замаскировать воина в толпе или обеспечить защиту от нападения частному лицу. Кольчуга легче вентилируется, обеспечивая больший доступ воздуха к разгоряченному боем телу, по сравнению с другими видами доспеха, а это немаловажно в жарком климате средиземноморья. Кольчуга легче и компактнее при переноске и хранении.

Кроме того, ее не надо постоянно чистить и полировать. Чешуйчатый доспех не так хорошо приспособлен для повседневного ношения, как кольчуга. Из-за трения ремешков об острые края чешуек, его приходится постоянно чинить. Если из доспеха выпадет хотя бы одна чешуйка, он начинает распадаться. Причем, как показывают находки, чешуйки выпадали целыми рядами, оставляя в доспехе широкую, ничем не прикрытую брешь, которую, к тому же, было тяжело починить, не обладая специальными навыками и запасом готовых деталей. Повреждение кольчуги не столь серьезно и может быть легко устранено даже в полевых условиях (Croon 2000: 130) (*А. В. Козленко*).

⁸² Термин *clivanus* встречается в тексте Анонима единойжды. В форме κλιβάνιον он встречается у Иоанна Лида (*Lydus De mag.*, I, 46) и Льва VI (*Leo Tact.* VI, 4). Исходя из противопоставления этого термина общераспространенному *logica* с тем же значением, под кливаной скорее всего подразумевается панцирь тяжело вооруженного всадника — клибанария. Также как имя катафрактария (греч. *καταφρακτάριος*) происходит от носимого им панциря (греч. *κατάφρακτα*), имя клибанария вероятно происходит от носимого им тяжелого доспеха. Серьезную проблему для этой гипотезы представляет отсутствие в латинском языке слова *clivanus* со значением «доспех». Аноним — единственный автор, использующий слово «*clivana*» в этом смысле, однако и здесь этот термин, скорее всего, является производным от «*clibanarius*», а не восходит к изначальным корням. Невыводимость в латинском языке «*clibanarius*» от «*clivanus*» породила гипотезу о заимствованном характере этого термина. Впервые он встречается в послании к сенату императора Александра Севера. Перечисляя военные силы персов, с которыми ему пришлось столкнуться, император упоминает всадников катафрактариев, которых сами персы называют клибанариями: «*cataphractarios quos illi (sc. Persae) clibanarios vocant*» (*SHA. Alex. Sev.*, LVI, 5). Из этого текста следует, что для наименования своих катафрактариев персы использовали слово, которое воспринималось римлянами как «клибанарий». В качестве реконструкции исходного персидского термина Ф. Рундгрэн предлагает использовать *griv* — *rap*, имеющий прямое значение «латный нашейник». В качестве вариации перевода может использоваться значение полного доспеха, поскольку «*griv*» — это не только «шея» в собственном смысле, но и «жизнь», а «*griv* — *rap*» не только «защита шеи», но и «защита жизни». Воин, носивший такой доспех, назывался «*grivbanvar*» или «*grivrapuar*» в сасанидском произношении, что вполне могло быть услышано как «*clibanarius*» (*Rundgren 1957: 48–49*). К сожалению, в отсутствие соответствующих текстов нелегко доказать или

опровергнуть эту остроумную гипотезу. Рудгрэн, возможно, прав, рассматривая термин «клибанарий» в качестве переименованного римлянами персидского названия тяжеловооруженного всадника, однако, при этом остается неизвестным то, какое слово здесь использовали сами персы и каково было его происхождение. В качестве альтернативы Рундгрэн выдвинул еще одну гипотезу, в которой рассмотрел существующую языковую параллель между латинским «clibanarius» — «тяжеловооруженный всадник» и «clibanus» — «печка», и персидским «tanvar» — «панцирь» ассимилированного в арамейское «tannug» — «печка». При этом связь между «clibanarius» и «clibanus» становится не столько феноменом т.н. «sermo castrensis», солдатского остроумия, метко уловившего самочувствие всадника, вынужденного в тяжелом металлическом доспехе пребывать на солнцепеке, но укладывается в более общие схемы развития языка (Bivar 1972: 277–278).

Вегетий высоко оценивал качество тяжелого вооружения клибанариев, благодаря которому они оказываются полностью защищены от ран. Однако, при этом он отмечал громоздкость и тяжесть подобного вооружения, из-за которого солдаты легко попадают в плен, будучи пойманными арканами (Veget. Ep., III, 23). Лучшее описание доспеха клибанария содержится в романе греческого писателя III–IV вв. Гелиодора «Эфиопика»: «Сделан панцирь следующим образом: отливают из меди и железа четырехугольные пластинки размером со всех сторон в пядень и, наложив их одна на другую краями, так, чтобы все время над нижней возвышалась верхняя, соседняя с ней, скрепляют соединение швами, проходящими под складками, и таким образом создают чешуйчатую рубашку, которая не сдавливает тела, но со всех сторон охватывает его и, облегчая члены, стягивается и растягивается, не стесняя свободы движений. Панцирь имеет рукава и ниспадает от шеи до колен, оставляя непокрытыми только бедра — ведь приходится сидеть на коне. Таков этот панцирь, лучший отрагатель ударов, защищающий от всяких ранений». (Heliod. Aeth., IX, 15; пер. А. Егунова). Аммиан Марцеллин описывал клибанариев, облаченных в подобные доспехи: «Покрытые панцирем и опоясанные железными полосами, они казались изваянными рукой Праксителя статуями, а не живыми людьми. Тонкие железные колечки, скрепленные между собой, охватывали все части тела, приспособляясь к их изгибам, так что при каком угодно движении тела это одеяние плотно облегалo его части» (Amm. Marc. XVI, 10, 8). Речь здесь, безусловно, идет о так называемом ламеллярном доспехе, бронзовые или железные пластины которого связывались друг с другом кожаными ремнями (Kolias 1988: 44). Чешуйчатый панцирь не слишком

хорошо подходил для всадников, поскольку хорошо нацеленный удар снизу вверх легко находил уязвимое место на теле воина. Чтобы устранить этот недостаток римляне стали использовать для вооружения кавалерии новую форму доспеха, у которого чешуйки накладывались друг на друга не сверху вниз, а снизу вверх. При этом для большей прочности ряды чешуек соединялись друг с другом не только по горизонтали, но и по вертикали. Для крепления использовались кожаные ремни, продевавшиеся в отверстия и туго соединявшие соседние пластины, перекрывавшие друг друга в два или три слоя. Подобный доспех образовывал прочное цельное покрытие и мог носиться без кожаной или тканой подкладки (Robinson 1975: p.162). Крупные фрагменты ламеллярного доспеха, датируемые началом III в., были обнаружены в Мушове (Чехия) и Оргованах (Венгрия) (Bishop, Coulston 1993: 117, fig. 77). По сравнению с обычной чешуей, его пластины более длинные и узкие — 5 см в длину и 2,8 см в ширину. Из-за вытянутой формы пластин эластичность ламеллярного доспеха была ограничена лишь горизонтальной плоскостью, панцирь представлял собой замкнутую «трубу», которая едва достигала поясной области. Для защиты подвижной верхней части груди и плеч, а также бедер, под ламеллярный доспех одевалась кольчуга. Ламеллярная броня была традиционно распространена на Ближнем Востоке, ее распространение в римской армии связывают с заимствованием у персов доспеха для тяжеловооруженной кавалерии катафрактариев и клибанариев (SHA Alex. Sev., 56, 4; Zos., III, 18, 6). Клибанарий, изображенный на стене римской казармы в Дура-Европос (Сирия), носит пластинчатый панцирь поверх кольчуги. Пластинчатым доспехом защищены его руки и ноги, голову прикрывает остроконечный шлем, лицо закрыто маской. Таким образом, здесь перед нами проявляется тот же тип защитного вооружения, что и на рельефных персидских изображениях III–IV вв. в Накш-и Рустаме и Так-и Бустане (Bishop, Coulston 1993: fig. 113; MacMullen 1960: 30) (А. В. Козленко).

⁸³ Это нововведение, по мысли Анонима, позволит солдатам вести боевые действия даже в условиях влажной, дождливой погоды. На иллюстрации Codicis Latini Monacensis 10291 мы видим изображение двух широких одежд с длинными рукавами и оторочкой по верхнему краю. По всей видимости, его следует рассматривать как изображение торакомаха и описываемого плаща из ливийской кожи. К сожалению, Аноним не уточняет, как именно, под доспехом или поверх доспеха, следовало носить такой плащ. Наиболее вероятно он носился сверху, что позволяло защитить от непогоды как сам торакомах, так и металлические элементы доспеха. В сырую, дождливую погоду кожаный или войлочный плащ за-

щищал доспехи от влаги, в жару — от чрезмерного нагревания на солнце. Кроме того, плащ прятал от глаз противника металлический блеск доспеха, что становилось особенно актуально при несении патрульной службы (Maur. Strat., I, 2, 50). Маврикий предписывает воинам одевать плащи поверх доспехов накануне сражения, чтобы, сделав строй неразличимым на глаз, помешать таким образом противнику верно оценить численность военных сил (Maur. Strat., VII, 15, 14).

Маврикий рекомендует всадникам «иметь очень просторные гунии (γουννία) или верхние одеяния из войлока с широкими рукавами (voβepovίkiov)... если пойдет дождь или воздух станет сырым от влаги, то они, надев эти гунии поверх панцирей и луков, смогли бы защитить свое вооружение, но и не были бы ограничены в движениях, если они захотели бы использовать либо луки, либо копья» (Maur. Strateg., I, 2, 50). Изображения воинов, облаченных в подобные плащи, неоднократно встречаются на мелкой пластике эпохи Поздней империи. Эта одежда представляет собой свободный плащ с длинными и широкими ложными рукавами, который обычно носили внакидку. Своим видом она напоминает персидский плащ *kandys*, который носили в Месопотамии и в Закавказье (Samner 2005: 10). Кандис по-видимому шили первоначально из овчины и носили шерстью вовнутрь. Несколько великолепных шерстяных плащей подобного типа были найдены при раскопках военного кладбища в Антинополисе в Египте. Все плащи были пошиты из плотного шерстяного сукна с начесом. Правый борт плаща запахивался поверх левого и закрывал грудь, тогда как полы свободно распахивались, чтобы не затруднять посадку в седло. Длинные рукава сужались к манжетами, отделанным шелковой тесьмой. Рукава делались разрезными и надевались только в холодную или дождливую погоду. Остальное время они свободно свисали как декоративный элемент. Подол, горловина и манжеты рукавов обрамлялись парчовой каймой. Длина плаща была 130 см, длина рукавов достигала 100 см. (Samner 2005: 13–14).

По-видимому, ту же одежду Исидор Севильский описывает под именем *armelausion*: «называется так в народе из-за своего покроя, открытого спереди и сзади, закрытого только на руках, т.е. *armiclausula*, из которой выпала буква *s*» (Isid. Orig., XIX, 22). Маврикий советовал одевать пехотинцев в короткие армелаусии, доходящие им до колен (Maur. Strat., XII B 1) (А. В. Козленко).

⁸⁴ Слово *thoracostachus* образовано из двух греческих корней, имеющих значение «панцирь» (θώραξ) и «битва» (μάχη). Дж. Уилд полагает, что оно придумано самим Анонимом, поскольку в других источниках более не встречается (Wild 1979: 105–106). В аналогичном смысле подпан-

цирной одежды латинские авторы используют термин *subarmalis* (SHA, Aurel., XXV, 14; XXVI, 13), у Византийского Анонима VI в. встречается термин ἱμάτιον или περιστηθίδια (Аноп. Вуз., 16, 59–63), Маврикий помимо стандартного для его времени термина ἱμάτιον использует также германскими заимствования ζοστάριον и ἄρμελαύσιον того же значения (Maur., XII В, 1), а Никифор Фока именует подпанцирник καββάδιον (Niceph. Strat., 1,3 McGeer) (А. В. Козленко).

⁸⁵ *Socci* – мягкие полубашмаки без верха, греческого (Isid. Etym., XIX, 34, 12) или фригийского (Hesych., s.v.) происхождения, преимущественно домашняя обувь (Sidon. Apol. Epist., VIII, 11, 3; Ed Diocl. IX, 18–23), которые носили главным образом женщины (Cic. De Orat., III, 127; Rab. Post., 27; Catul. LXI, 10; Plin. NH., XXXVII, 17), или комические актеры (Ovid. Rem., 376; Plin. NH., VII, 111; Mart., VIII, 3, 13; Quint. Inst., X, 2, 22). Сокки часто шили из дорогих сортов кожи и богато украшали пурпуром, золотой вышивкой и жемчугом (Plin. NH., IX, 114; Ed Diocl. IX, 18–23) Ношение сокк мужчинами считалось признаком изнеженности (Svet. Calig., 52), поэтому совершенно непонятно, почему Аноним считает их обувью для военных (А. В. Козленко)

⁸⁶ Поножи защищали ногу от подъема стопы до колена, т. е., закрывали ту ее часть, которая не была обычно прикрыта щитом. Многочисленные изображения показывают, что форма поножей следовала классическим греческим образцам. Поножи, принадлежавшие офицерам, украшались чеканкой с изображением головы Медузы в коленной части. Боковая поверхность украшалась пучками молний и растительным орнаментом. Офицеры и центурионы на памятниках I–II вв. часто изображались в поножах, ношение которых являлось чем-то вроде символа их ранга (Robinson 1975: 187). Напротив, рядовые солдаты обычно в это время изображались без поножей. В эпоху Дакийских войн поножи отчасти защищали ноги солдат от ударов кос, которыми были вооружены их враги. Рельефные панели «Трофея Траяна» в Адамклиси изображают римских солдат, носивших одну или две поножи. О необходимости снабжать пехотинцев поножами пишут Арриан (Agr. Tact., III, 5), Юлий Павел (Dig., II, 14, 1), Вегетий (Veget. Ep., II, 16; IV, 44), Маврикий (Maur. Strat., XII В, 4). Византийский Аноним VI в. рекомендовал надевать поножи воинам, выделявшимся для участия в ночных засадах и беспорядочных схватках с противником (Аноп. Вуз. Tact., 39). Маврикий сетовал на тяжесть поножей при ношении и потому рекомендовал отказаться от их использования при переходах (Maur. Strat., XII В, 1). Однако, поножи должны были иметь для своей защиты воины, стоящие в первых двух рядах строя. Возможно, речь идет о деревянных поножах, кон-

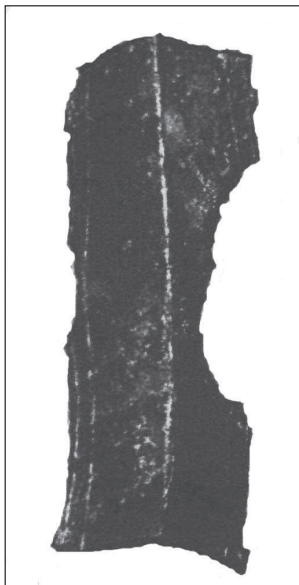

Рис. 29. Поножи из Кюнцига.
Железо. Середина III в.
Воспроизведено по:
Robinson 1975: 188, fig. 510.

Рис. 30. Крепление поножей на изображении
Марса из Хантингдоншира Воспроизведено
по: Robinson 1975: 188, fig. 508.

струкцию которых автор, впрочем, не объясняет (Maur. Strat., XII B, 4). Поножи изображены на погребальной стеле Северия Акцепта, солдата VIII Augusta легиона, их носят воины, изображенные на фреске «Исхода» в синагоге Дура-Европос, а также воины в сцене «Амазономахии» на росписи щита из Дура-Европос (Bishop, Coulston 1993: fig. 101–102). Носили поножи также всадники, для которых они были защитой наиболее уязвимой для пешего противника части тела (Junkelmann 1996: 75–76). Пять поножей и шесть наколенников, сделанных из бронзы и богато украшенных рельефными изображениями, были обнаружены при раскопках римского лагеря в Штраубинге. Судя по надписям с именами владельцев и их подразделениями, все они относятся к элементам парадного всаднического доспеха (Stephenson 1999: 46). Пара железных поножей, датированных второй половиной III в., была обнаружена в Кюнциге (Германия). находка представляет собой простые железные пластины 33,5 см длиной, с продольным ребром жесткости, лишенные какого бы то ни было декора. Нogu они закрывают лишь до колена, сверху и снизу

оканчиваясь простым срезом. Возможно, как и в случае некоторых кавалерийских экземпляров, для защиты колена использовалась отдельная часть доспеха, изготавливавшаяся и носившаяся отдельно (Stephenson 1999: 46). Для крепления на ноге поножи снабжены четырьмя парами колец, сквозь которые был пропущен ремень. Способ шнуровки представлен на бронзовом изображении Марса, которое сейчас находится в Британском музее (Robinson 1975: fig. 508). Остатки бандажа из ткани, поверх которого надевались поножи, были обнаружены в Дура-Европос. Кожаная подкладка для поножи была найдена в Виндониссе (D'Amato, Sumner 2009: 151). Материалом, из которого изготавливались поножи, обычно являлось железо и бронза (Kolias 1988: 70) (А. В. Козленко).

⁸⁷ На рубеже III–IV вв. внешний вид и конструкция римских шлемов претерпели существенные изменения. Из употребления вышли шлемы старых галльских и италийских серий, происхождение которых восходило к эллинистическим и кельтским боевым наголовьям. Вместе с этими сериями исчезла традиция изготовления цельнокупольных шлемов. Ей на смену пришли шлемы с куполом составной конструкции, с подвижным назатыльником и особой формы нащечниками, присоединёнными к тулье шлема посредством кожаных ремешков или пришитым к кожаной подкладке шлема. Кроме того, ряд найденных археологами экземпляров оказался снабжен наносником, нехарактерным для шлемов преедшествующего периода.

Известные на сегодняшний момент находки можно разделить на две большие группы. К первой относятся шлемы каркасного или секторного типа, примерами которого являются две египетские находки: шлем из Дейр эль-Медины, ныне хранящийся в Каирском музее, и шлем из коллекции Лейденского музея, приобретенный по некоторым данным у египетского торговца древностями. Между обоими экземплярами существует несомненное сходство внешнего вида и деталей конструкции. Купол обоих шлемов был составлен из секторных пластин: шесть в первом и четыре во втором экземпляре. Секторные пластины крепились заклепками к ребрам внешнего каркаса шлема. Сверху купол увенчивало коническое навершие, в которое было продето кольцо, служившее для подвешивания шлема при хранении и переноске. Снизу к куполу был приклепан широкий обод тульи, к которому при помощи металлических шарниров крепились нащечники. На шлеме из Дейр эль-Медины нащечники имели широкую форму и почти полностью закрывали скулы. Шею сзади закрывал назатыльник, также крепившийся шарниром к тулье шлема. Спереди лицо воина было защищено наносником (Dittmar 1940: 54–58). На шлеме из Лейденского музея наносник и назатыльник

отсутствовали. Нащечники более простой формы также как и в первом шлеме крепились к ободу при помощи шарниров (Ebert 1909: 163–170). С территории бывшей Югославии из Нароны и Синджа происходят еще два каркасных шлема, форма которых совершенно идентична Лейденскому экспонату. Еще два подобных шлема обозначения места их находки поступили в коллекцию Римско-германского музея в Майнце (Bohner 1994: 502, Abb. 31).

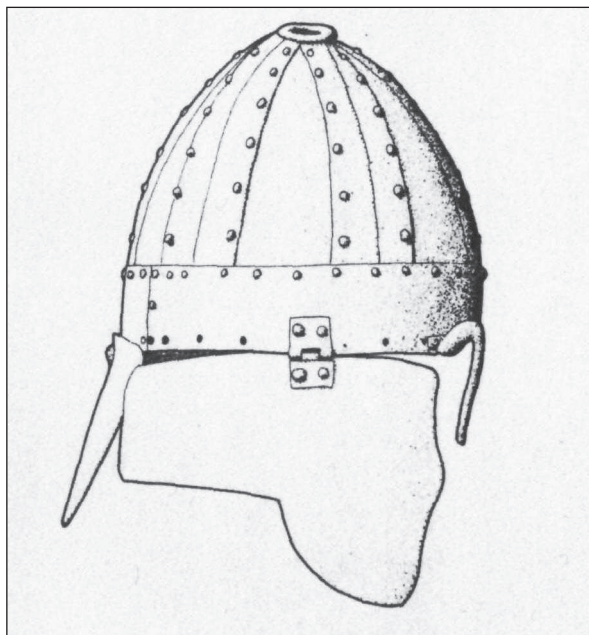

Рис. 31. Шлем из Дейр эль-Медине. Железо. Конец III в. Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 170, fig. 123.

Ко второму типу относятся шлемы с гребнем (Kammhelme) или коньковые (Ridge helmets) или «ленточно-гребневые» (Scheitelbandhelme) шлемы. Все они собирались из двух половин, каждая из которых, в свою очередь, могла изготавливаться из цельного куска металла или собираться из трех частей (Klumbach 1973: 10). К первому типу относятся 15 или 20 железных шлемов, обнаруженных в развалинах оружейной мастерской в Интерцисе, современной Дунапентеле (Венгрия), а также шлемы, найденные в других провинциях Римской империи: Вормсе, Майнце (Германия), Аугсте (Швейцария), Ятрусе (Болгария), эль-Хадите (Иор-

дания). Их конструкция практически идентична: обе половины шлема с двух сторон прикреплялись при помощи заклепок к пластине, лентой проходившей вдоль шва ото лба до затылка, и образывавшей гребень шлема. Широкие нащечники шлема закрывали уши и имели полукруглый вырез для того, чтобы хозяин шлема мог нормально слышать. Шарниров или других следов крепления нащечников найдено не было. Очевидно, они просто пришивались к подшлемнику. Таким же способом к куполу шлема прикреплялся назатыльник (Thomas 1971: S. 14–16). Ко второму типу относятся находки, сделанные в Бург Касл (Великобритания), Дерне (Нидерланды), Беркасове (Венгрия), Концештах (Румыния). Купол шлема, также как и в конструкции первого типа, состоит из двух половин, скрепленных вдоль линии гребня. Каждая из половин, в свою очередь, собиралась из трех вертикальных пластин, соединявшихся друг с другом при помощи заклепок. Обод в нижней части купола имел надбровные вырезы и наносник для защиты лица. Массивные нащечники и назатыльник прикрывали шею. Все шлемы этого типа были богато украшены серебряной фольгой с чеканным рельефом и стеклянными вставками, имитирующими драгоценные камни (Kocsis 2003: 521–525).

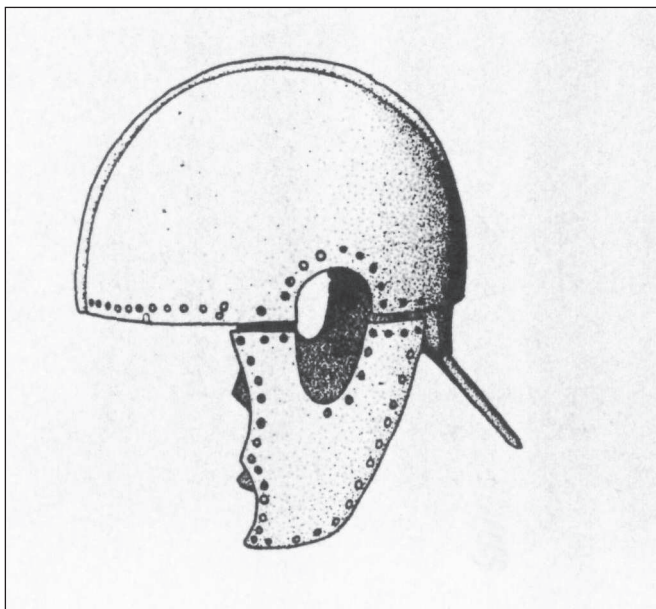

Рис. 32. Шлем из Аугста. Железо. Конец IV в.
Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 169, fig. 122.

Среди исследователей утвердилось представление о том, что простые шлемы с треугольными нащечниками принадлежали рядовым пехотинцам. С кавалерийскими шлемами ассоциируются образцы более изысканной работы, с широкими нащечниками, закрывавшими скулы и шею, с наносником для защиты лица, и приставным назатыльником. О применении их кавалеристами свидетельствуют места находок некоторых шлемов и сохранившиеся на них надписи. Например, на шлеме из Дерне есть надпись *Stablesia*, свидетельствующая о том, что владелец шлема служил в отряде стаблесианской кавалерии, шлем из Бург Касл был найден в крепости Гарианнонум, гарнизоном которой также являлся отряд стаблесианской кавалерии (*Not. Dig. Occ.*, XXVIII. 17). Декор ряда шлемов включал обкладку, изготовленную из золотой или серебряной фольги. Стекланные вставки на шлемах из Беркасово и Будапешта имитировали драгоценные камни, которыми украшались шлемы высших офицеров и императоров (*Pan. Lat.*, VI, 6, 2; *Amm. Marc.*, XVII, 10, 11).

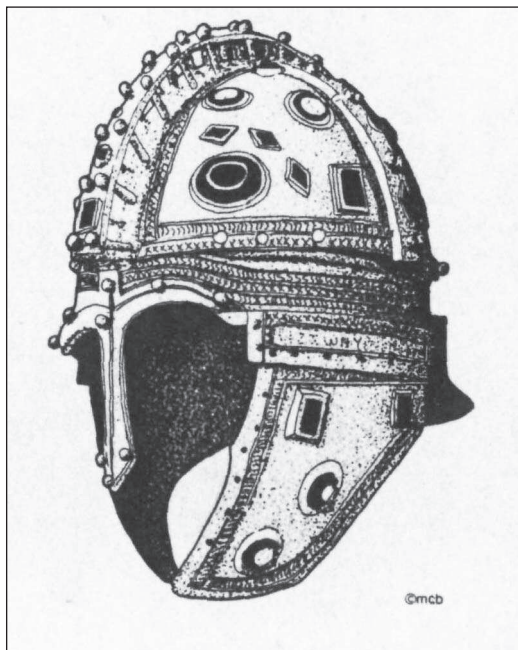

Рис. 33. Шлем № 1 из Беркасово. Первая половина IV в.
Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 170, fig. 123.

Датировка большинства находок может быть осуществлена лишь приблизительно. Египетские шлемы принято связывать с изображениями на триумфальной арке Галерия и египетской военной кампанией Диоклетиана 293 г. Шлем из Будапешта по надписи можно датировать временем гражданской войны между Константином и Лицинием в 316 г. Несколько десятков шлемов из Кобленца связаны с гражданской войной Магненция против Констанция II в 350 г. Вероятно, наиболее ранними находками на сегодняшний момент являются шлемы из Пуатье и Аугста, датированные 270–275 гг. (Негин 2010: 240). Это подкрепляет старую гипотезу, связывавшую их распространение с тенденциями эпохи тетрархии и правления Константина (Alfoldi 1934: 99–144). К ним относятся внутри- и внешнеполитические проблемы, связанные с событиями кризиса второй половины III в., военная угроза на всем протяжении римской границы, постоянные узурпации и непрекращающаяся гражданская война, поражения войск, гибель людей и потеря значительной части военного снаряжения. Чтобы восполнять материальные ресурсы армии солдатским императорам приходилось прибегать к массовому выпуску военной продукции низкого качества. Иногда солдат приходилось вооружать захваченными у противника трофеями (SHA. Alex. Sev., 56, 5; Zos., III, 18, 6) или наспех отремонтированным старым оружием (Zos., III, 3, 1–2). Образцы для нового вооружения также часто брались у противников. Исследователи обращают внимание на шлем, найденный вблизи останков персидского воина в обрушившемся подкопе под захваченным Сасанидами в 256 г. Дура-Европос. Двухставная конструкция с продольным гребнем и, вероятно, с наносником для защиты лица, объединяет его с более поздней продукцией римских оружейников и делает ее возможным прототипом (Klumbach 1973: 35; James 1986: 129). На первый план в производстве вышли соображения экономичности, функциональности и тиражируемости модели. В эпоху Диоклетиана появились специальные государственные мастерские, так называемые *fabricae*, в массовом порядке производившие военную продукцию для армии. Фабрики, производившие среди прочего оружия шлемы, существовали в Ратирии, Наиссе, Салоне, Сирмии и других городах балканских провинций. Всего по империи известно 44 оружейные мастерские (MacMullen 1960: 31). Относительная простота изготовления составных шлемов не требовала ни большого количества высококвалифицированных оружейников, ни больших затрат по времени для изготовления каждого экземпляра. Известно, что месячная норма выпуска для работника такой мастерской составляла шесть шлемов с нащечниками (CTh., X, 22, 1), что дает несколько ты-

сяч единиц подобной продукции, производимой ежегодно по империи. Массовое производство с одной стороны, способствовало улучшению снабжения армии, с другой стороны, приводило к падению стандарта его качества (MacMullen 1960: 30). В сравнении с изделиями оружейников эпохи расцвета империи, поздняя продукция отличается целым рядом конструктивных погрешностей. Вместо цельнометаллического купола шлема использовался менее надежный составной, слабым было крепление нащечников и назатыльника. Дизайн шлемов отличается грубостью формы. Снизился уровень обработки отдельных деталей конструкции. Так, вместо тщательной обработки краев нащечников, их просто обшивали кожей.

В то же время, эта продукция по-прежнему обеспечивала реализацию возлагавшейся на нее функции. Как свидетельствует опыт реконструкций, она обладала достаточным запасом прочности и предоставляла надежную защиту от ударов любой силы. Изображения на фреске из Дура-Европос III в. и миниатюры Ватиканского кодекса IV в. свиде-

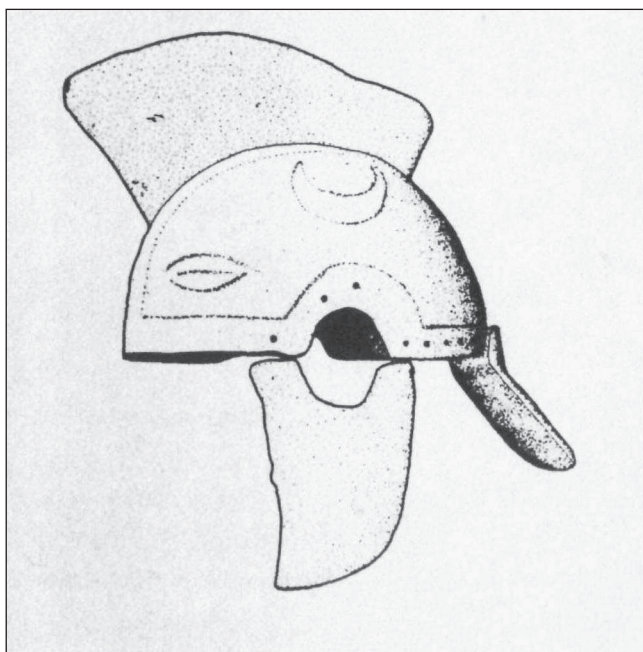

Рис. 34. Шлем № 4 из Интердисы. Железо. Конец IV в.
Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 169, fig. 122.

тельствуют, что наравне со шлемом для защиты головы римские воины использовали кольчужный или чешуйчатый капюшон. Неизвестно, носился ли поверх такого капюшона шлем, как это практиковалось в Средневековье, однако такую вероятность следует предположить ввиду недостаточной защитной функции кольчужной ткани. Вероятным доказательством ношения шлема поверх кольчужного капюшона следует считать находку в Трире остатков шлема IV в. с прикипевшими к нему с внутренней стороны обрывками кольчуги (Macdowall 1994: 57). С целью предотвращения контузии головы использовался мягкий подшлемник из кожи или набивной ткани. На внутренней стороне шлема № 2 из Интерцисы были обнаружены остатки кожаного подшлемника, серия мелких отверстий по нижнему краю купола возможно являлась частью системы его крепления. В тех случаях, когда подобных следов крепления не находят, можно предположить, что подшлемник или приклеивался к внутренней поверхности шлема, или, что его функции выполняла шапка, носившаяся, как об этом свидетельствует Аммиан Марцеллин (Амм. Марс., XIX, 8, 8), под шлемом. Последний вариант кажется более убедительным. меховая шапка, т. н., *pilleus Pannonicus* (Veget. Ep., I, 20), вошла в широкий обиход среди военных в эпоху иллирийских императоров второй половины III в. и стала стандартным элементом одежды и снаряжения римских воинов. Многочисленные изображения позволяют реконструировать *pilleus pannonicus* на подобие «кубанки», сделанной из овчины (Ed. Diocl., 9, 20, 21a) или другого меха. Эксперименты показали, что такой головной убор вполне приспособлен для того, чтобы выполнять функции подшлемника (Shadrake 1997: 30). Любопытно отметить, что солдат, изображенный на иллюстрации Codicis Latini *Mopacensis* 10291, также носит на голове *pilleus pannonicus*, в то время как его шлем изображен висящим на дереве (А. В. Козленко).

⁸⁸ *Scutum* — в традиционном значении: продолговатый большой щит, заимствованный римлянами у италийских народов — сабинян (Plut. Rom., 21, 2) или самнитов (Athen., VI, 273f; Euseb. Praep. Ev., X, 6) — вместо гоплитского круглого щита (Liv., VIII, 8, 3). Большой щит полностью закрывавший тело воина и защищавший также его ноги и голову (Plut., Aem Paul., 20), обеспечивал ему надежную защиту как от метательных снарядов противника, так и от ударов его оружия (Val. Max., III, 2, 23). Распространение большого щита связывают с появлением и развитием манипулярной тактики римлян. Вооруженный им воин мог равно эффективно, как сражаться в рядах строя, так и действовать в качестве автономного бойца. Наиболее известное описание римского щита принадлежит Полибию: «...щит шириной в выпуклой части в два

с половиной фута, а длиной в четыре фута; толщина щита на ободке в одну пядь. Он сколочен из двух досок, склеенных между собой бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его на землю» (Polyb., VI, 23; пер. Ф. Г. Мищенко). Этому описанию хорошо соответствовали изображения римских воинов, вооруженных щитами на триумфальном монументе Эмилия Павла из Дельф, на алтаре Домиция Агенобарба и других памятниках II–I вв. до н.э. К этому же времени относится археологическая находка подобного щита из Фаюмского оазиса в Египте. Этот щит, 1,28 м высотой и 0,63 м шириной, был изготовлен из трех слоев березовых планок, шириной 6–10 см. Девять или десять таких планок раскладывали продольно и прокладывали с обеих сторон слоем более узких планок, уложенных перпендикулярно первым. Затем все три слоя склеивали наподобие фанеры. Так формировалась деревянная основа щита. Его толщина была максимальной в центре, где она достигала 1,2 см, и меньше у краев, где составляла менее сантиметра. С обеих сторон щит был покрыт войлоком, который загибался с тыльной стороны на лицевую и прошивался через дерево. С наружной стороны щита к поверхности гвоздями прибивалось деревянное ребро веретенообразной вытянутой формы, т. н. *spina*. Изнутри в нем была выдолблена полость, в которую помещался кулак, державший щит за горизонтальную рукоять. Современная реконструкция такого щита весила около 10 кг (Коннолли 2000: 131–132).

В конце I в. до н.э. форма римского щита претерпела изменения. В его центре для защиты рукояти стали использовать металлическую чашку или *umbro*, форма которого была заимствована у кельтов и германцев. Высота щита уменьшилась, а боковые грани выпрямились, приобретя форму прямоугольника, известную по рельефам на колонне Траяна. Самое раннее изображение прямоугольного щита встречается на погребальной стеле Мунация Планка из Гаэты, датированной 10 г. до н.э. Распространение этой формы часто связывается с улучшением защитного вооружения легионеров и появлением новых тактических приемов, таких как использование строя «черепахи» (Feugere 2002: 88). Подобный щит был обнаружен археологами на оружейном складе в Дура-Европос. Он имел 1 м в длину, 0,83 м в ширину и был всего 0,5 см толщиной. Щит был собран из планок шириной 0,3–0,8 м, вытесанных из твердой древесины платана. Планки были склеены в три слоя, причем основа набиралась в вертикальном положении, наружный и внутренний слои в горизонтальном. Деревянная поверхность с обеих сторон была обтянута холстиной,

а поверх нее — тонко выделанной овечьей кожей. С внутренней стороны щита для увеличения прочности крепилась деревянная рама. В центре имелось круглое отверстие для кулака, державшего щит за горизонтальную рукоять. Сама рукоять представляла собой горизонтальную планку, толщина которой увеличивалась в середине. Для удобства держания рукоять была обмотана толстым слоем сыромяти. Металлический умбон, прикрывавший ее снаружи, не сохранился. Поверхность щита была плавно изогнута, ширина хорды, соединявшей противоположные края, примерно равнялась 0,6 м. Края щита для защиты от ударов обшивались полоской сыромятной кожи 3–5 см шириной (James 2004: 182–183). Современная реконструкция такого щита весила 7,5 кг (Коннолли 2000: 233). Недостаточная толщина щита из Дура-Европос, а также поздний характер находки, сделанной, когда такие модели уже вышли из употребления, не позволяют точно определить ее предназначение. До сих пор не ясно, являлся ли этот щит устаревшим предметом вооружения, на долгие десятилетия забытым в подвале оружейного склада, или сугубо церемониальной вещью, не имевшей практического применения. Также сложно определить степень распространения щитов прямоугольной формы. Рельефы колонны Траяна создают иллюзию единообразного вооружения, но другие изобразительные памятники этого времени демонстрируют большее разнообразие формы, включая прямоугольные модели со скругленными углами и овальные щиты. Хотя на различных памятниках щиты прямоугольной формы появляются вплоть до первой половины III в., примечательно, что на рельефах колонны Марка Аврелия, а также триумфальной арки Септимия Севера преобладают щиты овальной формы. При раскопках в Бонне фабрики I Минервы легиона было обнаружено множество остатков кожаных чехлов для щитов. Эти материалы наглядно демонстрируют, что ок. 130 г. чехлы, предназначавшиеся для прямоугольных щитов, вышли из употребления, а на смену им пришли чехлы для щитов овальной формы (Feugère 2002: 90).

Крупнейшей археологической находкой римских щитов середины III в. является оружейный склад, обнаруженный при раскопках Дуры-Европоса. Находки археологов включали два полностью сохранившихся щита и фрагменты еще 21 экземпляра разной степени сохранности. Эти находки имели овальную форму и размеры в пределах 1,07–1,18 м длины и 0,92–0,97 м ширины. Все щиты были изготовлены из 12–15 тополиных планок толщиной 8–12 мм, встык склеенных друг с другом. В центре делалось отверстие, в которое просовывалась рука, державшая рукоять щита. Рукоять представляла собой горизонтальную металлическую полосу, проходившую через всю поверх-

ность щита и прикреплявшуюся к ней 8 гвоздями. Фактически она являлась дополнительным элементом жесткости конструкции щита. В месте кулачного хвата рукоять обматывалась кожей. Снаружи ее прикрывал металлический умбон, прикреплявшийся к щитовой доске четырьмя гвоздями. Для защиты поверхности щита от повреждений она покрывалась сперва пропитанной клеем пористой тканью, затем кожей. Края щита через дерево обшивались сыромятным ремнем шириной 0,2–0,3 м. Поверхность щита, как внешняя, так и внутренняя, ярко расписывалась многофигурными композициями на мифологические темы (James 2004: 159–170). Современная реконструкция такого щита весила около 5 кг (Junkelmann 1996: 78). Некоторые находки из Дуры-Европоса дают основания предполагать, что, по крайней

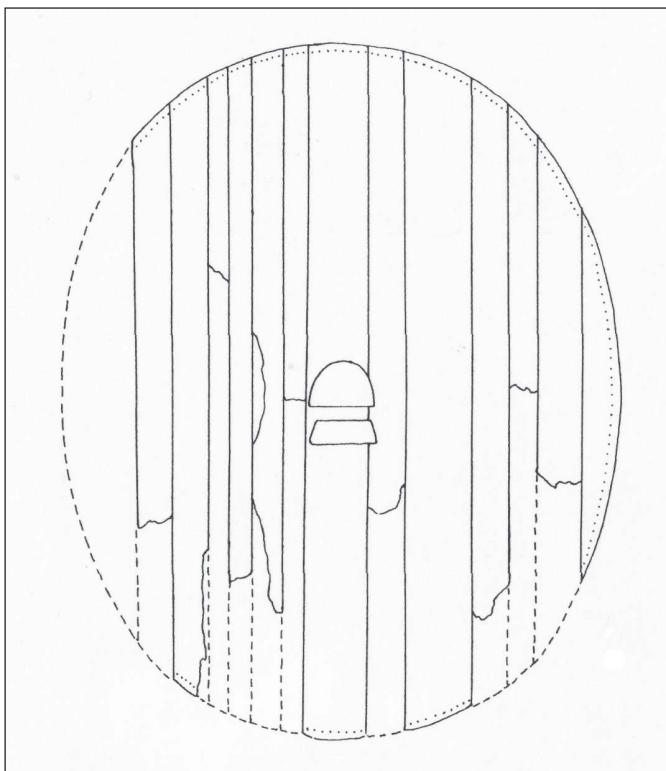

Рис. 35. Щит из Дура-Европос.
Воспроизведено по: Stephenson 1999: 17, fig. 1.

мере, часть щитов имела выгнутую лицевую поверхность. Причем, щиты были изогнуты не только в вертикальной, но и в горизонтальной плоскости. Подобная форма увеличивала сложность и продолжительность производства, в связи с необходимостью изготавливать доски с непараллельными гранями и их изгибания над паром. Одним из важнейших аргументов в пользу существования щитов выгнутой формы является хранящаяся в Трире доска от египетской находки щита V в. В отличие от щитовых планок из Дуры-Европоса, изготовленных из прямой доски и затем изогнутых над паром, эта доска с самого начала была вытесана с легким изгибом, о чем недвусмысленно свидетельствует направление древесных волокон. Наконец, дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы является угол наклона полей умбонов, который, вслед за изгибом поверхности щита, в большинстве находок на несколько градусов отступает от 90 градусов (Ratsdorf 2009: 343–351).

Изменения, произошедшие в форме и конструкции щита, стали результатом новых тенденций в технике военного дела. Прямоугольный щит I–III вв., был оружием тяжеловооруженного пехотинца. Большие размеры, толщина, и, как следствие, большой вес, делали практически невозможным его использование вне строя. Из-за тяжести оружия техника боя была элементарно простой: воин держал рукоять щита кистью опущенной вниз руки, и, упираясь в щит левым плечом, старался, нанося удар, не отводить руку в сторону. Выгнутая поверхность щита надежно защищала его спереди и сбоку, а также, как свидетельствует опыт современных реконструкций, не позволяла противнику отбить его в сторону (Shadrake 1997: 31). Конструкция овальной модели щита гораздо менее устойчива к тяжелым ударам по сравнению с прямоугольной, но зато превосходит ее размерами и почти в полтора раза легче. Предоставляя менее надежную защиту от ударов мечом, топором или булавой, она вполне эффективно защищает воина от метательных снарядов, а также позволяет манипулировать рукоятью, фехтовать щитом, поворачивая его в ту сторону, откуда грозит наибольшая опасность. Такая защита более соответствует тактике действий небольшими группами, неожиданных стычек и быстрых передвижений (Stephenson 1999: 22–23). Выход из употребления старой модели щита и его замена облегченной является следствием распространения в римской армии более маневренной тактики боевых действий, освоенной в ходе непрерывных столкновений III–IV вв.

Помимо непосредственной функции защитного вооружения, щит выполнял функцию своеобразного опознавательного знака, по которым во

время сражения воины узнавали своих и врагов. Изображения на его поверхности представляют собой так называемые дигмы, т. е. условные знаки или символы отдельных военных частей (Veget. Ep., II, 18; Amm. Marc., XVI, 12, 6). По изображениям орла и Геркулеса на щитах скульптур триумфальной арки Галерия в Фессалонике К. Ф. Кинч определил их принадлежность к подразделениям Иовиев и Геркулиев, принимавших участие в персидской кампании 297–298 гг. (Kinch 1890: 16 f., 19 f.) По голове козла А. Алфелди отождествил часть воинов, изображенных на арке Константина, с Корнутами, удостоившимися этой чести за особенную доблесть, проявленную в битве у Мульвийского моста. (Alföldi 1959: 171 ff.). Крупнейшим корпусом этих знаков является *Notitia Dignitatum*, государственный реестр начала V в., чьи миниатюры содержат 265 изображений эмблем военных частей римской армии. Часть специалистов полагает, что эти изображения основаны на официальном источнике и отражают действительную картину эмблем различных частей позднеримской армии (Hoffman 1969: 7, 14, 163). Другие указывают на стереотипный вид изображений и произвольный характер отождествления определенной эмблемы с определенным отрядом, отрицая тем самым надежность этого источника. (Grigg 1979: 111–117; Grigg 1983: 135) (А. В. Козленко).

⁸⁹ В первые два столетия эпохи Империи меч в ножнах подвешивался с правого бока на портупее. На левом боку легионеры носили кинжал, подвешенный на поясе. Вегетий (Veget. Ep., I, 12) объясняет, что подвеска меча с правого бока была нужна для того, чтобы воин, обнажая меч, не отводил вбок левую руку со щитом и не открывал себя для ударов противника. Как установили современные реконструкторы, меч прикреплялся к портупее 4 кольцами, расположенными по обеим сторонам ножен. Конец ремня портупеи расщеплялся надвое, после чего нижний кончик пропускался под поясом к нижнему, а верхний кончик поверх пояса — к верхнему кольцу. Такое крепление обеспечивало надежную фиксацию ножен и позволяло быстро выхватить меч, не придерживая их при этом рукой. (Sumner 1997: 47). Увеличение длины клинка привело к тому, что ножны стали подвешивать с левой стороны и несколько ниже. В начале III в. для их крепления вместо системы колец стали использовать слайд, расположенный по центру лицевой поверхности ножен. (Trousdale 1975: p. 97 f). Ремень портупеи, проходя сквозь прорезь слайда, охватывал ножны петлей, конец которой прикреплялся к бронзовой фалере, крепившейся на лицевой поверхности широкой портупеи. Две целиком сохранившихся портупеи с двумя фалерами каждая были обнаружены в Торсберге (Дания). Большая портупея имеет длину 105,5 см

и ширину 9,1 см. Широкий конец портупей вырезан в форме сердца и снабжен прорезной бронзовой накладкой. Другой конец вытянут в длинный узкий язык. В 20 см от широкого края закреплялась бронзовая фалера, на внутренней стороне которой имелась петля для закрепления пропускавшегося через прорезь слайда узкого конца портупей (Bishop, Coulston 1993: 130) (А. В. Козленко).

⁹⁰ Наиболее распространенным типом меча III–IV вв. была спата, длинный меч, которым, как свидетельствует Вегеций (Veget. Ep., II, 15), вооружались не только всадники, но и пехотинцы. Кроме того, солдаты еще носили короткие мечи, которые выполняли вспомогательные функции (Ibid). Это указание источника находит подтверждение на археологическом материале. Мечи, обнаруженные в разрушенном в середине III в. римском форте в Штраубинге (Бавария), имеют клинок длиной 65–85 см и шириной 4,4 см, параллельные лезвия которого постепенно сужаются в острие. Пропорция между длиной и шириной клинка мечей типа Штраубинг составляет 15–17 : 1. Та же пропорция наблюдается у мечей, обнаруженных в Аугсте (Швейцария), Вите (Болгария), Дур-Европос (Сирия) и найденных в числе варварских приношений в Нидаме и Иллерупе (Дания). Другой тип меча, также датируемый серединой III в., был обнаружен в Лорхе (Австрия). Длина его клинка составляет 55,7–65,5 см, ширина 6,2–7,5 см, пропорция между длиной и шириной 8–12 : 1 (Ulbert 1974: p. 210–212). Из Кюнцига (Австрия), происходит 14 мечей, длина которых колебалась в пределах 23,1–38,9 см. Среди них было несколько широких клинков типа Лорх с параллельными лезвиями длиной 53 см и короткие клинки с треугольными лезвиями, длиной 40 см. Вполне вероятно, что часть их представляет собой обломки спат, которым кузнецы приваривали новое острие. Параллельные этим находки были сделаны в Аугсте, Айнинге и Веринге (Германия) (Bishop, Coulston 1993: 130).

Продукция римских оружейников являлась продукцией высокого класса, дорого ценившейся у соседей римлян. Клинок мечей III–IV вв. изготавливался по технологии фальшивого дамаска: прутья высоко — и низкоуглеродистой стали плотно переплетались друг с другом и перекрывались так, что в металле оказывались перемешаны тысячи слоев металла. Подобное соседство делало металл прочным без хрупкости и гибким без мягкости. Меч, выкованный из такого металла, как свидетельствуют указания античных авторов, мог согнуться в руках владельца и затем вновь распрямиться. Даже гвозди при рубке не могли оставить зазубрины на его лезвии. Из 100 мечей, найденных в Нидаме, 90 сделаны по этой технологии (Bishop, Coulston 1993: 190). Вес вы-

кованного клинка составляет 700–800 гр. Для уменьшения веса в нем протачивались доли. Их число на каждой стороне клинка могло от одного доходить до четырех. У некоторых мечей, обнаруженных в основном за пределами римских границ в составе комплексов богатых погребений варварских вождей, клинок в верхней части украшен штампованным клеймом с изображением военных штандартов, орлов, Марса, Виктории, Минервы. Изображение, как правило, плакировано золотом, орихалком и другими металлами контрастных цветов. (Biborski 1994: 123–125). Верхняя часть клинка выковывалась в виде хвостовика, на который насаживался эфес. Он состоял из трех частей: перекрестья, рукояти и навершия. Перекрестье имело округлую, слегка сплюснутую с боков форму. Материалом для его изготовления часто служило дерево или кость. Рукоять изготавливалась из дерева, рога или слоновой кости, и богато украшалась резьбой. Навершие, также как и перекрестье, могло изготавливаться из дерева или кости, обычной для него формой был эллипс. Меч из погребения IV в., найденного в Кельне (Германия), сохранил цельный эфес выточенный из слоновой кости. Массивное, линзовидной формы перекрестье переходит в рукоять, в которой проточены ребра для более плотного хвата, навершие имеет яйцевидную форму. На хвостовик клинка эфес насаживался через высверленное в его центре отверстие и затем закреплялся на месте бронзовой заклепкой (Bishop, Coulston 1993: 162). Рукояти офицерских мечей III–IV вв. часто делались в форме орлиной головы и украшались золотом и драгоценными камнями (А. В. Козленко).

⁹¹ Lancea (по-гречески — λόγχη) — легкое метательное копьё с ремнем посередине (Gell., X, 25, 2), которое римляне переняли у испанцев (Gell., XV, 30, 7) или галлов (Diod. Sic., V, 30, 4). Ланцею метали, зажав

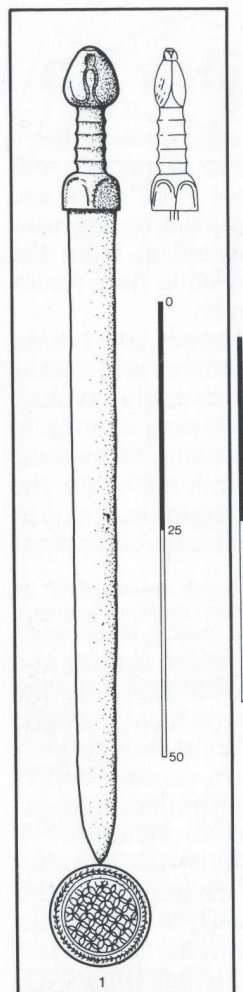

Рис. 36. находка меча IV в. из Кельна.

Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 163, fig. 1.

кончик ремня между пальцами, так что в полете ее древко вращалось, увеличивая дальность и точность броска (Verg. Aen., IX, 665; Sil. It. I, 318; Lucan. Phars., VII, 472). Древяно оружия изготавливалось из твердых пород ясеня или корневой части вишни. Общая длина оружия составляла 2,5–2,7 м. В римской армии I–II вв. легионеры носили тяжелые пилумы, которые они учились залпом метать при сближении со строем противника. Ланцеями вооружались преимущественно пехотинцы вспомогательных отрядов, часто сражавшиеся небольшими группами и в рассыпном строю. Носили ланцеи также разведчики *speculatores* преторианской гвардии (Suet. Claud 35; Galba, 18). Изменения в III веке, происходившие в III веке, привели к тому, что ланцеями стали вооружать часть легионных солдат, которые выполняли функцию застрельщиков. Арриан, описывая боевой порядок римской армии, (Agr. Contra alan., 25, 27; ср. Agr. Tact., 5, 5; 9, 1) отмечал, что первые четыре ряда пехотинцев должны вытянуть копья (*κοντοί*) перед собой, в то время как последние четыре должны метать ланцеи (*λόβυχοι*) поверх голов

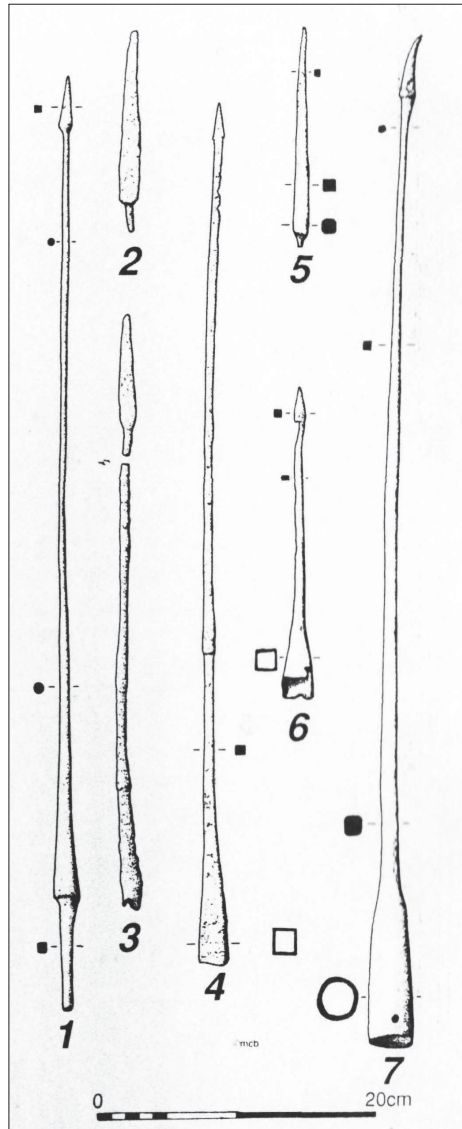

Рис. 37. Наконечники римских копий и дротиков конца III – начала IV вв. Воспроизведено по: Bishop, Coulston 1993: 123, fig. 83.

впередистоящих. Возможно, ланциарии должны были выбегать перед строем и вести маневренный бой, поддерживая действия кавалерии и в случае опасности отступая назад за строй неподвижно стоящих воинов. Изображение на стеле Аврелия Муциана, ланциария II Парфянского легиона из Апамеи (Bishop, Coulston 1993: 126, fig. 85), позволяет заключить, что солдат носил с собой пять дротиков, которые хранились в специальном колчане (Maug. Strat., XII, 5, 8). Это число соответствует количеству дротиков, которыми вооружались римские велиты II в. до н.э. (Lucill., VII, 22), и, как свидетельствуют эксперименты, соответствует максимальному количеству дротиков, которые можно зажать в пальцах, одновременно при этом удерживая рукоять щита. (Stephenson 1999: 57). Хотя дротик и не обладал такой силой удара, какой обладал пилум, но и он был весьма эффективным оружием, особенно в отношении противника, не носившего защитного доспеха (Hdn., VI, 7, 8). Эксперименты с современными репликами ланцеи показали, что ее можно метнуть на расстояние 20 м, а на дистанции 10 м она пробивает насквозь дубовую доску, толщиной 18 мм. Это расстояние не кажется особенно значительным, но следует помнить, что расстояние эффективного поражения цели имеет большую значимость по сравнению с максимальным расстоянием броска. Зулусы, например, бросали дротик в цель с расстояния не более 30 ярдов (27,5 м), поскольку на большем расстоянии сила удара и точность попадания значительно падали. В то же время дротик, брошенный на расстояние 30 ярдов, сохранял достаточную силу, чтобы при точном попадании пронзить насквозь человеческое тело (Stephenson 1999: 58). Другой эксперимент показал, что ланциарий, вооруженный пятью дротиками, находясь на расстоянии 20 м от противника, успевает метнуть все пять, прежде чем противник бегом преодолеет хотя бы половину этого расстояния (Sumner 1997: 105). Конечно, точность попаданий во втором случае оставляет желать лучшего. Юлий Африкан, писавший в начале III в., жаловался, что мастерство современных ему солдат пало столь низко, что из десяти дротиков, выпущенных в цель, попадает в нее лишь один. (Cest, Fragm., I, 1, 80–81) (А. В. Козленко).

⁹² Вегеций утверждает, что современная ему римская армия конца IV—начала V вв. состояла преимущественно из легковооруженных пехотинцев, не носивших ни панциря, ни шлема (Veget. Ep., I, 20). Эта деградация легионов, о которой мы знаем также из других авторов, живших в конце IV—начале V вв., была следствием процесса эволюции тактики, а также результатом определенных исторических событий.

Вплоть до конца III в. различие тяжелого и легкого вооружения соответствовало различию между легионами и вспомогательными войсками.

При этом различие в типажах снаряжения определяло различие тактического применения войск. Легионы были тяжеловооруженной пехотой, использовавшейся исключительно в сомкнутых боевых порядках, в то время как вспомогательные части использовались преимущественно в качестве легковооруженных застрельщиков (Gilliver 1996: 65). В конце III в. картина существенным образом изменилась. Прежде всего, исчезло различие в доспехах и вооружении, при этом именно ауксильный тип военного снаряжения стал определяющим для подразделений обоих типов. В зависимости от поставленной задачи, как легионы, так и части *auxilia palatina* могут равно эффективно использоваться для действий в сомкнутом строю или мелкими группами, для участия в большом сражении или для устройства засад, для патрулирования местности или для несения пограничной стражи (Stephenson 1999: 111–112).

С изменением снаряжения пехоты изменяется ее тактика. В состав легионов входят легковооруженные пехотинцы, метатели дротиков, лучники, выстраивавшиеся позади тяжеловооруженной пехоты и метавшие в противника тучи снарядов поверх ее голов (Stephenson 1999: 111). Значение метательной стадии боя существенно возрастает, ибо лучники и метатели дротиков особенно подходят для сражения с варварами, которые не носят защитного доспеха (Hdn., VII, 2, 2; SHA. Max., XI, 8).

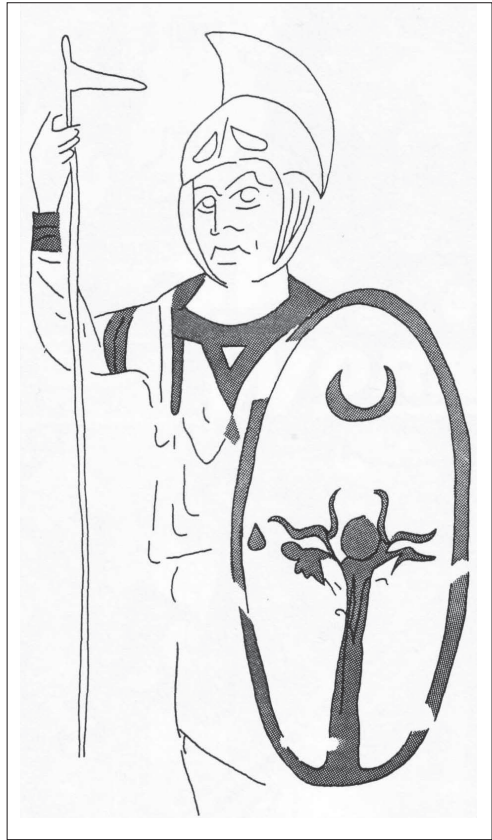

Рис. 38. Изображение Флавия Максимиана, солдата элитных частей *auxilia palatina* из катакомб Villa Maria, Сиракузы. Середина IV в. Воспроизведено по: Macdowall 1994: 24.

Возрастает и количество легковооруженных в составе легиона, пока в конце IV в. не достигает четвертой части личного состава (Veget. Ep., I, 15; Maur. Strat., XII, 12). Эти воины не носили доспеха, сковывавшего необходимую для них подвижность. То же самое касается шлема, вместо которого солдаты обычно носили меховой *pilleus rannonicus*. Доспех был обязателен лишь для тяжеловооруженных пехотинцев, по-прежнему решавших исход битвы рукопашной схваткой. Его надевали перед сражением и при этом военный строй приобретал вид блестящей железом и бронзой стены, с восторгом описанной Аммианом Марцеллином (Macdowall 1994: 16).

Рис. 39. Римские воины V в. на плакетке из слоновой кости, Египет.
Воспроизведено по: Macdowall 1994: 56.

Гибель воинов и потеря военного снаряжения вследствие тяжелых поражений, которые в конце IV — начале V вв. терпела римская армия, сопровождалась проникновением отрядов варваров-федератов в ее состав. Большинство римских полевых армий V в. оказалось укомплектовано пехотинцами-варварами и немногочисленными отрядами тяжелой кавалерии, худо-бедно снабжаемых государством. Германцы, как это следует из указаний современников, не носили доспехов (Hdn., 6, 7 (алеманны); Procop., De bellis, 3, 8, 27 (вандалы); 6, 25, 4 (франки)), а их тактика предполагала еще большее значение легковооруженных и метательных снарядов. Тяжеловооруженная пехота отошла на второй план, сделавшись пассивным зрителем того, как победа одерживается

кавалерией практически без ее участия. В VI в. лишь первые два ряда пехотинцев носили защитный доспех, остальные довольствовались щитом, который предоставлял надежную защиту от метательного оружия (Maug. Strat., XII B, 12).

В эпоху кризиса римской военной системы вновь начали раздаваться голоса теоретиков, призывавших восстановить тяжеловооруженную пехоту, набирающуюся из свободных крестьян общинников, которой Рим был обязан своей мощью в недавнем еще прошлом (Dixon, Southern 1996: 51, 54). Наряду с Вегецием, считавшимся наиболее видным представителем этого течения, сходные позиции занимал неизвестный автор *De rebus bellicis*. Описывая тяжеловооруженного пехотинца, снаряженного для боя копьем и мечом, и снабженного защитным вооружением, в состав которого входят шлем, щит, панцирь и поножи, он, безусловно, отдавал определенную дань памяти прошедшим временам, но к эпохе его настоящего это описание имело лишь опосредованное отношение (А. В. Козленко).

⁹³ Наименование данного моста происходит от двух греческих слов ἄσκόζ (мех) и γέφυρα (мост) (Schneider 1908: 32, Anm. 7).

Идея форсировать реки при помощи наполненного воздухом кожного меха относится к глубокой древности. Изображения воинов, переплывающих реку и переправляющих таким образом оружие, поклажу, лошадей и колесницы мы видим на рельефах дворца Ашшурнасерпала II в Кальху. Об использовании такого же способа переправы греками, римлянами и варварами свидетельствуют многочисленные указания источников (Агг. Апаб., I, 3, 5; IV, 4, 2–3; V, 12, 3; Caes. В.С., I, 48). С той же целью помимо бурдюка, наполненного воздухом, предлагалось использовать тростниковые и другие связки, сделанные из легкого материала с хорошей плавучестью (Veget. Ер., III, 7). Отличие предлагаемого Анонимом проекта заключается в том, что меха, наполненные воздухом, используются не для индивидуальной переправы, а для устройства понтонного моста. Описание проекта в целом выглядит вполне реалистично. Связав меха при помощи канатов и сообщив сооружению необходимую устойчивость, по такому импровизированному мосту вполне возможно переправить через реку достаточно крупные воинские силы. Сходную идею переправы через Тигр предлагал некий родосский инженер, служивший в армии 10 000 наемников (Хен. Апаб., III, 5, 8–12). Ксенофонт сообщает, что это предложение показалось всем интересным, но нереализуемым, поскольку противник, владевший противоположным берегом реки, не позволил бы грекам навести переправу (Ibid). Вегеций рекомендует для быстрого строительства понтонного моста

иметь в обозе войска однодеревки «т.е., довольно широкие челноки выдолбленные из одного ствола; по самому качеству дерева и так как они сделаны тонкими, они очень легки; вместе с ними заранее готовят доски для настила и железные гвозди. Таким образом без промедления строится мост: связанные канатами, которые имеются для этой цели, он на время представляет устойчивость каменной арки» (Veget. Ep., III, 7). Византийский Аноним упоминал об использовании в этом же качестве бочек, а также легких и открытых лодок, но не считал этот способ надежным ввиду возможности противника, укрывшегося на другом берегу, легко помешать переправе и нанести войскам значительные потери. При отсутствии обеспеченного плацдарма на другом берегу этот автор рекомендовал использовать для переправы плоты и грузовые корабли (Аноп. Byz. Tact., 19). Значимость устройства и удержания надежного плацдарма на противоположном берегу подчеркивается также и другими авторами (Veget. Ep., III, 7) (А. В. Козленко).

⁹⁴ Через небольшие реки войска переправлялись вброд. При этом Вегетий рекомендует ставить вдоль брода две линии всадников: первая, расположенная выше по течению, должна была разбивать натиск волн, вторая — перехватывать и вытаскивать из воды сорвавшихся (Veget. Ep., III, 7). Если глубина реки и скорость течения препятствовали переправе, войска могли соорудить мост. Настоящее инженерное чудо было в 55 г. до н.э. построено Цезарем для переправы через Рейн. Его длина превышала полкилометра. Настил, покрытый фашинами, поддерживался сваями толщиной 0,5 м, вколоченными в дно реки на расстоянии 12 м одна от другой. Выше по течению реки были поставлены быки, препятствующие разрушению опор моста. На все работы было затрачено 10 дней (Caes. B. G., IV, 17–18). При случае римляне строили понтонный мост, опорами которого были лодки и мелкие суда. Описание процесса строительства Авидием Кассием в 165 г. понтонного моста через Евфрат оставил Дион Кассий: «Римлянам не составляет никакого труда перебросить мосты через речные потоки, поскольку воины постоянно занимаются этим в ряду прочих военных упражнений во время своих учений на Истре, Рейне и Евфрате. Используют же они следующий способ (о котором, наверное, не всякому известно). Корабли, с помощью которых через реку возводится переправа, имеют плоское дно; их ставят на якорь немного выше по течению от того места, где должен быть мост. Затем, по условному знаку, сначала пускают вниз по течению один корабль, ближайший к занятому ими берегу. Когда же он подплывет к месту расположения [будущего] моста, они бросают в воду корзину, наполненную камнями и привязанную канатом, наподобие якоря, и корабль,

удерживаемый таким образом, останавливается близ берега, и с помощью досок и мостков, которые в большом количестве везут на корабле, они тотчас же делают настил непосредственно в месте высадки. Потом они спускают следующий корабль на небольшое расстояние от первого, вслед за ним еще один и так далее, до тех пор пока они не доведут мост до противоположного берега. Корабль, ближайший к вражескому берегу, снабжен башнями с бойницами, лучниками и катапультами.» (пер. А. В. Махлаюка; Dio, LXXI, 3).

⁹⁵ По-видимому, именно в позднеримский период (III–IV вв.) происходит широкое распространение *manuballistae*, то есть ручных торсионных метательных машин с железными натяжными рамами, нашедшее отражение в нескольких трактатах, относящихся к этому времени. Возможно, принятие на вооружение этих машин связано с военными реформами Диоклетиана-Константина и созданием так называемых «мобильных» армий. Впервые же машины подобной конструкции, скорее всего, были применены во время дакийских войн Траяна (101–102 гг.). Об устройстве этих ручных баллист мы имеем представление по небольшому трактату «*Ἦρονος Χειροβαλλίστρας κατασκευῆ καὶ συμμετρίας*», то есть «Устройство и размеры хиробаллистры Герона» (Heron. *Cheir.*, W123–134). Э. Марсден сделал предположение, что данный трактат принадлежит перу Герона Александрийского (Marsden 1971: 209–210). Но современные исследователи (Drachmann 1972: 492; Baatz 1978: 14; Wilkins 1995: 7; Iriarte 2000: 47) все же склоняются к более убедительной оценке Р. Шнейдера (Schneider 1906: 167–168), а именно трактат не мог быть написан Героном и, скорее всего, принадлежит более позднему времени, возможно, представляя собой фрагмент из византийского лексикона. И если Э. Марсден говорит только о том, что манубаллисты были «конечно, очень похожи на хиробаллистру Герона» (Marsden 1969: 197), то Д. Баатц отмечает, что термин *χειροβαλλίστρα* — это несомненно прямой перевод слова *manuballista*, ясно указывающий на то, что эти два термина относятся к одной и той же машине (Baatz 1978: 14). Другим примером такой транскрипции может служить трактат византийского императора X в. Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Термин *χειροβολίστρα* встречается в трактате четыре раза (Const. Porph. De adm. imp., 53, 30; 34; 37; 133) в контексте использования херсонитами боевых повозок (Const. Porph. De adm. imp., 53, 29; 34; 132) с установленными на них хиробалистами в полевых сражениях боспорско-римских войн рубежа III–IV вв. Нет сомнения в том, что и здесь мы имеем дело с переводом латинского термина *manuballista*.

Также большую роль в понимании конструкции этих машин сыграли археологические находки, сделанные за последние 40 лет в позднеримских предмостных фортах (*quadriburgium*) дунайского лимеса Оршова / Dierna и Горня, Румыния (Baatz, Gudea 1974: 50–72), в Лионе, Франция (Baatz, Feugère 1981: 201–209), в Сале, Марокко (Boube-Piccot 1994: 188–195) и в Еленово, Болгария (Кауцов, Minchev 2013: 327, 332–336). Большинство из них относятся к IV в. В этой связи, особо стоит отметить находки трех небольших натяжных рам, несомненно, принадлежавших манубаллистам, арочной распорки и многочисленных натяжных втулок с небольшим внутренним диаметром (не более 4,5 см). Часть этих втулок также относится к IV в., например, найденные в Волюбилисе, Марокко (Boube-Piccot 1994: 195–197).

Наиболее полная информация о боевом применении манубаллист содержится в позднеримском (конец IV в.) трактате Флавия Вегеция Рената «Краткое изложение военного дела». В нем несколько раз упоминаются ручные баллисты — *manuballistae* (Veg. Epit., II, 15; IV, 22) — и те, кто ими пользовался — *manuballistarii* (Veg. Epit., III, 14; IV, 21).

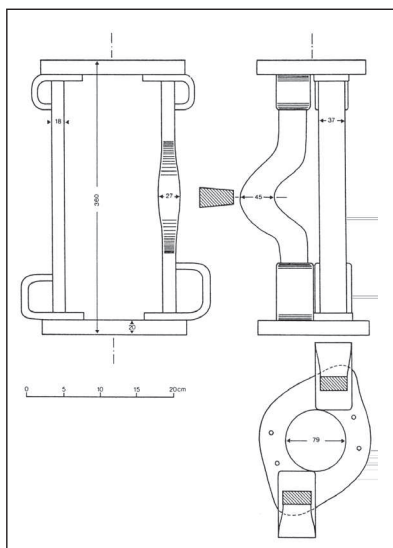

Рис. 40. Натяжная рама, найденная в Оршова (Румыния), конец IV в.
Воспроизведено по:
Baatz 1978: 10, fig. 8.

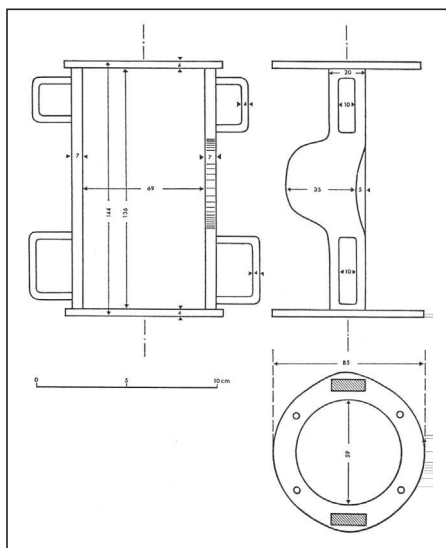

Рис. 41. Натяжная рама, найденная в Горне (Румыния), конец IV в.
Воспроизведено по:
Baatz, Gudea 1974: 53, Abb. 5.

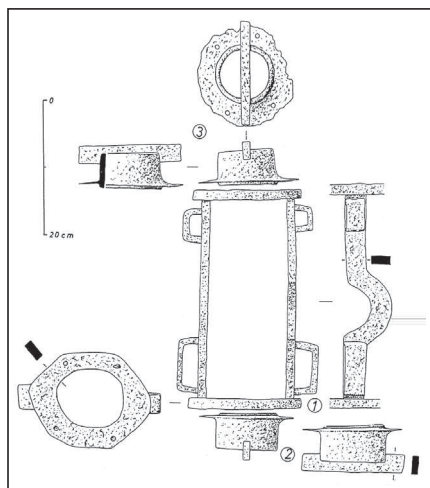

Рис. 42. Натяжная рама, найденная в Лионе (Франция), предположительно, конец II в. Воспроизведено по: Baatz, Feugère 1981: 203, fig. 2.

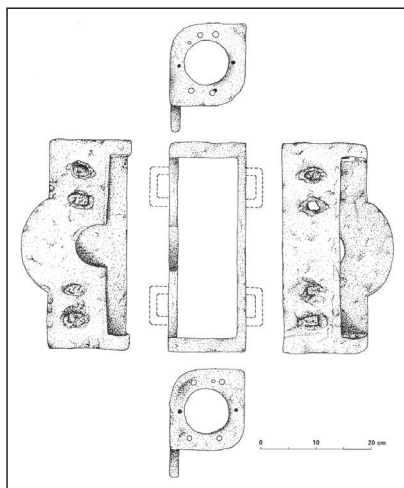

Рис. 43. Натяжная рама, найденная в Сале (Марокко), конец IV в. Воспроизведено по: Boube-Piccot 1994: pl. 49.

Основной боевой порядок *antiqua legio*, по Вегецию, формировался из шести параллельных линий (*acies*). Позади первой и второй линий стояли *tragularii* (Veg. Epit., II, 15), действовавшие при помощи *manuballistae* и *arcuballistae* (по-видимому, являвшимися предком средневекового арбалета). В пятой линии находилось немного *carroballistae*, то есть баллист на боевых повозках, и большое количество манубаллистариев (Veg. Epit., III, 14), в то время как большие *carroballistae* с самой большой дальностью выстрела находились прямо за боевым порядком (Veg. Epit., III, 24). Также, по Вегецию, *manuballistae* и *arcuballistae* должны были использоваться в осадных башнях для уничтожения защитников стен осажденного города (Veg. Epit., IV, 21) и, наоборот, осажденными против осаждающих (Veg. Epit., IV, 22). Их применение в полевом бою и при штурме крепостных стен говорит о том, что эти орудия были небольшими. Очень интересные сведения о боевом применении хироболлистр, по непонятной причине проигнорированные всеми исследователями этого вопроса, содержатся в трактате «Об управлении империей». Херсонеситы, массово применявшие *χειροβολίστρας* в полевых сражениях, действовали ими с боевых повозок (*ἄρματα πολεμικά*), возможно, подобных тем, которые изображены на колонне Траяна

(ТС. XL, 104–105; LXVI, 163–164) и описаны у Вегеция, как *carroballistae* (Veg. Epit., II, 25; III, 14; 24). По-видимому, в системе вооруженных сил Херсонеса отряд баллистариев, вооруженных *manuballistae*, играл довольно значительную роль и, судя по сообщению автора трактата, внес решающий вклад в победу херсонитов в сражениях у стен Боспора и на реке Истра (Const. Porph. De adm. imp., 53, 28–44; 131–135). На то, что эти хиробалистры были торсионными орудиями с железной натяжной рамой, указывает список материалов для их изготовления и ремонта, установленных к ежегодной выдаче херсонитам императором Константином II (Const. Porph. De adm. imp., 53, 150). Список включал в себя сухожилия (*νευρόν*), видимо, предназначенные для производства торсионных канатов, пеньку (*κάνναβον*), либо для тех же канатов, либо для тетив, железо (*σίδηρόν*), скорее всего, для изготовления натяжных рам, оливковое масло (*ἐλαιον*), либо для обработки сухожилий (Philon, Bel., W61), либо для предохранения железных частей машин от коррозии.

Фрагментарность трактата «Устройство и размеры хиробалистры Герона», а также недостаточность археологических находок породили существенные разногласия в интерпретации этой машины. Вопрос о том, была ли она, в прямом смысле, ручной, вызывает самые большие споры среди исследователей.

Э. Марсен решил, что натяжные рамы, описанные в трактате, слишком малы и если строго следовать тексту, то «хиробалистра была бы чуть больше, чем игрушка» (Marsden 1971: 224), так как переписчик, скорее всего, ошибся при передаче цифр. Поэтому он предложил, основываясь на сходности их написания и расчетов на базе классических артиллерийских трактатов (Vitruv., X, 10, 2), увеличить высоту натяжных рам с $10\frac{1}{2}$ до 20 дактилей ($1\text{ δάκτυλος} = 19,27\text{ мм}$) и диаметр отверстия под торсион с $1\frac{1}{3}$ до $2\frac{1}{3}$ дактилей, чтобы сделать эту машину как можно мощнее (Marsden 1971: 224, 228). Отсутствие конечного заголовка в самой ранней рукописи IX века «Codex Parisinus inter supplementa Graeca 607 (Bibliothèque National, Paris)» и в его, по-видимому, прямой копии XVI века «Fragmenta Vindobonensia 120» (Marsden 1971: 10–12) привело его к выводу, что трактат не дошел до нас полностью и что в нем не хватает описаний ворота, храповиков, шарнира и станка (Marsden 1971: 210). Он также посчитал, что дуговой деревянный сегмент, прикрепляемый к тыльной стороне ствола, никак не соответствует упору гастралетного типа (Heron. Bel., W77–78), а является ручкой для облегчения наводки (Marsden 1971: 218). На основании всего этого он сделал вывод, что хиробалистра была довольно мощной машиной и ставилась на лафет и что «один человек мог нести ее на своей спине, вместе с про-

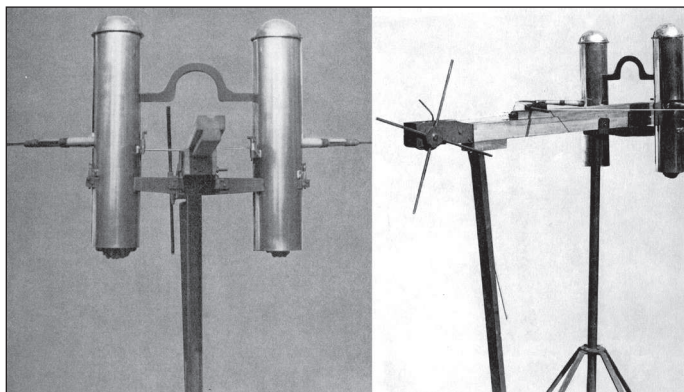

Рис. 44. Реконструкция хиробаллистры Герона по Э. Марсдену.
Воспроизведено по: Marsden 1971: pl. 6–7.

стым станком в виде треноги, и сам устанавливать ее для стрельбы и полностью обслуживать» (Marsden 1971: 231).

Выводы Э. Марсдена сразу же были подвергнуты критике со стороны А. Драхмана (Drachmann 1972: 493). Он отметил, что Э. Марсден даже не пытался рассмотреть вероятность того, что речь в трактате может идти о ручном, в прямом смысле этого слова, гораздо менее мощном торсионном арбалете. И так как такое оружие должно было, по его мнению, легко взводиться путем нажимания животом и всей тяжестью тела на дуговой упор, как гастрарфет, он посчитал увеличение диаметра торсиона необоснованным.

Необходимо отметить, что в то время, когда Э. Марсден работал над трактатом, не было идентифицировано и опубликовано ни одной археологической находки деталей этих машин. Опираясь же на археологические находки, сделанные румынским археологом Н. Гудей в 1968–1969 гг., Д. Баатц согласился с увеличением диаметра отверстия под торсион до $2\frac{1}{3}$ дактиля (Baatz 1999: 16–17), но оставил высоту натяжной рамы такой, как она указана в трактате — $10\frac{1}{2}$ дактилей (Baatz 1978: 15). На основании общего уменьшения габаритов натяжной рамы, он, так же как и А. Драхманн, сделал вывод, что дуговой сегмент в тыльной части ствола являлся упором для заряжания (Baatz, Gudea 1974: 62; Baatz 1978: 15–16). Реконструкция подобной машины, общим весом 12,24 кг, была сделана Д. Стивенсоном (Wilkins, Morgan 2000: 96–99). Используя, кроме нажимания животом на дуговой упор, подтягивание ползуна руками за специальную ручку, его помощник достиг силы взвода 159 кг

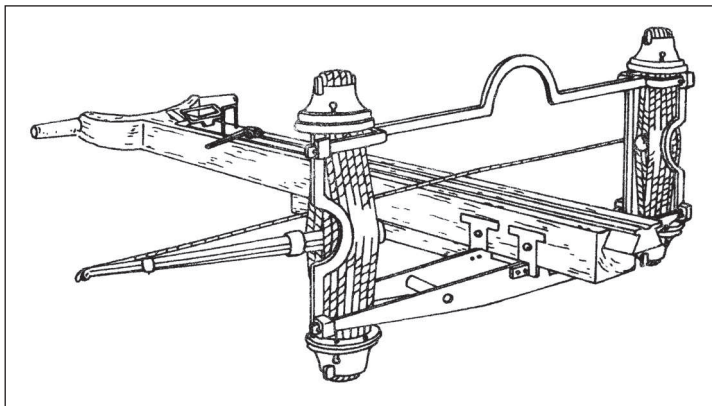

Рис. 45. Реконструкция хиробаллистры Герона по Д. Баатцу.
Воспроизведено по: Baatz 1978: 13, fig. 11.

(sic!), но так и не смог взвести машину до конца. Несмотря на это, его хиробаллистра показала выдающийся результат (стрела весом 42,5 г пролетела 301 м), во многом благодаря впервые воссозданным им торсионам из сухожильных канатов (Stevenson 1997: 16–17).

Последней значимой работой в этом направлении стала реконструкция испанского исследователя А. Ириарте. Он не только, как и А. Драхманн, отказался от увеличения диаметра торсиона (Iriarte 2000: 54–57), но и следом за Д. Баатцем (Baatz 1978: 15; 1999: 16–17) принял, что при переводе трактата с латинского языка на греческий были также «сконвертированы» и единицы измерения — путем простого приравнивания римского дигита (1 digitus = 18,5 мм) к греческому дактилю (Iriarte 2000: 47). Таким образом, он максимально уменьшил линейные габариты машины, ее вес (9 кг) и силу натяжения, что позволило ему сделать вывод о том, что хиробаллистра была подлинно ручным оружием и взводилась при помощи дугового упора, как гастрарфет. Подобные же реконструкции с небольшими торсионными и дуговым упором сделаны Б. Джейкобсом (Sumner 1997: 124–125), М. Льюисом (Lewis, Faulkner 2004: 46) и Х. Миксом (Miks 2001: 162, 172–174). Правда, последний совместил дуговой упор для взвода хиробаллистры с плечевым.

«Гастрарфетная» теория последовательно критикуется ее противником А. Уилкинсом, построившим совместно с Л. Морганом несколько реконструкций хиробаллистры. Он, опираясь на габариты одной из натяжных рам, найденных в Горне (№ 2), еще увеличил внутренний диа-

метр натяжной втулки до $2\frac{1}{2}$ дактиля (по сравнению с Э. Марсденом), что, фактически, равно двум римским дюймам ($1 \text{ uncia} = 24,6 \text{ мм}$). Палеографически такая конъектура этого размера также возможна и такое изменение позволило бы, по его мнению, пропустить через втулки еще несколько витков торсионного каната (Wilkins 1995: 24). Тем более, что это хорошо согласуется с основным принципом древних инженеров, сформулированным Филоном Византийским: «Тот, кто желает далеко стрелять, должен попытаться вместить настолько много упругого каната, насколько это возможно, поскольку не только мы полагаем, что тайна силы находится в этом, прежде всего, но и все остальные верят в это тоже» (пер. А. Уилкинса; Philon, Bel., W57). А Герон Александрийский, например, ярко описывает использование деревянного молотка и железного пробойника для того, чтобы раскрыть больше пространства для канатов (Негон.

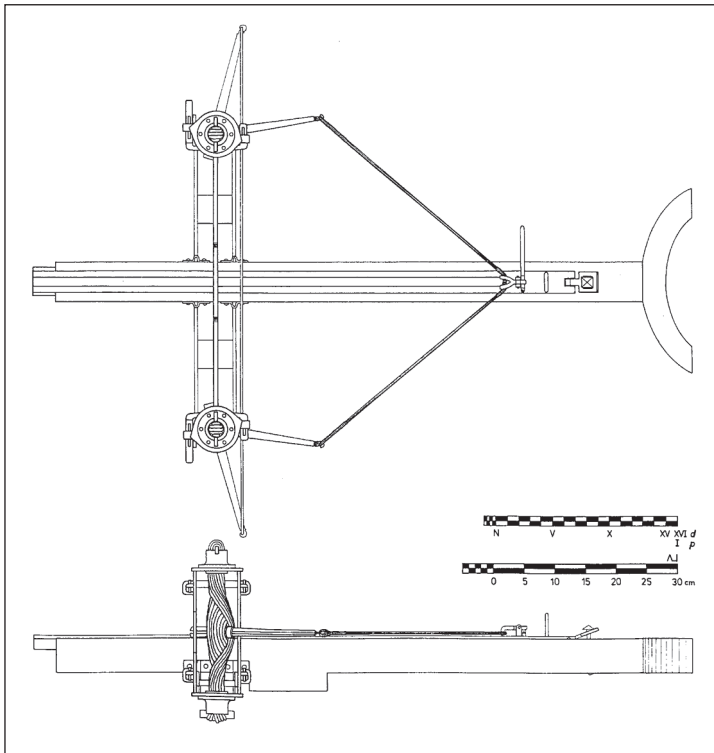

Рис. 46. Реконструкция хиробаллистры Герона по А. Ириарте.
Воспроизведено по: Iriarte 2000: 65, fig. 15.

Bel., W108–109). Особо А. Уилкинс касается дугового сегмента (Wilkins 1995: 12–13). Он полагает, что это не ручка для облегчения наводки и уж тем более не горизонтальный упор гастралетного типа (такую мощную машину было бы невозможно взвести без механического натяжного устройства), а плечевой упор, установленный вертикально и являющийся неким подобием приклада. Также, на основании проведенного анализа, им был сделан вывод о том, что хиробаллистра взводилась воротом (Wilkins 1995: 16, 38–39), и должна была стоять на лафете (Wilkins 1995: 11, 13). А. Уилкинс, как и Э. Марсден, полагает, что эти узлы машины, как и специальные переходные детали, позволяющие установить натяжные рамы в правильном положении, возможно, были описаны в утерянной части тракт-

Рис. 47. Реконструкция хиробаллистры Герона по А. Уилкинсу.
Воспроизведено по: Wilkins 1995: 47, fig. 24.

тата. Свое же название «ручная баллиста» (χείροβαλλιστρά / *manuballista*) получила, как он считает, оттого, что ее мог, при необходимости, перетаскивать по полю боя один человек (Wilkins 1995: 48).

Реплика хиробаллистры, построенная А. Уилкинсом, при полевых испытаниях 1997–2000 гг. показала неплохие результаты. С расстояния 50 м болты, выпущенные из нее, пробивали стальную двухмиллиметровую пластину, а дальность выстрела 80-граммовым снарядом при угле возвышения 35° к горизонту составила 206 метров. Сила натяжения тетивы при этом достигла 335 кг (Wilkins, Morgan 2000: 93). Большим недостатком его реконструкции является большой вес — 27 кг без лафета (Wilkins 1995: 56), возникший из-за излишнего запаса прочности и множества дополнительных деталей. Как представляется, можно было вполне уложиться в 9–12 кг, что сделало бы эту машину по-настоящему мобильной, даже несмотря на лафет.

Все интерпретации хиробаллистры в виде торсионного гастрáfета, по мнению А. Уилкинса, делались в отрыве от фактов исторического развития греко-римской артиллерии (Wilkins, Morgan 2000: 94). Прежде всего, они противоречат авторитетному высказыванию Герона, что появление торсионных стрелометов, развивавших значительно большую мощность, по сравнению с гастрáfетом, вынудило заменить дуговой упор на ворот с полиспастом, до этого применявшийся только в больших машинах (Heron. Bel., W84). Нам также известно, из категоричного заявления Вегеция (пер. С. П. Кондратьева; Veg. Epit., IV, 22), что «скорпионами называлось то, что теперь мы называем ручными баллистами» (*scorpiones dicebant, quas nunc manuballistas uocant*). Технические же артиллерийские трактаты (Vitruv., X, 10; Heron. Bel., W74; Philon. Bel., W73) представляют нам скорпионы идентичными, по крайней мере конструктивно, катапультам эвтистонного типа, имевшими лафет и взводившимися с помощью ворота. Э. Марсден и А. Уилкинс (Marsden 1969: 79; Wilkins 1995: 54; Wilkins, Morgan 2000: 96) были, по всей видимости, правы, идентифицировав *scorpio maior* как трехпядевую (диаметр отверстия под торсион — 74 мм), а *scorpio minor* как двухпядевую (однолоптевую) катапульти (49 мм). Если же обратить внимание на железные натяжные рамы, найденные в Оршове, Лионе, Сале и Еленово, то можно увидеть, что их калибр очень близок к первой, а калибр рам из Горни — к последней. Также А. Уилкинс отметил, что и Д. Стивенсон и А. Ириарте применяли для своих реконструкций очень легкие болты (42 и 25 граммов, соответственно), которые лишены сколько-нибудь значительного бронебойного эффекта и, следовательно, не имеют никаких преимуществ перед стрелами для обычных луков. Что касается рекон-

струкции А. Ириарте, то ее торсионы, имеющие в 3,5 раза меньший объем, чем у остальных, явно не обладают способностью накопить потенциальную энергию в количестве, необходимом для боевого применения.

Как видно из вышесказанного, главным аргументом сторонников «больших торсионов» является слишком малая мощность машины, описанной в трактате Псевдо-Герона. Но, как заметил Х. Микс (Miks 2001: 173), «у продукта их реконструкции должны обязательно быть абсолютно другие характеристики, чем у орудия, описанного в тексте». У нас нет никаких разумных оснований полагать, что автор трактата или переписчики допустили столь значительные последовательные ошибки. Ведь изменение диаметра отверстия под торсион влечет за собой последовательное изменение других связанных с ним размеров, таких как диаметр отверстия под натяжную втулку и длина ее клина (Iriarte 2000: 56–57), в результате чего меняется конструкция всего камбестриона. Тогда как в тексте трактата все эти размеры находятся в полном согласовании между собой. Сами кассеты с торсионными пружинами, камбестрионы, имеют ярко выраженную палинтонную конструкцию, описанную у Филона (Philon. Bel., W52–53), Герона (Heron. Bel., W91–96) и Витрувия (Vitruv., X, 11, 4–5). Особенно это хорошо видно у камбестрионов из Салы (Boube-Piccot 1994: 192) и Еленово (Каушов, Minchev 2013: 334–336). Соотношение диаметра торсионной пружины к ее высоте у классических палинтонных кассет равно 1:9,1 у Витрувия (Vitruv., X, 11, 4–5) и 1:9,4 у Филона (Philon. Bel., W52–53). Сам Филон (Philon. Bel., W53) писал: «полная высота полупружины, когда подведен итог, равна 9 диаметрам, не считая клиньев». Если следовать цифрам трактата, то это же соотношение у камбестриона будет равно 1:11, что несомненно ближе к классическим палинтонам, чем у реконструкции А. Уилкинса (1:5,8). Именно к этому соотношению стремился Э. Марсден (Marsden 1971: 222–223), когда вместо $10 \frac{1}{2}$ принял цифру 20 дактилей, встречающуюся в одном из кодексов (Codex Vaticanus 1164), для высоты стойки камбестриона, тем самым добившись 1:11 для своей реконструкции. Тогда как, ошибочно рассчитав пропорции классической палинтонной кассеты, А. Уилкинс (Wilkins 1995: 19) пришел к неверному выводу: «Странно! Любой может сказать, что никакие размышления над этими расчетами не дадут точного соответствия между хиробаллистрой и двумя системами пропорций». Тем не менее, ни у одного из семи до сих пор найденных камбестрионов не выдерживается соотношение, которое дает трактат; все они ближе к реконструкции А. Уилкинса. Но не следует забывать, что перед нами теоретический трактат, описывающий пропорции идеальной машины, а не какой-либо конкретный ее экземпляр. Что касается

самого диаметра торсиона $1\frac{1}{3}$ (2,6 см) дактиля, то натяжные втулки с небольшим диаметром отверстия все же находят. Например, одна из втулок из эллинистического форта в Эпире (Baatz 1982: 156–157, 159) имеет диаметр 3,4 см, а другая из шотландского местечка Элгинхох (Hanson 2007: 405–406), где располагался передовой римский форт второй половины I в. — 3,5 см. Площадь поперечного сечения их отверстий вдвое меньше, чем у отверстия втулки А. Уилкинса, однако, такие метательные машины (видимо, ручные) в древности производились, и никто не считал их «игрушками». Небольшие торсионы, предлагаемые трактатом, вполне позволяют взвести хиробаллистру при помощи дугового упора гастралетного типа. Интерпретация А. Уилкинсом дугового сегмента, закрепленного в тыльной части ствола, в качестве плечевого упора сомнительна, так как даже самые крупные одноталантовые камнеметы практически не имеют отдачи (Macdonald, Mullen, Wilkins 2002: 14). Поэтому упирать хиробаллистру при выстреле в плечо, как огнестрельное оружие, не имеет особого смысла. Скорее всего, ее заднюю часть просто клали сверху на плечо, тем самым уравнивая машину. И, наконец, Вегетий (Veg. Epit., II, 15; III, 14; IV, 21) помещает манубаллистариев среди легковооруженных отрядов дротикометателей, лучников и пращников, отличавшихся своей мобильностью, которые потеряли бы ее «если *manuballistae* были бы пригвождены к земле своими лафетами» (Iriarte 2000: 66).

Тем не менее, более мощные ручные баллисты, видимо, существовали. Об этом свидетельствует находка трех небольших камбестрионов в юго-восточной и юго-западной башнях римского форта в Горне. Камбестрион №1 имеет диаметр отверстия для натяжной втулки 5,4 см, общую высоту — 13,3 см и вес — 331 гр., № 2 — 5,9 см, 14,4 см, 426 гр., № 3 — 5,4 см, 14,6 см, 447 гр., соответственно (Baatz, Gudea 1974: 54–57). Таким образом, натяжные рамы имели меньшую высоту, но больший диаметр торсионов (около 4–4,5 см) и баллисты, деталими которых они являлись, могли взводиться дуговым упором, как машина Д. Стивенсона, или небольшим воротом с коленчатой ручкой, подобной той, которая была найдена в Еленово (Каюмов, Minchev 2013: 327, 336–338). Судя по тому, что они были найдены в предместном укреплении, возможно, именно такие более мощные манубаллисты использовались для прикрытия переправ через реки.

В связи со всем вышесказанным, также хотелось бы отклонить предположение П. Чеведдена о том, что *manuballistae*, упомянутые в трактате анонимного реформатора, скорее, имели в качестве источника энергии луки, а не торсионы (Chevedden 1999: 151), как необоснованное (также см. прим. 103) (И. Ф. Каюмов).

⁹⁶ После того, как в 399 г. до н.э. были изобретены (Diod., XIV, 41, 4) и начали широко применяться в осадной войне метательные машины, наиболее талантливые военачальники стали пытаться использовать это новое грозное оружие в полевых условиях в целом и при переправах через реки в частности. Со временем, уже в римской армии, практика поддержки переправ при помощи метательной артиллерии стала стандартной и, впоследствии, дожила до византийских времен.

По-видимому, Александр Македонский был первым, кто понял, что мощь и дальность торсионной метательной артиллерии можно использовать, прикрывая ее стрельбой войска не только при штурме укреплений, но и при переправах через реки. По сообщению Арриана, во время фракийско-иллирийской компании 335 г. до н. э. при переходе через реку, арьергард македонской армии был атакован воинами царя тавлантиев Главкии. Александр «велел установить на берегу машины и метать с их помощью дротики на такое расстояние, на какое только достанет машина, а лучникам остановиться посередине реки и стрелять» (пер. М. Е. Сергеев). В результате этих действий противник был отогнан, а македонцы переправились через реку без потерь (Агг. Anab., I, 6, 8). Обращает на себя внимание то, что дальность выстрела из машины, как минимум, вдвое превышала дальность выстрела из лука. Несколькими годами позже (329 г. до н.э.) Александр снова применил катапульты для поддержки переправы своих войск через Яксарт (Сыр-Дарью). Арриан пишет, что они стреляли прямо через реку и, убив одного всадника сквозь щит и панцирь и нескольких ранив, очистили место для высадки. Таким образом, у него речь идет, скорее, о моральном эффекте применения машин против скифов (Агг. Anab., IV, 4, 4), но по Курцию Руфу именно метательные машины, установленные на плотах с десантом, обеспечили переправу через Яксарт, «удачно пуская дротики в густые ряды врагов» (пер. Д. А. Дрбоглава; Curt., VII, 9, 2–8). К походу Александра также относится, по-видимому, первое упоминание о поддержке метательными машинами с кораблей высадки Неархом десанта на морское побережье (Агг. Ind., XXIV, 7–8).

В 55 г. до н.э. заградительная стрельба из метательных машин, установленных на военных кораблях Цезаря, очистила плацдарм для высадки его солдат на побережье Британии (Caes. B.G., IV, 25, 1). Таким же образом, эффективной стрельбой из корабельной артиллерии (*tormentis ex navibus*), он обеспечил высадку трех когорт у одного из мостов в Александрии (Bel. Alex., 19, 3).

Превосходную картину применения подобной практики военачальниками эпохи принципата дает Тацит. Например, во время набега на

хаттов летом 15 г., при наведении моста через реку Адрану, метательная артиллерия и лучники Германика отогнали мешавших постройке моста германцев (Тас. Анн., I, 56). Домиций Корбулон, при переправе через Евфрат (63 г.), желая, чтобы вражеская конница, появившаяся на противоположном берегу, не препятствовала постройке моста, катапультами и баллистами с больших, скрепленных между собой бревнами кораблей с возведенными на них башнями, отогнал персов, метая камни и копья на расстояние, намного превышавшее дальность полета вражеских стрел (Тас. Анн., XV, 9). Здесь мы также видим, что дальнобойность метательной артиллерии заметно превосходила даже дальнобойность азиатских композитных луков. Замечательный образец усовершенствования тактики переправ дает попытка наведения наплавного моста через реку Пад (По) из состыкованных друг с другом и скрепленных бревнами кораблей вителлианцами под командованием Валента и Цецины во время гражданской войны 69 г. Тацит сообщает: «Мост заграждала установленная позади внешнего корабля башня, откуда орудия и машины отгоняли врагов. Отонианцы построили на берегу башню и метали камни и факелы» (пер. И. Ф. Каюмова; Тас. Hist., II, 34). Дион Кассий, касаясь того, как Авидий Кассий во время строительства моста через Евфрат (165 г.) очистил противоположный берег от противника при помощи метательных машин, дает детальное описание процесса наведения римлянами наплавных мостов и их защиты. Он специально отмечает, что судно-понтон, которое являлось ближайшим к вражескому берегу, должно было обязательно нести башни, ворота, лучников и метательные машины (Dio, LXXI, 3).

В позднеримской и ранневизантийской армиях тактические приемы поддержки и отражения переправ при помощи метательной артиллерии не только не были забыты, но и попали в военные и военно-технические наставления, такие как «Стратегикон» Псевдо-Маврикия. Примером могут служить меры, принятые Урзицином перед вторжением персидского царя Шапура (359 г.), а именно укрепление правого берега Евфрата фортами, палисадами и всякими сооружениями, а также установка метательных орудий в удобных для переправы местах (Amm., XVIII, 7, 6). Более того, в этот период подобный опыт активно перенимается варварами. Вот что пишет Прокопий Кесарийский о противостоянии готы и византийцев на реке Дракон: «Захватив мост через реку, так как они стояли лагерем очень близко от него, готы соорудили здесь деревянную башню, поставили на нее всякие машины, сделав между прочим так называемые баллистры, чтобы отсюда иметь возможность бить по наступающим врагам сверху» (пер. С. П. Кондратьева; Procop. Bel. Goth.,

IV, 35, 9). Готы, как мы видим, не только научились сооружать башни и строить метательные машины, но и правильно их применять, например, для защиты моста.

И, наконец, видимо, обобщив весь накопленный до него опыт, автор «Стратегикона» указывает на то, что перед наведением моста было необходимо провести комплекс мероприятий, которые включали в себя заготовку необходимого количества кораблей, в том числе и тех, которые служили основой для наплавного моста. Также, по его мнению, следовало установить баллисты на большую часть кораблей. Как только мост достигнет противоположного берега, заградительной стрельбой из баллист, установленных на дромонах, необходимо было отогнать противника от берега и прикрывать строительство до самого его окончания. После того, как мост наведен, необходимо было возвести башни из дерева, кирпича или камня, предварительно построив укрепление, окруженное ровом, откуда, действуя из баллист, защищать их постройку. (Maugis. *Strat.*, XII, B, 21) (И. Ф. Каюмов).

⁹⁷ Ядро римского флота эпохи империи состояло из сравнительно небольших кораблей. В крупнейших эскадрах, сосредоточенных в гаванях Мизена и Равенны, было лишь несколько квадрирем и квинкверем, одна гексера с шестью рядами весел, служившая, как предполагают, флагманом Мизенского флота, большинство же известных по надписям кораблей относилось к классу трирем и либурн, оптимально приспособленных для выполнения патрульных и полицейских функций, стоявших перед римским флотом этого времени. (Hocker 2000: 88, Rankov 2000: 79). Таков же был состав и провинциальных эскадр, преимущественно состоявших из кораблей дозорного типа.

Либурна была небольшим, быстрым, маневренным кораблем, названным по имени одного из народов далматского побережья, использовавших его для пиратских набегов. Под именем *lembos* этот тип судна довольно часто встречается в составе эллинистических флотов III–II вв. до н.э. (Morrison 2000: 72). В римском флоте либурины впервые надежно засвидетельствованы в битве при Навлохе в 36 г. до н.э. (App. V, С., V, 111), а в 31 г. до н.э. благодаря применению либурын была одержана победа в битве при Акции (Veget. Ep., IV, 33). «В дальнейшем, пишет Вегетий, обнаружилось, что корабли либуринов более пригодны, чем остальные. Поэтому, взявши их за образец и усвоив их название, по их подобию римские владыки создали свой флот» (Ibid).

Описания современников и большинство изображений свидетельствуют, что либурина приводилась в движение двумя рядами весел (Liv., XXIV, 40, 2; Lucan, III, 534; App. II., I, 3; Veget. Ep., IV, 37; Suda, s.v.

Λιβυρική), т.е. относилась к классу бирем, кораблям небольшого размера, с длиной корпуса до 20 м, шириной до 4 м и водоизмещением до 15 тонн (Coats 1994: 141). От своих предшественников по классу либурны отличаются отсутствием аутригера (apostis или paraxereisia), т.е., вынесенного за пределы корпуса бруса для поддержки весел, на котором крепились уключины. Многочисленные изображения либурны свидетельствуют, что уключины крепились внутри корпуса, а весла проходили через порты, прорубленные непосредственно в бортах судна. Балкон, который напоминает об аутригере, является чисто декоративной деталью, поскольку весла на изображениях проходят под ним, прямо сквозь корпус судна. Функции этой детали не вполне ясны, возможно, он использовался для защиты гребцов (Hocker 2000: 88). Либурна, изображенная на мозаике из Пощуоли, имеет 48 весел на борт, по 24 весла на каждом уровне. Каждым веслом управлял один гребец. Современные реконструкции предполагают, что гребцы сидели в два ряда, под небольшим углом друг к другу и к борту, гребцы нижнего уровня находились ближе к середине корпуса, гребцы верхнего уровня ближе к борту. Такая система позволяла уменьшить ширину корпуса, и, как следствие, увеличить его скорость и маневренность. (Coats 1994: p.140).

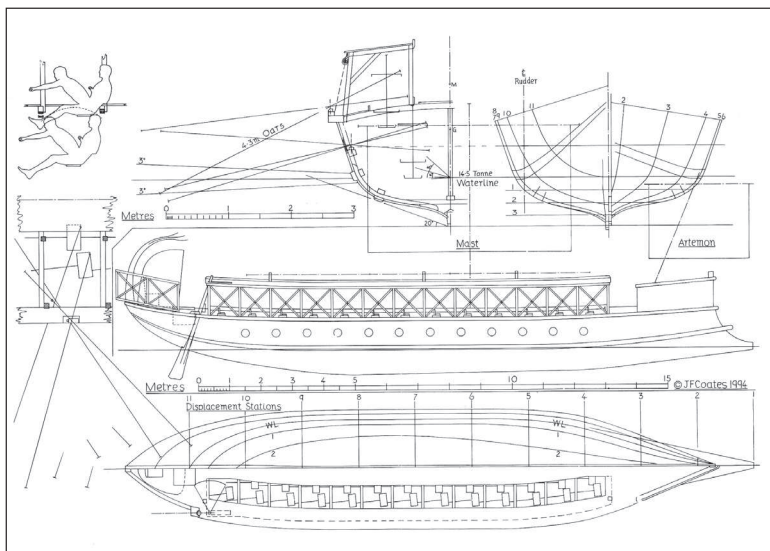

Рис. 48. Реконструкция корпуса либурны. Воспроизведено по: Coats 2000: 140.

Конструкцию корпуса судна можно изучить по останкам пяти дозорных кораблей сходного с либурной класса лузорий, найденных в 1981 г. у Майнца. (Hockmann 1982: 140 145). Все корабли относятся к единому типу длинных, узких, открытых судов, способных развивать большую скорость под парусом и на веслах. Корабль № 9, сохранившийся лучше других, был 21 м в длину и 2,7 м в ширину. Основой корпуса является остов судна, включавший составной киль и крепившиеся к нему шпангоуты. Гвоздями к шпангоутам прибиты доски внешней обшивки. Такая технология несколько отлична от обычной для Средиземноморья практики, при которой доски обшивки вначале скреплялись торцами при помощи деревянных шипов, а затем уже в это сооружение вставлялся остов судна. Подобные новации являются результатом заимствования кельтских традиций судостроения. Таким же заимствованием следует считать дубовую древесину, использовавшуюся в качестве материала для обшивки. В кораблях, плававших в Средиземном море, дуб использовался лишь в качестве материала для киля. Вегеций утверждает, что при постройке либурн для обшивки использовалась древесина ели, сосны или кипариса (Veget. Ep., IV, 34).

В лексиконе Суды либурна была описана как палубное судно, что подтверждается указанием Плутарха (Suda, v. s. Λιβυρνικαί; Plut. Cato Min., 54, 3). Эта палуба могла быть полной (constratum navis), под которой гребцы работали как под крышей, или включать лишь полупалубы на носу и корме (constratum puppis), соединенные продольным проходом

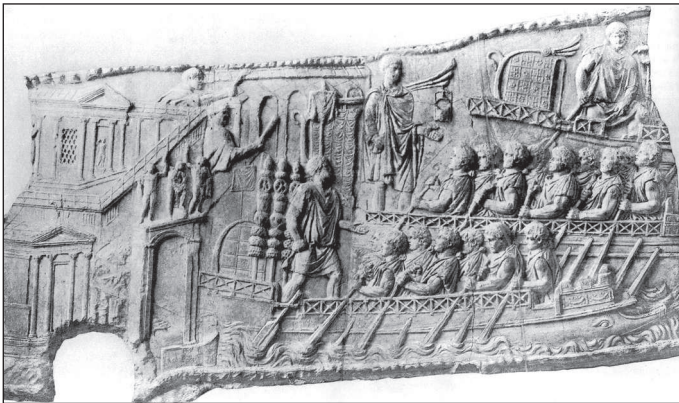

Рис. 49. Изображение либурны на колонне Траяна.
Воспроизведено по: Morrison 2000: 72.

(Снисаренко 1990: 287). Важен был общий признак — наличие свободной от рангоута средней части, на которой мог работать экипаж корабля и размещаться воины. На рельефе колонны Траяна видна носовая надстройка либурны, сделанная наподобие средневековых башен-кастлей. Во время боя здесь помещались лучники и метатели дротиков. На палубах более крупных кораблей с той же целью использовались башни (Veg. Ep., IV, 44). Метательные снаряды предназначались для выведения из строя как можно большего количества экипажа противника, прежде чем корабли столкнутся для решающей абордажной схватки. Несмотря на преобладание абордажа в морской тактике поздней античности, либурна на всех изображениях по-прежнему имеет таран. Veget. Ep., IV, 43) указывает, что таранная атака по-прежнему остается главной тактикой либурн (Ср. Propert. 4, 11, 44; Zosim., 5, 20, 3). Для ее осуществления применялась метровая балка, выдающаяся в носовой части корабля, к которой прикреплялись бронзовые ростры. Это оружие, в сочетании со скоростью хода и маневренностью либурны, давало ей существенное преимущество в бою с пиратскими кораблями, чья слабая конструкция не предполагала использования таранного удара, а также легкими ладьями варваров (Hocker 2000: 88–89) (А. В. Козленко).

⁹⁸ Количество людей в экипаже либурны восстанавливается лишь с приблизительной точностью. Наиболее многочисленной категорией моряков были гребцы. На мозаике из Пощуолли мы видим изображение либурны с 48 веслами на борту. Если допустить, что одним веслом управлял один гребец, получается 96 человек. Второй по численности категорией являются матросы, чьей обязанностью был парус и корабельные снасти. Обычно их было 10 человек, 5 из которых находились на носу и 5 на корме судна. Также к членам экипажа принадлежали морские пехотинцы-классиарии, численность которых неизвестна. На рельефе храма Фортуны в Пренесте на палубе корабля изображены 11 воинов, однако, поскольку рельеф дошел до нас в поврежденном виде, изначально их было больше. К получившейся цифре следует прибавить еще кормчего, двух его помощников, управлявших рулевыми веслами, начальника гребцов и начальника матросов. Сюда же следует прибавить некоторое число служивших на корабле специалистов: плотников, канатных мастеров, перевязчиков весел, медиков и трубачей. В итоге получается цифра примерно 130 человек (А. В. Козленко).

⁹⁹ В данном пассаже Аноним описывает конструкцию корабельного двигателя собственного изобретения. Основу механизма составляла упряжка из пары быков, приводившая в движение гребные колеса, за-

крепленные по обеим сторонам судна. Более подробные детали остаются неизвестными, однако их можно реконструировать из имеющихся параллелей в описании проекта водяной мельницы у Витрувия (Vitruv., 10, 5, 1). Механизм водяной мельницы представляет собой маховик, закрепленный на вертикальной оси и соединенный посредством зубчатой передачи с закрепленным на горизонтальной оси водяным колесом. Вращаясь под воздействием силы тяжести падающей воды, водяное колесо раскручивало зубчатую шестерню, цеплявшую другую зубчатую шестерню, приводившую в движение мельничный жернов. При раскопках Зальбурга археологами были обнаружены остатки рабочей части мельницы, конструкция которой полностью соответствовала этому описанию. В то время как в мельнице зубчатая передача переводила движение колеса из вертикальной плоскости в горизонтальную, в корабельном двигателе Анонима действовал обратный принцип перевода горизонтального движения в вертикальное. Быки были припряжены к деревянной штанге, прикреплявшейся, как это показано на изображении мельницы на ватиканском рельефе, к вертикальному шпилью. Вращая горизонтальный маховик, они приводили в движение зубчатую шестерню, вращавшуюся на одной оси с гребными колесами (Landels 2000: 16). Точное число быков Аноним не называет. Одна пара, по всей видимости, была лишь минимальным количеством, определявшим размеры рабочей площадки. Для того, чтобы пара быков могла свободно ходить по кругу его диаметр должен был быть не менее 3 м. Еще один метр следует оставить

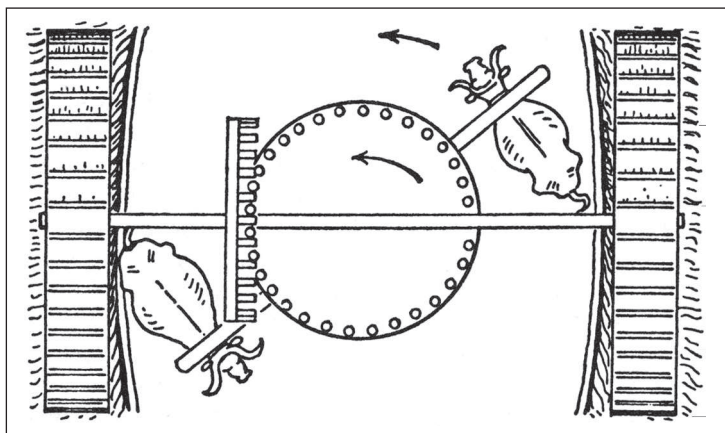

Рис. 50. Реконструкция колесного двигателя либурны.
Воспроизведено по: Landels 2000: 16.

на шпиль. Таким образом, при трех парах гребных колес минимальная ширина корабля должна равняться 4 м, а длина 14 м, что при мощности рабочего механизма «в шесть бычьих сил» является недостаточным для того, чтобы привести его в движение. (Landels 2000: 16; Hassal 1987: 87) (А. В. Козленко).

¹⁰⁰ Античные авторы особо отмечают скорость и маневренность либуры, что давало ей неоспоримые преимущества в столкновении с многорядными судами. Вергилий в V книге «Энеиды» описывает гонку на веслах, в которой принимали участие четыре корабля различных типов: быстроходный «Кит» (точнее, *Pristis* — акула), огромная «Химера», синегрудая «Сцилла» и мощный «Кентавр». Было высказано предположение, что «Химера» и «Сцилла» относились к классу трирем, «Кентавр» был квикверемой, а «Кит» — лембом, легким кораблем с двумя рядами весел (Morrison 2000: 73). Итоги гонки весьма показательны. Первой к финишу пришла «Сцилла», обладавшая лучшей гребной командой. «Кит» незадолго до финиша обогнал «Химеру» и пришел вторым. Более тяжелый по сравнению с другими участниками «Кентавр» сел на мель и выбыл из гонок (Verg. Aen., V, 114–285). Подобные результаты вне всякого сомнения отражают реальные возможности судов всех трех типов. Трирема является фаворитом морских гонок, лемб, значительно уступая ей по количеству гребцов, лишь немногим уступает ей по скорости. Суда с числом рядов весел более трех попадают в разряд аутсайдеров. Как свидетельствуют испытания современной реконструкции триремы, при хорошей погоде она шла на веслах со скоростью 8–9 км/ч, разгоняясь до скорости 12–15 км/ч на короткой дистанции. Предполагают, что лемб или либура передвигались со скоростью, лишь немного уступавшей скорости триремы — 7–8 км/ч при обычном темпе гребли, 10–12 км/ч при таранной атаке. (Coats 1994: p. 141) (А. В. Козленко).

¹⁰¹ По мнению Э. Марсдена *ballista fulminalis* была, однозначно, значительно больше по размеру, чем хиробаллистра Герона, машины с колонны Траяна, и собственная *ballista quadrirotis* реформатора (Marsden 1971: 245). Он сравнивает ее по размеру с баллистой, описанной Аммианом Марцеллином (XXIII, 4, 1–3). На самом же деле, как представляется и как отмечает Д. Баатц (Baatz 1999: 6), речь здесь идет о гигантском метательном орудии, которое могло взводиться только посредством системы блоков двумя ступенчатыми колесами. Тем не менее, античный мир, видимо, уже видел стрелометы подобных размеров. Это огромные одноталантовые (Caes. V. С., II. 2) и трехталантовые (Athen., V, 208c) осадные камнеметы палинотного типа, приспособленные для стрельбы

болтами (см. прим. 55). Например, реконструкция однотолантового камнемета, сделанная для телекомпании ВВС, весит 8,5 тонн без лафета, ее высота составляет 8,4 м, а длина — 12 м (Macdonald, Mullen, Wilkins 2002: 12, 17).

Рис. 51. Реконструкция баллисты (паллинона) для телекомпании ВВС, предназначенной для метания каменных ядер весом в один талант (26,2 кг).
Воспроизведено по: Macdonald, Mullen, Wilkins 2002: 15.

Р. Оливер, неправильно интерпретировав *ballista fulminalis* и идентифицировав ее с βαλλίστρα, описанной Прокопием (Procop. Bel. Goth., I, 21, 14–18), верит, что ее потомки дожили до византийских времен и использовались Велизарием при обороне Рима от готов (Oliver 1955: 117). П. Чеведден говорит, что хотя описание этой катапульты указывает на то, что она была испытана на практике и «была проверена опытом», невозможно определить, получило ли это артиллерийское орудие когда-нибудь широкое применение (Chevedden 1999: 160). Д. Баатц полностью отрицает факт ее испытаний, говоря о ней, как о «продукте фантазии, вероятно, никогда и не построенном» (Baatz 1999: 6).

Если же наш анонимный автор посвятил настоящий трактат императору Валентиниану I, который, как мы знаем, изобретал новые виды оружия (Amm., XXX, 9, 4; Aurel. Vict. Epit., XLV, 6), то представляется, что такая машина вполне могла быть построена и испытана. Тем более, ничего недоступного для уровня технологии того времени в ее устройстве нет (*И. Ф. Каюмов*).

¹⁰² Э. Марсден отмечает, что в IV в., «по-видимому, существовала специальная артиллерийская категория, предназначенная, главным образом, для защиты стен и называемая, в основном, *tormenta muralia*». (Amm., XVII, 1, 12; XVIII, 9, 1; XXIV, 4, 12; 5, 6).

Д. Кэмпбелл добавляет, что «новая стратегия активной обороны укреплений — это явление конца третьего века: утолщение стен фортов и совершенствование внешних укреплений указывают на тенденцию к противодействию прямому штурму вместо того, чтобы гарнизон выходил для встречи нападающих» (Campbell 1984: 81–82). Таким образом, широкая дислокация артиллерии в римских укреплениях, по-видимому, началась только на рубеже III–IV вв.

Парк крепостной артиллерии, в отличие от легионов баллистариев, включал в себя, как считает Э. Марсден, в основном, одноплечевые камнеточные машины (видимо, отсюда название «*Castellum Onagrinum*» — Not. Dign. Occ., 32, 41) и некоторое количество стационарных стрелометов разных размеров (Marsden 1969: 197). По всей видимости, остатки стрелометных машин, принадлежащих именно к *tormenta muralia* были найдены в башнях предмостных фортов дунайского лимеса (Оршова/Dierna и Горня, Румыния) в слоях разрушения конца IV в. (Baatz 1978: 9, 14). К довольно крупному стреломету принадлежащему к крепостной артиллерии, видимо, также относится бронзовая натяжная втулка из Питиунга-Питиуса (Абхазия), также найденная в одной из башен в слое IV в. (Кигурадзе, Лордкипанидзе, Тодуа 1987: 91–92; Baatz 1988: 59–61) (*И. Ф. Каюмов*).

¹⁰³ Данное предложение вызывало и вызывает самые ожесточенные споры среди исследователей. Большинство из них были склонны видеть в *arcus ferreus* некую стальную плоскую пружину арбалетного типа (Oliver 1955: 113–118; Ireland 1979: 34; Chevedden 1999: 157–160), которая служила заменителем традиционных торсионных пружин из волосяных или сухожильных канатов. Р. Шнейдер (Schneider 1908: 21), также интерпретируя *arcus ferreus*, как стальной лук, даже сделал на этом основании совершенно неверный вывод о том, что трактат анонимного реформатора является подделкой XV века.

Последовательным защитником возможности наличия у римлян стальных луков в настоящее время является П. Чеведден (Chevedden 1999: 157–160). Его позиция основывается на главном тезисе: римляне могли производить высококачественную пружинную сталь, необходимую для производства стальных дуг для катаapult. В доказательство этого тезиса он ссылается на лезвие романо-британской косы, найденное, в составе клада железных орудий в Грейт-Честерфорде (White 1984: 126) и детально исследованной в «Научно-исследовательском институте железа и стали», но забывает упомянуть, однако, что К. Уайт там же предостерегал от «опасности выводить общие заключения из одноединственного исследования». Исследователи пришли к выводу, что у этой косы режущая кромка была сформирована из ряда стальных полос с очень высоким содержанием углерода, возможно, наваренных на более низкоуглеродистую основу. Здесь надо пояснить, что вплоть до XVII столетия (Малиновы 1988: 175) металлурги не могли достигнуть высоких температур (порядка 1500 °C), которые были необходимы для перехода железа в жидкое состояние и равномерного распределения в нем большого количества углерода и, как следствие этого, получения стали с однородными свойствами. В древности же существовало, как сейчас полагают, лишь три основных способа получения стали. Во-первых, за счет природных факторов, например, изначального использования руды с высоким содержанием углерода. Такая руда встречалась в римской провинции Норик (White 1984: 10; Forbes 1950: 409). Этот способ требовал высокого мастерства металлургов (нужно было строго выдерживать температурный режим, чтобы не обезуглеродить крицу) и особой сыродутной шахтной печи. Во-вторых, при помощи процесса тигельной плавки. Но убедительным свидетельством незнания римлянами этого процесса служит тот факт, что «вся их лучшая сталь была импортирована с Востока» и являлась индийской сталью из района Хайдарабада, известной в настоящее время как «вутц». Вутц производился из черной магнетитовой руды, бамбукового древесного угля и листьев

некоторых богатых углеродом растений, герметизированных в тигле из местной глины (Forbes 1950: 409–410). Именно из вутца производилась так называемая «дамасская сталь». Оба этих способа получения стали ориентировались, прежде всего, на особые местные условия и были, в известной степени, уникальными, поэтому не могли служить основой для замены существующего артиллерийского парка. Основным же способом получения стали в древности был процесс цементации кованого железа (Forbes 1950: 411). В печах древних металлургов железо скапливалось в виде тестообразной массы, которая затем сваривалась в крицу, пропитанную шлаком и остатками горючих материалов. При такой технологии в железо из древесного угля переходило ничтожно малое количество углерода. Но при последующем длительном нагреве (при температуре порядка 900–1000 °С) полученного таким образом железа в закрытом горне, наполненном качественным древесным углем, на его поверхности образовывался тонкий слой с более высоким содержанием углерода, который и придавал этому железу свойства стали. Этот процесс называется цементацией. Для того, чтобы удержать этот углерод, необходимо быстро охладить железо, что достигалось погружением его в воду или масло, то есть закалкой. Но такая сталь слишком тверда и хрупка, поэтому для придания ей гибкости и более равномерного распределения углерода по всему объему сталь ковалась, а затем опять нагревалась в закрытом горне. Этот процесс (цементация, закалка и проковка) повторялся многократно, до придания стали необходимых качеств (Малиновы 1988: 176; White 1984: 126; Forbes 1950: 411). Для придания упругости стали, полученной таким образом, ее необходимо было отпустить при более низкой температуре (порядка 600 °С). Таким образом, мы видим, что сложность производства однородной высокоуглеродистой стали очень велика, как отмечает Р. Оливер (Oliver 1955: 115), «пропорционально увеличению ее толщины почти в геометрической прогрессии». Вышеописанная технология реальна, но очень трудоемка и требует высочайшей квалификации кузнецов (необходимо очень точно выдерживать температурные режимы и многократно перековывать изделие). Тем не менее, у древнего кованого железа, «прежде всего, содержание углерода различается по всему предмету», то есть оно «насталивается частично и неравномерно» (Forbes 1950: 411). Как отмечает Ю. Шокарев (Шокарев 2001: 75), даже в XIV–XV вв. кузнецы «не всегда могли выковать качественную сталь, поэтому известны случаи, когда дуга ломалась». Видимо, именно поэтому самое большое количество арбалетов со стальными дугами, дошедших до нас, относится к концу XVI века и XVII в., то есть к тому времени, когда изменились металлургические процессы. Следует

добавить, что ни один из вышеперечисленных способов не гарантирует как однородных характеристик, необходимых для получения пружинной стали в древности, так и того, что эта сталь будет «содержать нужное количество углерода в своем составе» (Шокарев, 2001, 74). У вышеназванного лезвия косы так мало высокоуглеродистой стали (мы даже не знаем, отвечает ли она требованиям упругости) и так много ее требуется для производства даже одной дуги машины реформатора, что данное свидетельство никак не может служить доказательством точки зрения П. Чеведдена. Скорее всего, это продукт индивидуального мастерства отдельного кузнеца, который не мог быть повторен в больших объемах с одинаковым результатом, что было бы неприемлемо для реформатора, так как он явно предполагал крупномасштабную замену существующих крепостных орудий своими. К тому же, это противоречило бы одной из идей трактата, а именно идее экономии людских и материальных ресурсов, так как то, что сложно в производстве и доступно не каждому кузнецу или *fabrica*, стоит дорого. Также надо отметить, что средневековые арбалетные дуги имеют довольно сложный профиль; данное обстоятельство также вело к значительному усложнению производства и, следовательно, их стоимости.

Р. Оливер (Oliver 1955: 115–116) пытался снять это противоречие, основываясь на иллюстрациях и прямом указании в тексте, что дуга была расположена выше желоба, по которому движется выстреливаемая стрела. Он заявил, что античный военный инженер «сконструировал бы свою машину, применив простую, сделанную из стали, имеющей постоянное сечение, форму; и если толщина и ширина металла приблизительно равны, то его упругость наиболее эффективно используется формой, которая распределяет изгибающее напряжение равномерно по всей длине металла». Р. Оливер сделал вывод, что «формой, в которой наиболее явно сходятся эти требования, является 180-градусная арка, поддерживаемая только в крайних точках» (Oliver 1955: 116). То есть, по его мнению, стальная упругая арка располагалась в плоскости перпендикулярной стволу и сжималась, при оттягивании тетивы, двумя стойками, прикрепленными к концам этой арки. Он заключает, что, «должно быть, использовалось какое-то устройство, вероятно, система блоков для того, чтобы преобразовать продольную силу, производимую при отведении *kegaia* (то есть ползуна орудия, описанного Прокопием (Procop. Bel. Goth., I, 21, 14–18)) воротом, в поперечную силу, необходимую для сжатия дуги» (Oliver 1955: 115), упуская из виду, что в этом случае и стальная дуга, и стойки, ее сжимающие, должны располагаться в некой направляющей конструкции, которая удерживала бы их в вертикальном

положении, в то же время позволяя им свободно перемещаться вдоль нее. Данная невероятно сложная конструкция (вертикальная дуга, стойки, система блоков и направляющие) опять вступает в противоречие с идеей экономии и находится за гранью инженерной целесообразности, то есть тот же результат можно получить гораздо более простым и дешевым способом. Тем более, вышеописанная схема не подтверждается никакими свидетельствами, ни текстовыми, ни иллюстративными, ни в данном трактате, ни где бы то ни было еще. Кстати, тот факт, что дуга должна была находиться выше направляющего желоба для стрелы, был оставлен П. Чеведденом без комментариев. Видимо, потому что это противоречило бы его гипотезе о стальном луке. Дело в том, что у механических метательных устройств арбалетного типа во все времена и у всех народов лук, сообщающий стреле поступательное движение, был расположен ниже плоскости движения стрелы. Если бы горизонтальный стальной лук был помещен выше данной плоскости, то приложенная к тетиве сила стремилась бы поднять тыльную часть ползуна и вытащить ее из паза в ложе ствола, а также перевернуть болт в момент его движения по желобу, тем самым вызвав нестабильность его дальнейшего полета. Этот конструктивный недостаток можно было бы компенсировать некоторыми техническими мероприятиями — такими как установка специальных направляющих, опускание плеч лука ниже плоскости выстрела и так далее. Но все эти мероприятия, как и само расположение такого лука, требующее специальной монтажной конструкции, а не просто сквозного отверстия в стволе, очень сильно усложняют машину. Любой нормальный механик решил бы эту задачу, просто поместив лук ниже желоба, поэтому данный пассаж, однозначно, свидетельствует против гипотезы П. Чеведдена о стальном луке арбалетного типа. Также следует заметить, что ссылка П. Чеведдена на описание и испытание тяжелого осадного арбалета XV в., сделанное лордом Р. Пейном-Гэллвеем (Payne-Gallwey 1903: 14), совершенно неправомерна, так как данный арбалет, несмотря на всю его величину (общий вес — около 8,2 кг, сила натяжения — 545 кг), все же является оружием ручным. То есть, по словам Р. Пейна-Гэллвея, этот «огромный» арбалет «мог удерживаться и наводиться физически очень сильным человеком», обычно опиравшим его на парашет или небольшую треногу. А *ballista fulminalis* реформатора, как уже отмечалось выше, должна была быть очень большим стационарным крепостным орудием, и для него потребовался бы гигантский стальной лук. Например, композитные луки стрелометов Зоппира из Тарента (Biton, W62, W65–66) имели размах 2,16 м и 2,77 м, а камнеметов Харона из Магнесии и Исидора из Абида, по оценке Э. Мар-

сдена (Marsden 1971: 80, 83), — 2,77 м и 4,62 м (sic!) соответственно. А лук вышеназванного осадного арбалета имел размах всего лишь 0,97 м. Однако, Э. Шрамм (Schramm 1918: 47–50) при реконструкции одного из стрелометов Зопира (Biton, W65–66) и гастрфета, описанного Героном (Heron. Bel., W75–81), применил луки из пружинной стали и предположил, что его так называемое «переходное орудие» в своей последней модификации точно соответствует «молниеносной баллисте» реформатора (Schramm 1918: 50). Но, как убедительно показал Э. Марсден (Marsden 1969: 4–8), греки использовали для своих ранних неторсионных орудий все же композитные, а не стальные луки. Единственной античной машиной, которая использовала упругие свойства металла, был экспериментальный халкотон Ктесибия (Philon, Bel., W67–73). Но у него в качестве упругих элементов использовались литые бронзовые пружины рессорного типа, которые просто заменяли торсионы из канатов. Поэтому эта машина осталась в конструктивных рамках торсионных орудий и ничего общего ни с одной из интерпретаций баллист реформатора не имеет.

Возможность применения стального лука не исключает и Т. Рилл (Rihll 2007: 242), пытаюсь объяснить, почему в таком случае на изображениях баллист «лук» показан под прямым углом к стволу. По ее мнению, все дело в том, что средневековые иллюстраторы зачастую совмещали несколько проекций одного и того же предмета на одном рисунке. И мы, возможно, имеем здесь подобный случай. Но она все равно не смогла дать разумное объяснение, почему лук крепится к стволу не за центральную несгибаемую часть, а за гибкие концы, тем самым мешая его взведению. После чего, вслед за М. Хэссалом (Hassall 1979: 82), она пришла к выводу, что «арка — это просто прочная железная конструкция, удерживающая концы тетивы абсолютно твердо» и, что «крепкая веревка из жил», «привязанная между стойками арки является тетивой и источником энергии одновременно» (Rihll 2007: 243). Таким образом, все устройство должно напоминать огромную современную рогатку с тетивой из сухожильной веревки, а не резинового жгута. Но Т. Рилл забывает, что рабочая деформация у сухожилий не превышает 8 %, в отличие от 300 % у резины (Gordon 1978: 77). Поэтому перемещение сухожильной тетивы при взводе баллисты будет незначительным по сравнению с ее длиной и явно недостаточным для накопления необходимой для запуска снаряда энергии.

Другая точка зрения на *argus fergeus* и, тем самым, на источник движущей силы *ballista fulminalis*, представляющаяся мне наиболее вероятной, была впервые озвучена Э. Марсденом (Marsden 1971: 234–236, 240–246) и поддержана Д. Баатцем (Baatz 1988: 62–63; Baatz 1999: 6) и А. Ириарте

(Iriarte 2003: 135–136). Его выводы были основаны, главным образом, на замечательной интерпретации (Marsden 1971: 206–33) трактата Псевдо-Герона о хиробаллистре (Heron. Cheir. W123–134), блестяще подтвержденной впоследствии археологическими находками в Оршове / Dierna и Горне, Румыния (Baatz, Gudea 1974: 50–72), Лионе, Франция (Baatz, Feugère 1981: 201–209), Сале, Марокко (Boube-Piccot 1994: 188–195) и Еленово, Болгария (Кауинов, Minchev 2013: 327, 332–336). Согласно этой точке зрения, arcus ferreus является не чем иным, как железной арочной распоркой или «малой аркой» (kamation), соединяющей и удерживающей натяжные рамы позднеримской торсионной баллисты в необходимом положении. И, тем самым, влечет за собой вывод о том, что баллисты реформатора были торсионными орудиями. Здесь мы вплотную подходим к анализу иллюстраций, сопровождающих текст трактата. П. Чеведден без всяких на то оснований отмел их, поскольку он посчитал, что они «они нелепы с точки зрения механики и не подтверждены любыми другими описаниями катапульта или дошедшими до нас художественными изображениями античной артиллерии» (Chevedden 1999: 158). Ни первое, ни второе его утверждение не является верным. Да, действительно, как отмечает Д. Баатц, «при перерисовках иллюстраций на протяжении многих веков многие технические подробности потеряли свою ясность» (Baatz 1999: 6), в том числе пропали и изображения торсионов. Но на иллюстрациях всех копий трактата, с разной степенью достоверности, мы можем видеть направленную вверх арку, которая очень сильно напоминает дуговые сегменты sarcoballistae с колонны Траяна (ТС. XL, 104–105; LXVI, 163–166; 169). В обоих случаях арка занимает почти все пространство между натяжными рамами, хотя, в действительности, как это ясно из текста (Heron. Cheir., W130) и рисунков (Wescher 1867: 132) трактата, а также арочной распорки, найденной в Оршове (Baatz, Gudea 1974: 57–58), диаметр дугового сегмента арочной распорки составляет не более одной пятой от ее общей длины. Как и исчезновение торсионов, так и слишком большая арка на иллюстрациях реформатора вполне объяснимы. На средневековых иллюстрациях к трактату Герона Александрийского о метательных машинах (Wescher 1867: 87, 103, 106) торсионные канаты и стойки натяжной рамы зачастую показаны в виде нескольких прямых вертикальных линий, которые при многократном перерисовывании (мы знаем, как минимум, о двух) могли постепенно превратиться в одну. А арочная распорка была настолько характерной деталью этих машин, что акцентировала на себе внимание и вызывала у переписчиков произвольное желание, в этом почти нет сомнений, еще больше выделить этот элемент. Еще одним

Рис. 52. Вверху — две *ballistae* с железными натяжными рамами, установленные на крепостной стене. Внизу — расчет баллисты из двух человек готовится к стрельбе из бревенчатого полевого укрепления.

Колонна Траяна. Рим, 113 г. (сцена LXVI,165–166).

Воспроизведено по: Wilkins 1995: 49, fig. 25.

Рис. 53. Два дака с трофейной баллистой.

Колонна Траяна. Рим, 113 г. (сцена LXVI,165–166).

Воспроизведено по: Wilkins 1995: 9, fig. 2.

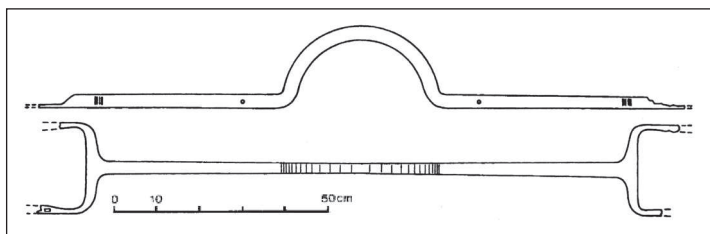

Рис. 54. Арочная распорка, найденная в Оршова (Румыния), конец IV в.
Воспроизведено по: Baatz 1978: 11, fig. 9.

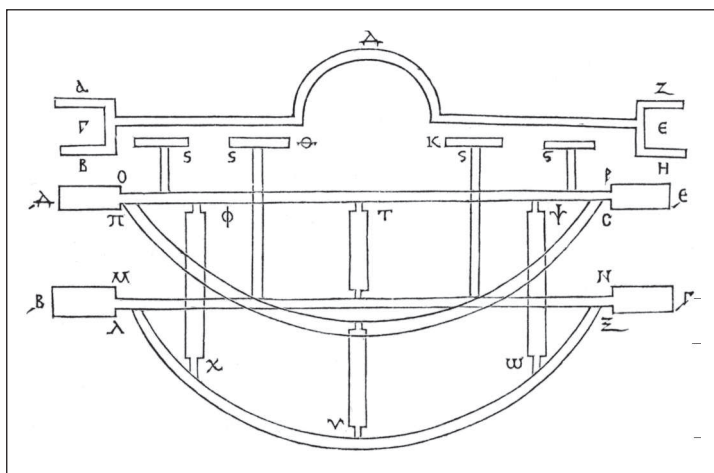

Рис. 55. Арочная распорка из иллюстрации к трактату Герона
«Устройство и размеры хиробаллистры». Bibliothèque National, Paris,
Codex Parisinus inter supplementa Graeca 607, fol. 58 v.
Воспроизведено по: Wescher 1867: 132, fig. 43.

доказательством достоверности иллюстраций к трактату является то, что стволы орудий, изображенных на них, разделяются (это ясно видно) на две части: подвижную (ползун, *διόστρα*) и неподвижную (ложе, *σπυρίξ*). Это разделение является отличительной особенностью только античных машин; средневековые и эпоха Возрождения не знают такой конструкции ствола — спусковые механизмы и натяжители средневековых стрелометов работали по-другому. Это касается и спусковых механизмов, изображенных на иллюстрациях, особенно тех, которые были сделаны в Базеле в 1436 г. для падуанского епископа Пьетро Донато

(Bodleian Library, Oxford, MS. Canon. Misc. 378, fol. 71v, 76r). Несмотря на то, что спусковые механизмы на них показаны весьма условно, можно с большой долей вероятности утверждать, что это — античная «клевня», а не средневековый «орех». Дело в том, что античный спусковой механизм, по всей видимости, не был известен или не применялся в средневековье вследствие своей большей сложности изготовления и вследствие того, что он был рассчитан, в первую очередь, на машины большой мощности (двухплечевые камнеметы палинтонного типа), которых средневековье не знало. Нет ни одного материального и письменного свидетельства о существовании «клевни» в средневековье. Существует только одна-единственная миниатюра, возможно показывающая данный тип спускового механизма — это изображение (Bodleian Library, Oxford, MS. 264, fol. 201r) торсионного спрингалда из рукописи «Романа об Александре» (1338–1344 гг.). Вероятнее всего, автор иллюстраций к данной рукописи мог видеть результат неправильной интерпретации какого-нибудь античного трактата о метательных машинах. Эта миниатюра является исключением из общего правила и поэтому не может служить доказательством существования античной «клевни» в средневековье. В связи со всем вышесказанным, мне непонятен вывод П. Чеведдена о том, что каролингский монах-переписчик мог запросто создать свои собственные иллюстрации к трактату, без опоры на римский оригинал (Chevedden 1999: 158). Ни в эпоху Возрождения, ни тем более в IX веке, никто не смог бы специально придумать столь характерные детали, присущие, в своей совокупности, только позднеримской артиллерии. Как правильно заметил П. Чеведден, «дошедшие до нас иллюстрации древних катапульта нетренированному глазу кажутся очень запутанными», а рисунки реформатора «совершенно не похожи ни на какое классическое описание или средневековую копию греческой или римской иллюстрации катапульта» (Chevedden 1999: 158). Но здесь необходимо пояснить, что данное обстоятельство касается лишь технических трактатов, с детальной описанием размеров узлов машин и их сборки в единое целое. Их «чертежи предназначены только как руководство для людей, которые уже знакомы с тем, что изображено» (Hassall 1999: 24), то есть античных механиков и инженеров. В данном же случае, как правильно заметил Р. Оливер, «De rebus bellicis» — это «не трактат или детальная схема, а проспект с ярко раскрашенными рисунками и минимумом текста, предназначенный для того, чтобы приковать внимание императора» (Oliver 1955: 113). И вполне очевидно, что баллисты реформатора не похожи на машины с классической эллинистической компоновкой, так как они являлись позднеримскими стрелометами с железной натяжной рамой.

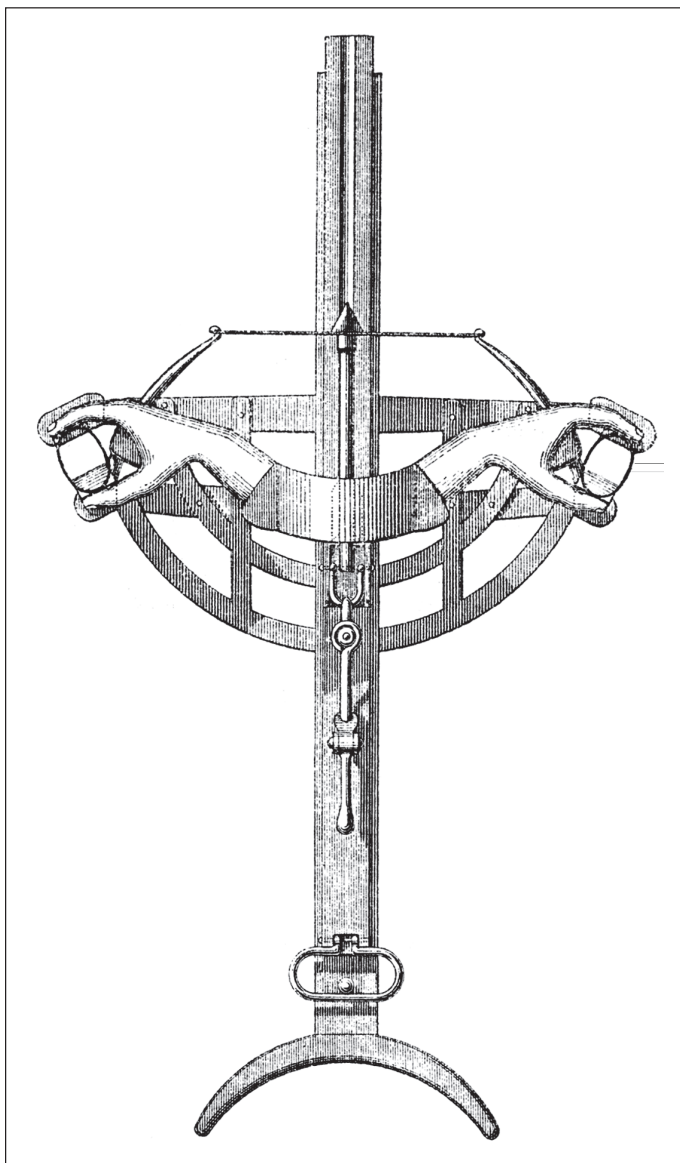

Рис. 56. Реконструкция хиробаллистры Герона по В. Пру.
Воспроизведено по: Prou 1877: 202, fig. 47.

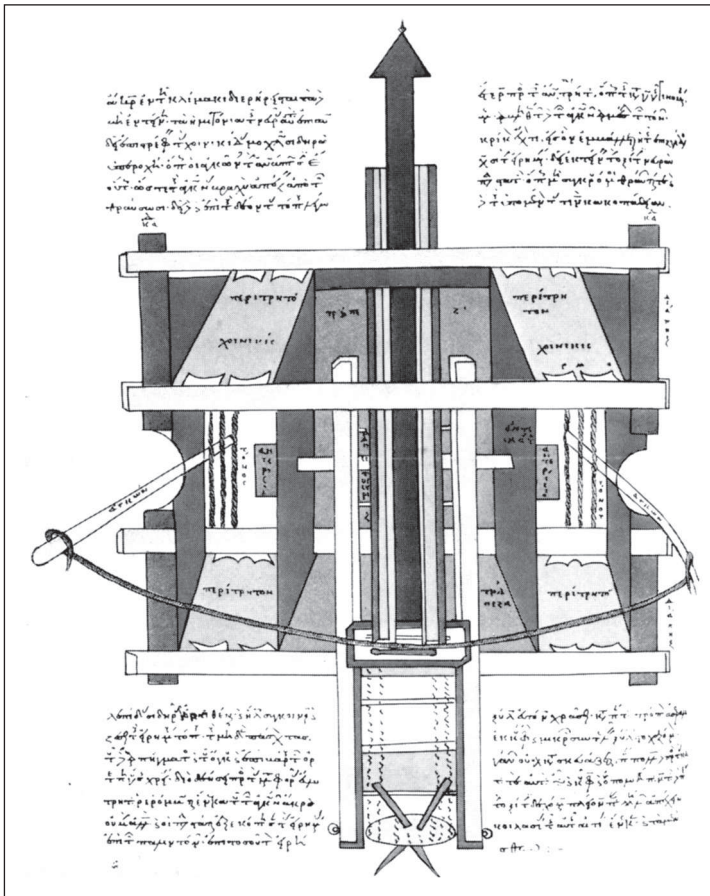

Рис. 57. Рисунок палинтонного орудия из трактата Герона «Велолоиκά». Bibliothèque National, Paris, Codex Parisinus 2442, fol.76 v. XI в. Воспроизведено по: Schramm 1918: 13, Abb. 2.

Как раз одно из кардинальных отличий баллист реформатора от эллинистической компоновки, а именно: местоположение всей натяжной рамы, является еще одним немаловажным свидетелем в пользу версии о железной арочной распорке. Классическая эллинистическая компоновка торсионных метательных машин, без сомнения, произошла непосредственно от более ранних стрелометов и камнеметов, использовавших в качестве источника упругой энергии композитный лук;

эвтитонная компоновка (εὐτίτωνος) — от обычного лука, а палинтонная (παλίτωνος) — от двояковыгнутого (Marsden 1969: 16–17, 20–23; Marsden 1971: 44–45). Как у гастраретов и станковых луков, так и у эллинистических торсионных машин с деревянной натяжной рамой, источник движущей силы должен был помещаться в передней части ствола для максимального использования его длины (рабочего хода тетивы) и тем самым накопления максимального количества энергии (Шокарев 2001: 164–165); метательные же плечи были направлены наружу. Таким образом, все эти орудия в плане напоминали букву «Т». Данная компоновка обладает одним существенным недостатком, а именно: передняя часть ствола (от местоположения тетивы в состоянии покоя до его среза) довольно значительной длины, в зависимости от ширины натяжной рамы и угла поворота метательных плеч, не принимает участия в разгоне снаряда. Этот недостаток можно компенсировать удлинением плеч и, соответственно, длиной тетивы и ее ходом, но нельзя это делать до бесконечности, так как, в конечном счете, растут горизонтальные габариты машины. Как представляется, римским инженерам удалось решить эту проблему, отказавшись от классической компоновки и убрав плечи внутрь натяжной рамы. Немаловажную роль в решении этой задачи сыграло то, что натяжные рамы стали делать из железа, тем самым резко снизили их габариты (деревянная рама под внутреннее расположение плеч была бы слишком громоздкой). Первым, кто предположил, что античные торсионные машины могли иметь такую компоновку, был французский гражданский инженер XIX века В. Пру (Prou 1877: 69, 79–88, 111–113), сделав это в обширной работе, посвященной трактату Псевдо-Герона о хиробаллистре. Основываясь на дословном переводе слова παλίτωνος, то есть «пружина, загнутая в обратную сторону» и неправильной интерпретации узлов метательных машин из древних артиллерийских трактатов (Heron. Bel., W91–104; Philon. Bel., W51–54) и их сборки, он предположил, что все типы камнеметов (палинтонов), в отличие от стрелометов (эвтитонов), имели внутреннее расположение метательных плеч. При этом он проигнорировал рисунок из трактата Герона с изображением палинтонна (Wescher 1867: 103). Средневековый переписчик, конечно, не знал, что копирует, но, несмотря на это, главные компоненты палинтонна все же ясно различимы и нет никакого сомнения в том, что плечи на рисунке направлены наружу. Такое же внутреннее расположение плеч В. Пру перенес и на хиробаллистру, ко всему прочему, неправильно интерпретировав ее как аналог халкотона Ктесибия (Philon. Bel., W67–73). Но после исчерпывающих работ по античной торсионной метательной артиллерии, сделанных Э. Шраммом (Schramm

1917: 718–734; Diels, Schramm 1918, 1–56; Diels, Schramm 1919: 1–76) и Э. Марсденом (Marsden 1969: 16–47, 199–206; Marsden 1971: 17–60, 105–205), вопрос о внутреннем расположении плеч у орудий палинтонного типа с деревянной натяжной рамой казался бы был окончательно закрыт. И только недавно появились несколько работ, в которых вновь была поднята эта проблема (Anstee 1998: 131–139; Iriarte 2000: 47–75; Iriarte 2003: 111–140). Первая целиком посвящена внутреннему вращению плеч на авторской реконструкции баллисты Оршовского типа. Автор второй, поначалу лишь осторожно упоминавший о возможности такого расположения (Iriarte 2000: 63), в третьей уже не сомневается в правильности этой гипотезы, даже перенося ее вслед за В. Пру на классические деревянные палинтонные орудия. В большой обзорной работе Т. Рилл (Rihll 2007: 213–218) принимает сторону А. Ириарте в том, что плечи орудий с железной натяжной рамой вращались внутри нее.

Что же дает нам основания полагать, что плечи на позднеримских стрелометных баллистах были направлены внутрь натяжной рамы? Впервые, очень небольшое количество изобразительных источников, как эллинистического, так и римского времени, к которым сейчас можно отнести и иллюстрации к трактату анонимного реформатора. Если мы посмотрим на современные реконструкции античных метательных машин (их уже сделано немалое количество, начиная с Э. Шрамма), то обнаружим, что плечи являются яркой и запоминающейся их деталью, которую античный художник непременно бы изобразил. И действительно, на двух дошедших до нас рельефах с фронтальными изображениями эллинистического и римского скорпионов с деревянной натяжной рамой плечи присутствуют. Это рельеф с фриза святилища Афины в Пергаме (около 170 г. до н. э.) и надгробие римского военного инженера, служившего при Веспасиане и Домициане, Гая Веденция Модерата (около 100 г.) (Schramm 1918: 35–36). Тогда как на рельефах с колонны Траяна (113 г.), изображающих стрелометные баллисты с железной натяжной рамой, их нет. И это при всей детальности и достоверности изображенных на колонне предметов вооружения и экипировки именно римской армии (в отличие от вражеских, которые скульпторы могли никогда не видеть). В. Пру, обративший внимание на отсутствие плеч, счел данный факт несомненным доказательством того, что у этих машин они были направлены внутрь натяжной рамы (Prou 1877: 113). Кроме того, колонна Траяна дает нам еще несколько косвенных свидетельств в пользу данной гипотезы. У такой машины натяжная рама должна быть помещена не в передней части ствола, как у прежних эллинистических орудий, а несколько сдвинута назад. Это расстояние зависит от длины плеч, которая, в свою очередь,

Рис. 58. Натяжная рама стрелометной катапульты на рельефе с фриза святилища Афины в Пергаме. II в. до н. э. Воспроизведено по: Baatz 1978a: 56, Abb. 14.

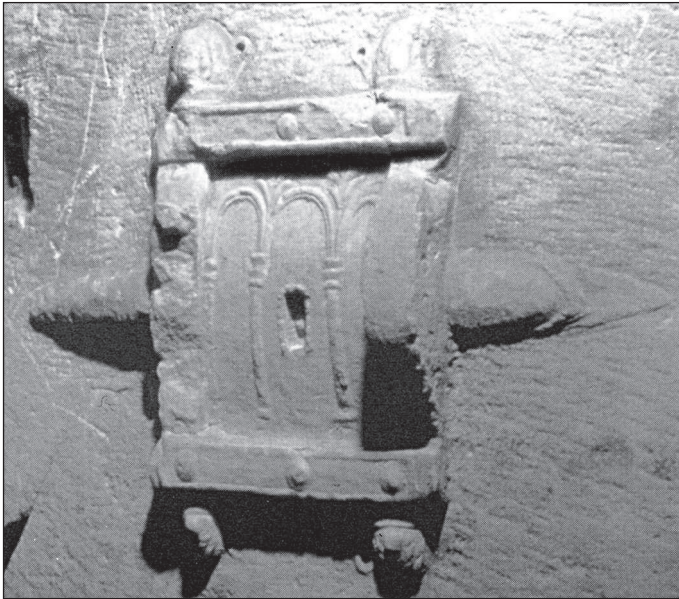

Рис. 59. Натяжная рама стрелометной катапульты с надгробия Гая Веденния Модерата. Ватикан, около 100 г. Воспроизведено по: Wilkins, Morgan 2000: 89, fig. 15.

зависит от ширины рамы, так как при выстреле они продолжают свое движение за ее переднюю плоскость. Поэтому часть ствола, и довольно значительная, должна выдаваться вперед, за пределы натяжной рамы (чего, кстати, нет на реконструкции Д. Энсти). Данную конструктивную особенность мы ясно видим на пяти машинах из семи, представленных на рельефах. Из двух оставшихся одна (ТС. LXVI, 163–164) изображена во фронтальной проекции, другая же (ТС. XL, 105) наполовину закрыта крупом мула. А. Уилкинс, оставаясь в рамках традиционной интерпретации, предположил, что это выдвинутые вперед ползуны (Wilkins 1995: 48). И если для трех из них (ТС. XL, 104; LXVI, 166; 169) это предположение может казаться верным, так как рядом мы видим и их расчеты, то для оставшихся двух машин (ТС. LXVI, 165), просто стоящих на крепостной стене, оно, как представляется, не обосновано. Дело в том, что сам по себе ползун имеет небольшое поперечное сечение и является весьма хрупким элементом. Поэтому он выдвигается вперед только непосредственно перед заряданием. И римский артиллерист не оставил бы машину в таком виде из-за боязни случайных поломок. Да и в целом, представить, что скульпторы изобразили большинство машин в нетипичном для них состоянии, довольно сложно. Таковую же конструктивную особенность мы видим и на иллюстрациях к трактату анонимного реформатора, будь то *ballista quadrirotis*, или *ballista fulminalis*. Элементы конструкции обеих баллист, трактуемые как натяжные рамы, сильно сдвинуты назад и находятся практически у тыльной части ствола, рядом с замком. Это говорит либо о том, что данные машины имели очень короткие плечи, либо просто о схематичности изображения (это больше проспект, чем детальный чертеж). Также на иллюстрациях обеих баллист хорошо заметны детали, расположенные внутри *arcus ferreus*, которые, по всей видимости, являются утерянными при многократных перерисовках изображениями метательных плеч и тетивы. Их внутреннее расположение также говорит в пользу этой гипотезы. У некоторых машин с колонны Траяна (ТС. XL, 104–105; LXVI, 163–164) посередине камбестрионов видны полукруглые выступы с обеих сторон натяжной рамы. Если они изображают искривление одной из стоек камбестриона, образующее специальную выемку для захода метательного плеча, то такое их положение возможно лишь тогда, когда плечи вращаются внутри, а не снаружи рамы (Iriarte 2000: 61–62; Iriarte 2003: 119; Miks 2001: 206–207; Rihl 2007: 214). Стоит также обратить внимание на две машины, стоящие настолько близко друг к другу на крепостной стене (ТС. LXVI, 165), что невозможно представить их с наружным расположением плеч. Еще одним косвенным свидетельством в пользу гипотезы внутреннего расположения

является существование такой компоновки на иллюстрациях с изображениями торсионных спрингалдов из позднесредневековых (середина XV в.) технических трактатов итальянца Роберто Вальтурио (*Bibliothèque municipale, Colmar, MS 491*) и Иоганна Формшнайдера из Нюрнберга (*Codex germ. 734. München, Bayerische Staatsbibliothek*). Рисунки этих машин с внутренним расположением плеч, как представляется, основывались либо на не прекратившейся позднеримской традиции, примером которой могут являться итальянские пулевые балестры (Шокарев 2001: 51), либо на каком-то не дошедшем до нас античном трактате.

Во-вторых, в настоящее время мы также обладаем некоторым количеством артефактов, чтобы достаточно уверенно говорить о внутреннем расположении плеч у позднеримских метательных машин. Когда Э. Марсден в 1971 г. опубликовал свою работу о хиробаллистре Псевдо-Герона, как о машине с железными натяжными рамами, у него в распоряжении еще не было ни одной археологической находки деталей подобных машин. Поэтому он, очень вольно интерпретировал узлы соединения между арочной распоркой (*καταρίον*), лестничной распоркой (*κλιμάκιον*) и

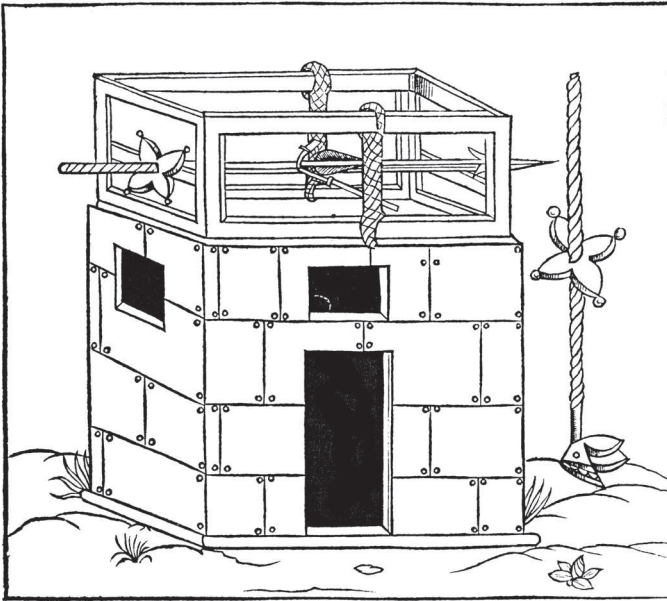

Рис. 60. Торсионный спрингалд из трактата Роберто Вальтурио (1454 г.).
Bibliothèque municipale, Colmar, MS 491.
 Воспроизведено по: Liebel 1998: 8, fig. 3.

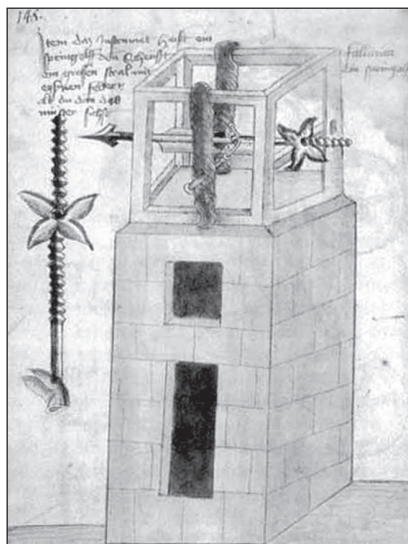

Рис. 61. Изображение торсионного спрингольфа из трактата «Орудийные иллюстрации с приписками от Йоханнеса Формшнайдера из Нюрнберга и многое другое» (1460–1470 гг.) Codex Germ. 734, fol. 103v. Muenchen, Bayerische Staatsbibliothek. Воспроизведено по: Schmidtchen 1987: 27.

самими натяжными (полевыми) рамами (*καμβεστρία*), реконструировал эту машину как обычный палинтон с метательными плечами, направленными наружу. С тех пор были найдены или правильно интерпретированы семь полевых рам и одна арочная распорка. Причем, последняя и одна из полевых рам были раскопаны в юго-западной угловой башне римского форта в Оршове (Baatz 1978: 9), лежащими бок о бок, в слое, соответствующем времени разрушения форта (конец IV в.), и по совокупности признаков, в том числе конструктивных, по-видимому, принадлежали одной и той же крупной крепостной баллисте. Все эти археологические находки поставили перед последующими реконструкторами сложную задачу соединения деталей натяжной рамы. Как на рисунках, сопровождающих трактат (Wescher 1867: 130), так и на всех находках полевых рам, имеется специальный изгиб (выемка) у одной из стоек для захода в него метательного плеча. Если оставаться в рамках традиционной эллинистической конструкции, с плечами направленными наружу, то при непосредственном соединении полевых рам с арочной распоркой эти выемки оказываются не на тех местах, на которых они должны были

быть, плечи не получают необходимый угол поворота и останавливаются посредством предельного натяжения тетивы, что недопустимо. Д. Баатц по этому поводу замечает: «Мы, конечно, не знаем, как и в каком положении *kambestria* были укреплены на распорках. Это является большим препятствием для надежной реконструкции хиробаллистры» (Baatz, Gudea 1974: 64). Он предполагает, что, возможно, существовало некое устройство, которое позволяло соединить их в «правильном» положении, однако, на рисунке с реконструкцией хиробаллистры Д. Баатц соединяет их непосредственно (Baatz 1978: 13). Так же поначалу соединяет их и А. Ириарте (Iriarte 2000: 60–63). Соединение же распорок и полевых рам в «правильном» положении при помощи так называемых «блокировочных колец» было предложено А. Уилкинсом (Wilkins 1995: 34–38). Они состоят из 12 (sic!) бронзовых деталей сложнейшего профиля и никак не описаны в трактате и не подтверждены ни одной археологической находкой. Ученик Д. Баатца, Х. Микс в своей реконструкции хиробаллистры применил для их соединения 8 «фиксирующих круглых скоб» (Miks 2001: 191–193). И хотя их меньше, они проще по конструкции и легче устанавливаются, наличие этих скоб также ничем не подтверждается. Однако, существует еще одна находка, сделанная у северных ворот г. Хатры в Ираке (Baatz 1978: 3–9), которая, как представляется, полностью проясняет этот вопрос. Речь идет о бронзовой оковке, сгоревшей

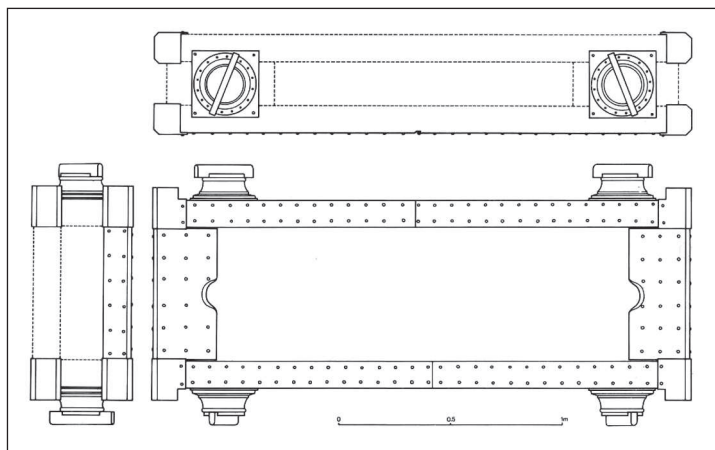

Рис. 62. Схема бронзовой оковки натяжной рамы камнемета, найденной в Хатре (Ирак). Мосул, середина III в. Воспроизведено по: Baatz 1978a: 53, Abb. 6.

деревянной натяжной рамы двухплечевой позднеримской камнеметной метательной машины, найденной в комплекте с натяжными втулками (*modioli*). В отличие от узких (имеется пространство только для ствола) деревянных натяжных рам эллинистических машин, у рамы из Хатры между торсионными — очень большое расстояние, и ее пропорции, несомненно, напоминают натяжные рамы хиробаллистры Псевдо-Герона и баллисты из Оршова. Конструкция этой рамы вообще не позволяет направить метательные плечи наружу (мешают стойки), и, самое главное, в передних стойках имеются выемки под них, направленные внутрь рамы; точно так же направлены выемки на стойках железных полевых рам при непосредственном их соединении с арочной и лестничной распорками. Таким образом, конструкция натяжной рамы баллисты из Хатры явилась результатом внедрения тех же инженерных идей, которые были применены ранее (в конце I в.) на стрелометных баллистах с железной рамой. А именно: широкие и низкие натяжные рамы, в отличие от узких и высоких эллинистических, внедренные римскими инженерами, позволили убрать метательные плечи вовнутрь и, тем самым, уменьшить горизонтальные габариты, улучшить центровку машины в целом, увеличить угол вращения плеч и ход тетивы и тем самым накопленную энергию и ускорение, придаваемое снаряду. Более того, эксперименты с моделями показали увеличение коэффициента полезного действия примерно на 50 % (Lewis, Faulkner 2004: 45). Только такое размещение плеч корректно решает большинство вопросов по реконструкции подобного рода машин, поставленные изобразительными, археологическими и нарративными источниками. Поэтому вывод Э. Марсдена (Marsden 1971: 227), поддержанный Д. Баатцем (Baatz 1978: 13) и А. Уилкинсом (Wilkins 1995: 50–51) о том, что причиной применения «широко расставленных поле-

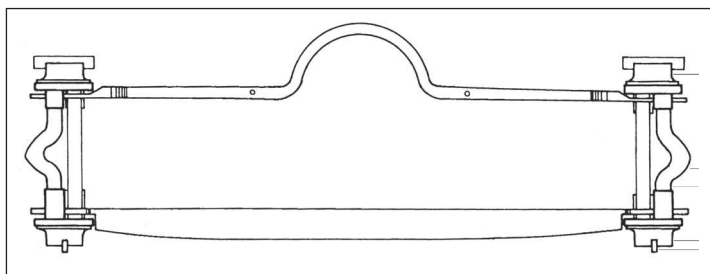

Рис. 63. Схема железной натяжной рамы баллисты из Оршова в сборе.
Воспроизведено по: Iriarte 2000: 61, fig. 10.

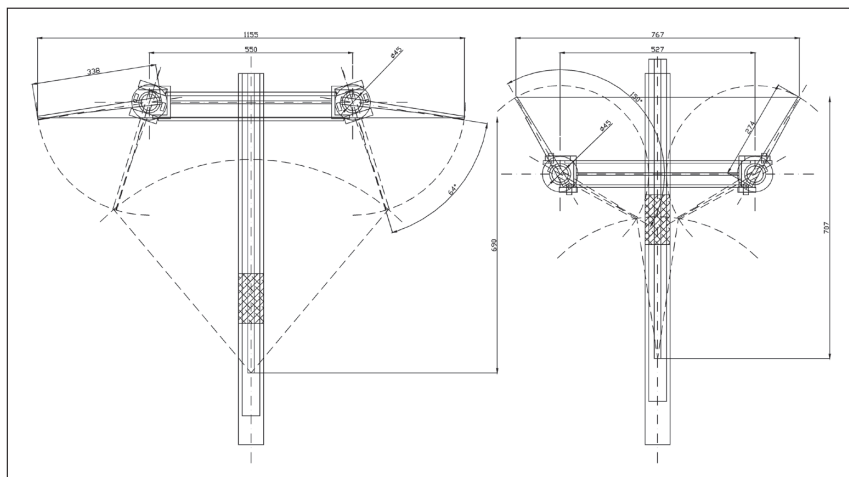

Рис. 64. Сравнительный чертеж хиробаллистры по А. Уилкинсу
и схемы с внутренним расположением рычагов.
Рисунок И. Ф. Каюмова.

вых рам, вместе с аркой и лестницей формирующих сравнительно большое окно» является только возможность «наблюдать обширную область на вражеской территории» и «облегчить прицеливание», представляется надуманным; кардинальное изменение конструкции для достижения столь несущественных результатов не может быть оправдано, и вряд ли было бы произведено древними инженерами.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что *ballista fulminalis*, как, впрочем, и *quadrirotis* (судя по иллюстрации из трактата) получала энергию не от стального лука, а от торсионов, и имела железную натяжную раму с внутренним расположением плеч, подобную тем, которые изображены на колонне Траяна или той, которая описана в трактате Псевдо-Герона. Здесь хотелось бы отклонить еще одно замечание П. Чеведдена (Chevedden 1999: 157) о том, что «*kamarion* не является одной из наиболее заметных или важных компонентов катапульты», в отличие от торсионов или лука и поэтому не нужно ждать, что «*kamarion* получит много внимания и, тем более, основное внимание, как это было бы, если бы *arcus ferreus* интерпретировался здесь, как *kamarion*». Дело в том, что основным нововведением анонимного реформатора у обеих баллист были устройства натяжения и наводки, которые бы позволили, как он полагал, увеличив габариты и тем самым мощность этих машин,

даже уменьшить людские и материальные затраты. Поэтому ему не было смысла описывать то, что и так было известно всем. А оснований полагать, что на вооружении позднеримской армии состояли и неторсионные орудия, у нас нет. Например, описанная Аммианом Марцеллином (Амм., XXIII, 4, 1–3) стандартная баллиста современной ему римской армии — это торсионное орудие с железной натяжной рамой (Marsden 1971: 237–240; Chevedden 1999: 152–154). Кроме того, рассказывая анекдот о галльских женщинах, он говорит, что они наносят «удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил» (Амм., XV, 12, 1). Наконец, Вегеций расставляет все на свои места, когда отмечает (пер. С. П. Кондратьева с уточнением; Veg. Epit., IV, 9): «Следует с величайшим старанием составлять запас жил, так как онагры, баллисты и остальные метательные орудия не приносят никакой пользы, если их нельзя натянуть канатами из жил» (Nervorum quoque copiam summo studio expedit colligi, quia onagri vel ballistae ceteraque tormenta nisi funibus nervinis intenta nihil prosunt). И версия Чеведдена (Chevedden 1999: 141), что в случае «онагров» и «баллист» мы имеем дело с натяжением торсионных канатов, а в случае «остальных метательных орудий» — с натяжением тетивы, не имеет никаких оснований. Судя по этому пассажу Вегеция и находкам в Оршове, Горне и Сале (все датируются концом IV в.), вся без исключения позднеримская артиллерия была торсионного типа (И. Ф. Каюмов).

¹⁰⁴ Э. Марсден предполагает, что реформатор мог расценивать *canalis* как общий термин для ствола в целом, так как Витрувий (Vitruv., X, 10, 3), например, использует *canalis* и *canaliculus* для неподвижной части ствола (σῦριγξ). Хотя он не отрицает того, что слово *canalis* может указывать и на желоб для снаряда в верхней подвижной части ствола, *canalis fundus* Витрувия (Vitruv., X, 10, 4). П. Чеведден же считает наиболее вероятным, что *canalis*, действительно, является желобом для снаряда, проходящим по верхней стороне ползуна (Chevedden 1999: 157) (И. Ф. Каюмов).

¹⁰⁵ Э. Марсден правильно определил, что «крепкая веревка из жил» (*validus nervi funis*) обозначает тетиву, которую Герон (Heron. Bel., W110) советует делать из самых мощных сухожилий (Marsden 1971: 245). Попытка Т. Рилл (Rihll 2007: 243) увидеть в ней еще и источник энергии необоснованна (И. Ф. Каюмов).

¹⁰⁶ «Железный крюк» (*fergeus uncus*) интерпретируется Э. Марсденом как «простой крюк, соединяющий конец каната ворота с тыльной частью ползуна, или неопределенное описание спускового механизма» (Marsden 1971: 245). П. Чеведден возражает ему: «Текст указывает, что

это устройство тянет тетиву назад, оно должно быть оттягивающим когтем, а не крюком на конце каната ворота или спусковым механизмом» (Chevedden 1999: 157). По-видимому, под «оттягивающим когтем» он подразумевает зацепной крюк, подобный тем, которые применялись в XIV–XVI вв. на английских и речечно-редукторных воротах (cranequin) для взвода арбалетов со стальной дугой.

Т. Рилл (Rihl 2007: 243), также считая этот крюк спусковым механизмом, предложила совершенно нелепое его устройство. Крюк, по ее мнению, должен удерживать ползун, а не тетиву, а спуск производится при помощи дополнительной веревки и поднимающейся металлической пластины под крюком. Более того, опираясь на изображение ballista fulminalis из оксфордской рукописи, она предположила, что тетива толкает не снаряд непосредственно, а ползун. Следует заметить, что подобная передача энергии снаряду через посредника в виде ползуна не только чревата большими потерями, но и не зафиксирована ни в одном регионе или историческом периоде. Более того, на изображении этой баллисты из мюнхенской рукописи ясно видно, что крюк удерживает тетиву, в которую, в свою очередь, упирается снаряд.

Наиболее же вероятным представляется, что здесь речь идет об одной из деталей античного спускового механизма, так называемой «клевше», epitoxidos (Vitruv., X, 10, 4), *σχιστήρια* (Heron. Cheir., W126), *χεῖρ* (Heron. Bel., W78), располагавшейся в задней части ползуна. Как уже отмечалось выше, похоже, что именно она изображена на иллюстрациях оксфордской и мюнхенской рукописей (прим. 103) (И. Ф. Каюмов).

¹⁰⁷ Э. Марсен отмечает, что «иллюстрация из рукописи дает чрезвычайно бедное представление этих колес, по одному присоединенных к каждому концу ворота» (Marsden 1971: 245). Тем не менее, ступенчатые («беличьи») колеса, по-видимому, широко применялись в античности. Они нашли свое применение, в первую очередь, в строительстве; их использовали в качестве привода особо крупных кранов. Описание такого крана приведено Витрувием (Vitruv., X, 2, 8–10). Большой кран, изображенный на рельефе с гробницы Гатериев (начало II в.), имеет ступенчатое колесо, которое вращают четыре человека (Adam, Mathews 1994: 46). На рельефе, найденном в Капуанском амфитеатре, мы видим такое же колесо, используемое в качестве привода грузоподъемного механизма и вращаемое двумя людьми (Lindsay 1974: 304–305; Adam, Mathews 1994: 46). Ступенчатые колеса также применялись в водочерпальных механизмах (Vitruv., X, 4, 3–4). Например, целая система колес для удаления воды из шахты была найдена на рудниках Рио-Тинто в Испании (Landels 2000: 69–70).

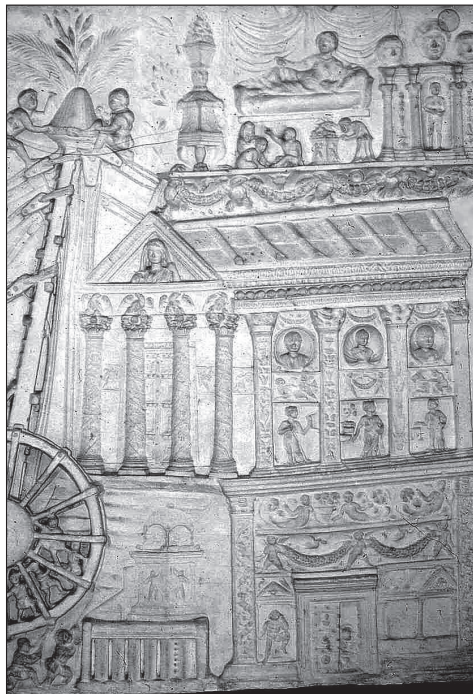

Рис. 65. Изображение крана со ступенчатым колесом с гробницы Гатериев, начало II в.

Рис. 66. Ступенчатое колесо крана, использовавшегося для подъема колонны просекания Капуанского театра. Рельеф саркофага Лукция Пекулярия (CIL, X, 3821), конец III – начало IV в. н.э., Музей Кампании (Капуя, Италия).

В средневековье ступенчатые колеса, продолжая использоваться в подъемных механизмах, начали применяться и в военном деле для взведения особо крупных гравитационных метательных машин (требюше). До нас дошло довольно много изображений требюше со ступенчатыми колесами, например, из рукописи XIV в. «Роман об Александре» (Bodleian Library, Oxford, MS. 264, fol. 201r), из рукописи «Il Codice Atlantico» Леонардо да Винчи (Payne-Gallwey 1903: 271) или из рукописи XV в. «Хроники» Фруассара (Bibliothèque Nationale, Paris, № FR 87).

Рис. 67. Изображение требюше со ступенчатым колесом в качестве привода из рукописи «Роман об Александре» (1338–1344 гг.). Bodleian Library, Oxford, MS. 264, fol. 201r. Воспроизведено по: Gravett 1990: 20.

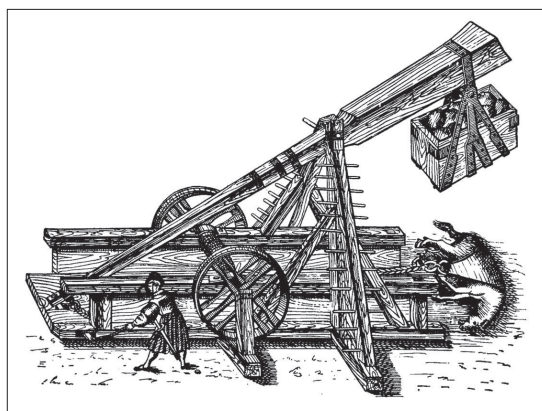

Рис. 68. Изображение требюше со ступенчатым колесом из рукописи Il Codice Atlantico Леонардо да Винчи (1445–1520 гг.). Воспроизведено по: Payne-Gallwey 1903: 271, fig. 189.

Применение ступенчатых колес именно в больших гражданских и военных механизмах было вызвано, прежде всего, их преимуществами, такими как большие передаточные числа, относительная легкость работы, ненужность дорогостоящих храповых механизмов. Но также диктовалось и их ограничениями, такими как крупные габариты и большое количество материала, требуемое для их постройки (*И. Ф. Каюмов*).

¹⁰⁸ Э. Марсден переводит *pro difficultate rei viribus machinis adquisitis*, как «после этого получается механическая сила, соответствующая грандиозности задачи» (Marsden 1971: 244). С ним солидарны П. Чеведден, переводя: «механическая сила, полученная машиной, соразмерна с трудностью действия» (Chevedden 1999: 157) и Т. Рилл: «полученная механическая сила равна привлеченной трудности» (Rihll 2007: 241). Таким образом, все они относят *machinis* к устройству натяжения (ступенчатым колесам), характеристику которого, по их мнению, дает реформатор.

На самом деле, термин *machinis*, скорее всего, обозначает здесь два полиспада, ясно различимых на иллюстрациях к трактату и подобных тем деревянным двухшківным блокам, найденным в гавани Коринфа, Кенхреях, и на так называемом римском корабле «Каунти-Холл» из Темзы, а также изображенным на рельефах из гробницы Гатериев или триумфальной арки в Оранже (Shaw 1967: 389–401). Пять бронзовых шківов с железными осями около 5 см в диаметре, найденные вместе с оковкой натяжной рамы в Хатре (Baatz 1978: 229), по-видимому, являлись деталями полиспада, облегчавшего взвод этой крупной баллисты (*И. Ф. Каюмов*).

¹⁰⁹ Применение *sochleae machina* в этой баллисте лучше всего говорит о том, что она не может быть шарниром карданного типа (см. также прим. 60). Слишком велик вес орудия. Видимо, по этой же причине двуплечевые камнеметные баллисты более раннего времени не имели подобных шарниров (Marsden 1971: 204–205). И наоборот, винтовой механизм обладает громадными передаточными числами и способен поднимать очень большой вес (*И. Ф. Каюмов*).

¹¹⁰ Во многих предложениях трактата реформатора, также как и в тех, что касались двух артиллерийских систем, звучат идеи компенсации хронической нехватки людских ресурсов позднеримской империи. Но, правильно замечает Э. Марсден, реформатор вряд ли в действительности достиг в этом отношении хоть какого-нибудь прогресса (Marsden 1971: 245–246) (*И. Ф. Каюмов*).

¹¹¹ Ширина Дуная в ряде мест вниз по течению: Vindobona (Вена) — 316 метров; Singidunum — 1560 метров; «Железные ворота» — 118 метров; Drobetae (длина моста Траяна) — 1097 метров; Durostorum

— 2560 метров; Noviodunum — 585 метров (Marsden 1971: 246). Таким образом, выяснить, какой же была реальная дальность выстрела ballista fulminalis, не представляется возможным (*И. Ф. Каюмов*).

¹¹² Описывая построение легиона, Вегеций говорит о пяти боевых линиях: в первых двух были построены тяжеловооруженные пехотинцы, третью и четвертую составляли лучники и метатели дротиков, в пятой находились пращники и метательные машины (Veget. Ep., III, 14). Иногда предусматривается существование шестой резервной линии, в которую, как и в первые две, входили тяжеловооруженные пехотинцы (Veget. Ep., II, 15). Чтобы облегчить маневрирование перед началом боя и обеспечить своевременное привлечение резерва в его ходе, боевые линии, а также отдельные отряды в их составе, отделялись друг от друга интервалами. Маврикий свидетельствует: «Отряды выстраиваются в боевую линию с интервалами от сотни до двухсот шагов между ними, так, чтобы не толпиться при движении, но действовать в согласии во время битвы, предоставляя один другому необходимую поддержку» (Maur. Strat., XII, 12). Интервалы между боевыми линиями были больше — от одной до двух тысяч шагов (Ibid). Количество рядов в линии Вегеций специально не оговаривает, но, судя по количеству воинов в центуриях, оно должно быть не менее 8 человек в глубину строя. Эта цифра вряд ли была постоянной, поскольку Маврикий говорит, что в зависимости от условий глубина строя может изменяться от 4 до 16 человек (Maur. Strat., XII, 9). Увеличение или уменьшение глубины строя производилось путем вздвигания рядов, т.о., по мере необходимости строй мог иметь 16, 8 или 4 человека в глубину. Соответственно перед началом боя изменялась плотность построения. Воины в строю занимали пространство примерно 1 м по фронту. Такой же ширины были щиты, обнаруженные в Дура-Европос. Соединенные друг с другом краями, в начале боя они образовывали подобие стены, принимавшей на себя удары оружия противника (Amm. Marc., XVI, 12, 37) (*А. В. Козленко*).

¹¹³ Из этого фрагмента следует, что Аноним представлял себе численность римского легиона равной 6 тысячам человек, выстроенных в три боевые линии, по две тысячи человек в каждой. Ту же цифру, 6 тысяч человек, для численности позднеимперского легиона называет Вегеций (Veget. Ep., I, 17; II, 2), источники которого восходят к эпохе тетрархии (Parker 1932: 144). Реальная численность легиона часто была много меньше штатной из-за естественной убыли людей, а также практики выведения из состава легиона отдельных векилляций для выполнения специальных заданий. По окончании задания векилляциии обычно возвращались обратно, но это правило соблюдалось далеко не всегда. В эпо-

ху кризиса III в. вексиляции, выведенные из состава легиона, зачастую привлекались в состав походных армий или оседали вдоль границы, обретая характер самостоятельных военных частей. По мере распространения этой практики реальная численность легиона снижалась и, согласно предположению Т. Моммзена, в эпоху тетрархии составляла не более 1 тысячи человек (Mommsen 1889: 229, 254). Данная точка зрения нашла множество сторонников среди исследователей, которые находили все новые и новые свидетельства уменьшения численности позднеримского легиона в эпиграфическом материале. Хорошо известен папирус из коллекции Битти, данные которого позволили ученым рассчитать численность двух легионов, около 300 г. стоявших в западном Египте. Каждый из них насчитывал в своем составе лишь немногим более 1000 человек (P. Beatty Panop. 2). В 294 г. Галерий привел в Египет армию, включавшую вексиляции дунайских легионов. В ее составе были части V Македонского легиона, которые в дальнейшем остались на территории провинции в качестве постоянного гарнизона. В конце IV в. 400 солдат, стоявших лагерем в дельте Нила у Мемфиса, по-прежнему называли себя V Македонским легионом. Тем временем в Прибрежной Дакии 5 когорт этого же легиона строили императорский дворец в Ромулиане (Гамзиград), а префект V Македонского легиона по-прежнему держал свою штаб-квартиру в Эскусе в Нижней Мезии. Воины III Итальянского легиона, набранного императором М. Аврелием, ок. 400 г. были распределены по гарнизонам пяти дунайских крепостей, а кроме того, еще входили в состав подразделения полевой армии (Not. Dig. Oc., XXXV, 17–19; 21–22). II Итальянский легион в то же самое время оборонял три пограничных укрепления, в том числе крепость Лавриак, где находилась штаб-квартира префекта легиона, и, кроме того, числился в составе походной армии, действовавшей на территории Африки. I Норикский легион был раздроблен на две части. Новонабранный III Диоклетиана легион входил в состав походной армии магистра Фракии, еще 4 подразделения, носившие то же имя, стояли в Египте и в Фиваиде (Not. Dig. Or., VIII, 5–37; XXVIII, 18; XXXI, 31, 33, 38) (Dixon, Southern 1996: 31–32).

Свидетельством уменьшения численности легионов эпохи тетрархии являются построенные в это время солдатами лагеря. Крепость Сингара (Балад Синджар, Ирак), в которой ок. 360 г. стояли I Парфянский и I Флавия легионы, имела общую площадь 17 га. На Дунае I Иовиев легион возвел в Новиодуне (Румыния) крепость площадью 5,6 га. База II Геркулия легиона в Трезмисе (Румыния) в два раза меньше — всего 2,8 га. Лагерь в Удрухе (Иордания), построенный в 306 г. воинами VI Железного легиона, имел площадь 4,7 га. Картина, представшая перед

археологами в результате раскопок Беториса (эль Леджун, Иордания), позволяет представить картину постепенного сокращения численности занимавшего его IV Марса легиона. Первоначальная площадь лагеря составляла 4,7 га, что идентично площади современному ему лагерю в Удрухе, но составляет лишь пятую часть пространства, характерного для легионных крепостей эпохи ранней Империи. Внутри крепостных стен археологами были обнаружены 16 блоков казарм по 32 комнаты в каждой, что позволяет восстановить первоначальную численность занимавшего лагерь гарнизона в 2 тыс. воинов. 19 мая 363 г. сильное землетрясение повредило стены лагеря и разрушило многие внутренние постройки. После ремонта обитатели лагеря из 16 казарм, восстановили лишь 8, способных вместить не более 1 тыс. человек (Parker 2006: 559– 561). Отсутствие других частей IV Марса легиона в *Notitia Dignitatum*, к сожалению, является само по себе недостаточным, чтобы утверждать, что численность легиона в конце IV в. равнялась 1000 человек. К этому числу следует прибавить неизвестное количество гарнизонов, стоявших в небольших укреплениях Арабского лимеса, откуда отозвать их обратно в состав легиона было совершенно невозможно. Верхняя планка численности легиона остается нам неизвестной, однако реальная численность легиона, как боевой единицы, по всей видимости, не превышала 1000 человек, находившихся под рукой префекта легиона (Dixon, Southern 1996: 32). По мере того, как военные части продолжали дробиться, реальная численность легиона продолжала неуклонно сокращаться, приближаясь постепенно к цифре, обозначенной Моммзенем. Тем не менее, номинальная численность легиона продолжала соответствовать старым образцам, вводя в заблуждение теоретиков, составившим свои впечатления лишь на основании изучения архивов (А. В. Козленко).

¹¹⁴ Ср.: Veget. Ep., I, 26: «Известно, что ничто так не помогает в битве, как умение воинов в результате постоянного упражнения сохранять в боевом строю построение рядов и нигде в нарушении порядка не собираться густой толпой или же растягивать ряды. Дело в том, что, сбившись в кучу, они теряют свободное пространство, нужное им для сражения, и, в свою очередь, мешают друг другу; те же, которые стоят редко, с промежутками, дают врагам возможность прорваться через их ряды. И, конечно, необходимым последствием этого бывает, что весь боевой строй, охваченный страхом, приходит в замешательство, когда, прорвав ряды, враг появляется в тылу сражающихся» (пер. С. П. Кондратьева) (А. В. Козленко).

¹¹⁵ Судя по использованию термина *clupeus*, речь здесь идет не об уменьшенной копии щита, который Аноним обыкновенно называет

scutum, а о клипеоцентре, описание которого дается в 9 параграфе данного текста. О размерах римских щитов см. примечание к параграфу 15. Маврикий советует при совершении марша вблизи противника вооружать легкую пехоту щитами меньшего размера и веса (Maug. Strat., XII В, 20). К сожалению, подробности о материале и устройстве этих щитов остаются за пределами его повествования. Изображения щитов на рельефах и мозаиках III–IV вв. также не в состоянии предоставить соответствующую информацию, поскольку их формы и пропорции подверглись значительному искажению (А. В. Козленко).

¹¹⁶ Очевидно, сочетание этих черт характера персов было типичным в представлении жителей греко-римского мира (Liban. Orat, LIX, 80–81; Theoph. Sim., IV, 13, 1). Ср. характеристику, данную персам Мавриkiem: «Народ персов порочен, лицемерен и раболепен, но любит свою родину и хранит ей верность; властителям подчиняется из страха. Вследствие этого терпеливо переносит тяготы и войны ради отечества» (Maug. Strat., XI, 1; пер. В. В. Кучмы) (А. В. Козленко).

¹¹⁷ Относительно квадратного строя Вегеций сообщает: «Первый вид — это построение войска в виде квадрата с длинным фронтом. Так обычно — и теперь, и прежде — всегда происходили сражения. Но специалисты военного дела такой строй не считают самым лучшим, т. к. на длинном пространстве, на котором тянется фронт, поверхность поля не везде одинаково ровная и если получится в центре какой-либо промежуток, или изгиб, или закругление, то в этом месте чаще всего происходит прорыв. Кроме того, если противник превосходит численностью, то он обходит с флангов правое или левое крыло. И в этом таится большая опасность, если у тебя нет резервных войск, которые могли бы броситься вперед и задержать врага. Таким строем должен сражаться только тот, кто имеет бойцов и более многочисленных, и более сильных; пусть он тогда обойдет врага с обоих флангов и запрет его, как в объятиях, на лоне своего войска» (Veget. Ep. III, 20). Плотным пехотным строем, соединив щиты и выставив вперед копья, следовало отбивать атаки персидской конницы (Hdn., VI, 5, 9–10; Procop. Bell. Goth., IV, 8; 29). Многочисленные примеры древней и новой военной истории свидетельствуют, что на лошадей действует устрашающе вид стены щитов, ошетинившейся копьями. Шок еще более усиливается, если при этом пехотинцы ударяют копьями о щиты и издают боевой клич (Arg. Contra Alan., 26). Лошади перестают выполнять команды всадников, встают на дыбы и брыкаются, отказываясь идти на острия уставленных копий. Строй ломается, а первоначальный натиск, которым так сильна кавалерия, теряется. В итоге, всадники становятся особенно уязвимы перед контратакой (Keegan 1986: 95–97).

Персы открыли это правило для себя в 531 г. в битве при Суре, столкнувшись с упорной обороной византийской пехоты: «Плотно сомкнув свои ряды на малом пространстве, воины все время держались один рядом с другим и, крепко оградив себя щитами, с большим искусством поражали персов, чем те поражали их. Варвары, многократно отброшенные, вновь на них нападали, надеясь смешать и привести в расстройство их ряды, но снова отступали, не добившись никакого успеха. Ибо кони у персов, не вынося шума ударов по щитам, поднимались на дыбы, и вместе со своими всадниками приходили в смятение». (Просоп. Bell. Per., 1, 18, 46–48; пер. А. А. Чекаловой). Однако, прямая атака кавалерией пехотного строя является относительной редкостью. Сила кавалерии заключается в ее мобильности, которая позволяет обходить фланги пехотного строя и атаковать его в наиболее уязвимых местах. Чтобы предотвратить угрозу обхода, пехота вынуждена растягивать фланги, ослабляя тем самым фронт. Арриан советует использовать для защиты флангов отряды легковооруженных и стрелков (Агг. Contra alan., 30). С той же целью Аноним предлагает использовать метательные машины (А. В. Козленко).

¹¹⁸ Машины на поле боя.

¹¹⁹ В двадцатой главе трактата Аноним рассматривает вопросы, касающиеся пограничной службы, включающие в себя вопросы комплектования пограничной стражи и возведения укреплений. Вначале границей или лимесом римляне называли необрабатываемую полосу земли между двумя владениями (Verg. Georg., II, 278; Colum. De re rust., IV, 32, 1; Plin. HN, XVIII, 326; Front. Agrim., 5), а также дорогу, которая была проложена вдоль межевой линии (Plaut. Poen., 632; Cicero. Rep., 6, 26; Verg. Aen., X, 514; Liv., XXII, 12, 2), впоследствии — систему коммуникаций и укреплений на границах Римской империи (Vell., II, 120, 2; Tac. Agr., 41; Serm., 29; Amm., XVII, 13, 27; XX, 10, 1), отделявшую ее земли от варваров (SHA, I, 12, 6). Граница Римской империи и римская концепция границы уже давно находятся в фокусе изучения исследователей, но до сих пор в понимании этой темы существуют если не ошибки, то, по крайней мере, неточности (Ле Бозк 2001: 219). Римляне, кажется, не имели представлений о границе в современном смысле слова, как линии, разграничивавшей территориальные владения независимых государств. Римский народ был уверен в том, что свыше ему предначертано владение всем миром. Вергилий объявляет его миссией «налагать условия мира, милость покорным являть и смирять войною надменных» (Verg. Aen., VI, 852–853). Это право лежало в основании имперской политики, ориентированной на экспансию и постоянное продвижение вперед. Соседи римлян всегда находились под неусыпным контролем, а

формально независимый статус не препятствовал военным проводить превентивные и карательные операции на их территории. Главной стратегией внешней политики Рима был принцип «лучшая защита — нападение». Хотя на практике этот принцип часто наталкивался на удачное сопротивление местного населения, на трудности логистики, делавшие чрезмерно затратными новые завоевания или на природные условия удаленных территорий, не представлявших никакого экономического или военного интереса для завоевателей, время от времени императоры прибегали к аннексиям, торжественно объявляя о включении той или иной территории в состав Римского мира» (Ле Боэк 2001: 223).

Э. Н. Люттвак выступает с концепцией «гегемонистической» политики Римской империи на начальном этапе ее существования. В соответствии с этой концепцией для римлян существовали три вида территорий. Во-первых, земли, входившие в состав империи и находившиеся под ее прямым управлением. Во-вторых, сопредельные территории, примыкавшие к ее границам, находившиеся под дипломатическим контролем. В-третьих, отдаленные районы, находившиеся под римским влиянием. В начальный период существования империи армия находилась в глубине территории провинций. Ее расположение демонстрирует желание властей держать под контролем недавно завоеванные земли и оптимизировать систему снабжения войск. На границах присутствуют лишь мобильные подразделения, чьей задачей является патрулирование и контроль за действиями противника. Оборона непосредственных рубежей империи часто осуществлялась силами клиентских государств. Эпоха Флавиев, по мнению автора, является водоразделом, за которым происходит переход от «гегемонистической» к «территориальной» империи и от стратегии контроля к стратегии сдерживания. В это время происходит аннексия ряда пограничных территорий, римские войска выдвигаются к самой границе и строят здесь протяженные линии укреплений для ее защиты. Прекращается крупномасштабное перемещение войск, которые занимают постоянные лагеря и превращаются в пограничные гарнизоны. Мало-помалу не только вдоль границы, но и в прилегающей к ней зоне предполья возникает укрепленный район, плотно насыщенный разветвленной системой путей перемещений, вдоль которых располагаются аванпосты и строятся караульные башни (Ле Боэк 2001: 224–225).

Современные исследователи охотно используют в его отношении термин пограничный лимес. Б. Айзек, проанализировав значение этого термина в античных источниках, пришел к выводу, что оно имело преимущественно административный смысл и обозначало прилегающую к

границе область ответственности военного начальника. Этот термин мог также использоваться применительно к дорогам и путям перемещений в приграничной территории, но он никогда не использовался по отношению к укреплениям (Isaac 1992: 119–121). В Европе римские границы в основном проходили по берегам крупных рек Рейна и Дуная. Однако выбор этих рубежей был продиктован отнюдь не концепцией естественного барьера, как зачастую считалось ранее, но лишь преимуществами, которые водные артерии обеспечивали при снабжении крупных гарнизонов. Один легион должен был потреблять в день 7,5 тонн зерна, а стоимость водной транспортировки этих грузов составляла лишь дробную часть от стоимости их перевозки по суше. На Востоке и в Африке римская граница часто отделяла области возделывания зерновых культур и оливок от пустынных областей кочевого скотоводства. Здесь также строились дороги, мосты, колодцы, крепости и сторожевые башни, чтобы держать под контролем перемещения кочевников, но также чтобы облегчить переброску войск для запланированных наступлений против Парфянского и Персидского царства. Наличие протяженных пространств, населенных лишь мобильными группами кочевников, создавало серьезную специфику в стратегии обороны римской территории от их нападений. Здесь сложно было использовать стратегию сдерживания и чаще прибегать к методам наблюдения за противником. Решающая роль при этом отводилась мобильным кавалерийским отрядам, зачастую набираемым из местных уроженцев. История римского владычества на Востоке постоянно колебалась между методами прямого контроля посредством строительства укреплений и размещения в них постоянных гарнизонов, и непрямого контроля путем создания в пограничной зоне зависевших от них клиентских образований (Isaac 1992: 122).

Римляне издревле использовали практику проведения валов и строительства небольших укреплений для защиты путей сообщений. В 22 г. Кв. Юний Блез, «устраивая в подходящих местах укрепления (*castella*) и заставы (*munitiones*), теснил зажатых отовсюду врагов, так, что, куда бы они ни подались, у них немедленно оказывалась — впереди, с фланга, а часто и с тылу — та или иная часть римского войска; и многие из них таким образом были истреблены или попали в плен» (Тас. *Ann.*, III, 74). В 16 г. Германик, укрепляя местность между Ализоном и Рейном, строил здесь валы и *limites*, что в данном случае означает «пограничные пути сообщений» (Тас. *Ann.*, II, 7). В 83 г. Домициан во время войны против хаттов провел систему пограничных *limites* на расстояние 120 миль (Front. *Strat.*, I, 3, 10). Для облегчения подвоза припасов вдоль этих просек были срублены деревья и возведены временные лагеря и

башни, в которых размещались гарнизоны из вспомогательных войск. В начале правления Траяна на территории между верховьями Рейна и Дуная были возведены деревянные башни. При Адриане перед башнями возвели дубовый частокол, позади которого шла дорога для патрулей. В середине II в. вместо деревянных башен были построены каменные. В начале III в. укрепления получили законченный вид. В Верхней Германии между частоколом и башнями был выкопан 6-метровый ров и насыпан 4-метровый вал. В Реции вместо частокола была построена 175-км каменная стена высотой 2,5 м и толщиной 1 м. В небольших лагерях и фортах, расположенных на расстоянии 8–10 км друг от друга, вдоль границы располагались вспомогательные пехотные и кавалерийские части. В случае сигнала тревоги по дорогам, связывающим воедино линию укреплений, на опасный участок границы немедленно перебрасывалась помощь из соседних укреплений. Передовые посты сетью дорог соединялись с крепостями легионов в Виндониссе (Виндише), Аргенторате (Страсбурге), Могонциаке (Майнце), Кастра Регина (Регенсбурге).

Наиболее грандиозным пограничным сооружением этого времени считается Адрианов вал в Британии, возведенный между 122 и 128 гг. Каменная стена длиной 117 км, высотой 3,5 м и толщиной 2,5 м соединяла берега залива Солвей Ферт и устье реки Тайн. Внешний и внутренний панцири стены были сложены из массивных каменных глыб, пространство между ними заполнялось бутом и известью. Каждые 500 м в стене были устроены башни. Севернее стены тянулся ров 3-метровой глубины и 10-метровой ширины. Южнее шла дорога, защищенная с юга двумя параллельными земляными насыпями. Примыкая к стене, на расстоянии 2 км друг от друга размещались небольшие укрепления, рассчитанные на гарнизон из 16 человек. Через каждые 10 км располагались лагеря вспомогательных пехотных и кавалерийских частей, всего существовало 16 таких лагерей. Размещавшиеся в лагерях войска играли роль стратегического резерва. Через ворота в стене их можно было быстро перебросить на помощь тому участку границы, которому угрожала непосредственная опасность. Стены не были рассчитаны на оборону и штурм противника, но они позволяли эффективно контролировать дороги и передвижения по ним, а в случае необходимости быстро перебрасывать войска с одного участка на другой. По расчетам исследователей непосредственную стражу вала несли около 3 000 солдат, размещавшихся в башнях и небольших укреплениях. Резервы, размещавшиеся в лагерях, насчитывали еще 5 500 кавалеристов и 10 000 пехотинцев. Наконец, два легиона в Йорке и Честере находились в 7–9 днях пути от вала. Итого,

наличные силы составляли примерно 30 000 воинов, 90 % которых находились в положении мобильного резерва.

Аналогичная система существовала на восточной границе. Ее остатки были выявлены благодаря аэрофотосъемке и постепенно обретают реальность в ходе продолжающихся археологических раскопок. В силу географии местности на Востоке сложно было строить непрерывные линии укреплений, и оборона здесь строилась вдоль пограничных путей коммуникаций. Важнейшей транспортной артерией региона являлась Дорога Диоклетиана. От Суры на Евфрате, где гарнизоном стоял XVI Флавия, легион через пустыню дорога шла к Пальмире, где размещался I Иллирийский легион. Далее вдоль восточного склона Джебель Рабак до Дамаска и, поворачивая на юг, через плато Гаурана достигала Бостры, столицы провинции Арабии, резиденции ее наместника и стоянки III Киренаикского легиона. Далее на юг вела Новая дорога Траяна, в центральном секторе которой находились лагеря IV Марса легиона в эль-Леджуне и VI Железного в Удрухе. В гавани Акабы, где дорога выходила к берегу Красного моря, находился лагерь X Гордого легиона. Между этими узловыми пунктами обороны находились лагеря вспомогательных войск и башни, служившие пристанищем патрулей. Аммиан Марцеллин, описывая провинцию, отмечает здесь изобилие «крепостей и фортов, благодаря тщательной заботливости древних построенных на удобных и безопасных высотах для отражения нападений со стороны соседних племен» (Аmm., XIV, 8, 13). В расположении войск просматривается определенная закономерность. На самой линии границы в фортах, вынесенных в сторону пустыни, располагались крупные отряды элитной кавалерии. В тылу находились вспомогательные части, игравшие роль резерва. Местоположение большинства укреплений связано с наличием системы снабжения продовольственными припасами и водой. Башни обычно располагались на вершинах холмов, с которых они могли обмениваться сигналами и наблюдать за передвижениями кочевников пустыни.

Из общей окружности Римской империи, составлявшей около 16 000 километров, десятая часть была защищена пограничными укреплениями со стенами или валами, и около двух десятых — системой опорных пунктов с крепостями, наблюдательными постами и другими элементами контроля. По своим размерам и качеству римская пограничная система принадлежит к самым обширным сооружениям этого рода.

Кризис III в. ознаменовался поражениями римских войск, потерей ряда укреплений и неоднократными прорывами варваров в глубину территорий провинций. Императорам Диоклетиану и Константину при-

шлось провести реформы, направленные на укрепление оборонительной системы. Э. Люттвак называет стратегию, принятую в период Поздней империи, «обороной в глубину». Она предполагала более широкое, чем ранее, использование укреплений, способных самостоятельно обороняться силами небольших гарнизонов. Это позволяло вывести основные силы армии в мобильный резерв, концентрировавшийся на обороне основных линий коммуникации. Сама оборона выстраивалась в несколько эшелонов. На первых подступах к границе были проведены земляные валы и выстроены цепи наблюдательных башен. Позади них располагались линии крепостей с сильными гарнизонами пограничной стражи (*griparienses, limitanei*). Города в приграничной зоне также обзаводились стенами. Небольшие отряды располагались вдоль дорог, рек, на подступах к городам. Крупные силы мобильной полевой армии (*comitatenses*) концентрировались в глубине территории и были готовы по первому сигналу выступить к тому участку границы, которому грозила опасность (Холмогоров 1941: 81; Dixon, *Southern* 1996: 23–28, 33, 36–37). Подобная система позволяла армии справляться с небольшими вторжениями и сдерживать крупные силы противника. Укрепления предоставляли убежище мирному населению, свозившему продовольствие и другие припасы под защиту их стен. Противнику пришлось бы либо рассредоточиться по местности в поисках припасов — и тогда небольшие мобильные подразделения, действовавшие на его линиях коммуникации, могли бы без труда отловить и уничтожить его небольшие отряды; либо осаждать хорошо укрепленные стены, теряя инициативу и время, необходимое для подхода мобильных резервов. Если противник начинал отступать — его преследовали, вытесняя за линию границы; если продолжал удерживать занятые позиции — полевая армия стремилась навязать ему сражение, в котором у римлян был больший шанс одержать победу даже над превосходящими их по численности силами (Коннолли 2000: 252).

Кроме организации войск изменился и характер пограничных укреплений. Старые укрепления подверглись ремонту и значительной перестройке. Первые серьезные реконструкции были произведены при Диоклетиане, а затем и позднее, что приводило к появлению новых форм и изменению планов. Стены ранних фортов дополнительно наращивались, форты уменьшались в размерах и усиливались дополнительными угловыми и промежуточными башнями, которые являются характерной чертой позднеримских укреплений. До второй половины II в. н. э. крепостные башни либо не строились совсем, либо же очень ограниченно. Однако с последней четверти II в. н. э. они начинают строиться почти повсеместно. Башни улучшали обзор и прикрывали стену, если бы враг

пытался сделать подкоп или пробить брешь (Petrikovits 1971: 197). Форт у Эйнинга на Дунае возможно наиболее знаменитый пример укрепления, значительно уменьшенного в размере. Поздний римский форт там располагался в одном из углов ранней крепости и был отделен от нее своим собственным рвом. В расположенном также на Дунае укреплении *Ulcisia castra*, переименованного затем в *Castra Constantina*, все ворота были дополнительно прикрыты D-образными башнями, фланкирующими вход. Стены были усилены пристройкой выступающих башен, а на всех четырех углах возвели веерообразные башни. Первые изменения, возможно, были осуществлены при Константине, а в дальнейшем этот форт был перестроен при Валентиниане I, поэтому нельзя сказать, когда именно были сделаны те или иные изменения. Башни, особенно в форме веера, типичны для фортов на Дунае (Southern, Dixon 1996: 133; Коннолли 2000: 301).

Новые форты, возводившиеся в это время, утратили классические пропорции 3:2, характерные для укреплений Ранней империи (Ps.-Hug., XXI). Хотя некоторые из них сохранили четырехугольную форму, но там, где требовала местность, например, на вершинах холмов, стены строились уже в соответствии с окружающим ландшафтом, поэтому такие форты были нерегулярными в плане. Встречаются планы в виде неправильных четырехугольников, ромбоиды, круглые, полукруглые, овальные и даже колоколообразные (Petrikovits 1971: 194; Schönberger 1969: 180). Одной из наиболее распространенных форм укреплений был квадрат, в котором внутренние сооружения обычно группировались вокруг центрального двора. Снаружи во двор вели единственные ворота (Petrikovits 1971: 203). Новые стены строились толще, а башни приземистей и массивней, чем раньше. Многие из них предназначались для размещения метательных машин (Goodchild 1953: 71; Petrikovits 1971: 197; Southern, Dixon 1996: 129). Подверглось изменениям и само расположение укреплений. Ранние римские форты располагались на открытой местности с целью доминирования и контроля над окрестностями, поздние размещались на вершинах холмов, с высоты которых гарнизон мог обозревать окрестности и обороняться от нападения превосходящих сил противника (Petrikovits 1971: 193; Southern, Dixon 1996: 129). Часто для защиты от возможных подкопов уровень земли внутри укрепления поднимали. Так было в фортах, находящихся в Бавее, Альзее, Альтрипе и Брейзахе (Petrikovits 1971: 197). Кроме того, позднеримские методы фортификации значительно усилили внешнюю защиту крепостей. Теперь вместо одной или двух небольших траншей появляются широкие рвы для того, чтобы удерживать осадную технику врага на расстоянии.

Рвы стали достигать от 5 до 16 м в ширину и до 4 м в глубину. Некоторые стены новых фортов достигали 3 м в толщину, (Petrikovits 1971: 197).

Одной из наиболее распространенных форм укреплений этого времени является квадрибургий, который в плане представлял собой квадрат стен, снабженных четырьмя угловыми выступающими вперед башнями. Эти укрепления относят к так называемому диоклетиановскому типу, распространенному на территории от современной Швейцарии и до Иордании, Египта и Африки (Drack, Fellman 1988, 469, 499–500). Наиболее ранние подобные сооружения стали возводиться в Северной Африке в середине — второй половине III в. Правда, африканские квадрибургии имели площадь не более 0,16 га, что почти вдвое меньше размеров укреплений этого типа, построенных в правление Диоклетиана вдоль дунайской и восточной границы (Parker 1987, 468). Компактные размеры этих фортов с уменьшенным периметром стен и единственными воротами явно служит потребностям обороны. Это может доказывать две противоположные версии. С одной стороны, возможно из-за сокращения численности населения гарнизоны форты были недоукомплектованы, или, с другой стороны, эти укрепления были специально ужаты, чтобы меньшее количество людей требовалось для защиты крепостных стен и поэтому остальные военнослужащие могли выполнять другие обязанности: конвоирование, патрулирование, охрана правопорядка (Southern, Dixon 1996: 141). К тому же малый размер форта еще не означает меньшего количества солдат в нем по сравнению с периодом Ранней империи. Некоторые внутренние здания могли иметь несколько этажей, как это было в одном позднеримском форте на восточной границе (Parker 1987, 476). Поэтому в тех фортах, от которых уцелели только фундаменты, могли размещаться войска, численно вдвое большие, чем можно предположить из их плана.

Внутренние коммуникации, прежде открытые, теперь из-за частых случаев разбоя и варварских набегов требовали обеспечения безопасности в большей степени, чем раньше (Атт., XXVIII,2,11). Перевозка и хранение товаров стали рискованным занятием, поэтому склады стали делать укрепленными, чтобы обеспечить нормальную сохранность имущества. Вдоль дорог возводились посты и башни, а безопасность водного транспорта возлагалась на строительство предместных крепостей и укрепленных мест для высадки на сушу, иногда называемых *burgi*. Несколько образцов таких бургов находятся на Дунае. Они не идентичны в плане, но главные элементы состоят из центральной укрепленной башни со стенами, выдающимися в реку, обеспечивающими защиту гавани, где с кораблей могли на суше переносить грузы. Но термин *burgus* имеет

более широкое значение, включая в себя не только такие крупные береговые постройки, но и большие башни, такие как 13-метровая башня в Базеле со стенами толщиной 1,2 м, а также меньшие по размерам одиночные башни. Вегеций называет бургом небольшое укрепление, в котором размещались машины и стрелки для защиты города (Veget. Epit. IV, 10: *castellum parvulum, quem burgum vocant... ibique ballistas sagittariosque constitui*). Бурги, возможно, были наиболее характерной чертой позднеримской границы. Цепи таких башен были найдены во время раскопок на Рейне в Швейцарии, в излучине Дуная к северу от Аквинка и в секторе Железных Ворот. Они ставились между крепостями, на расстоянии видимости одна от другой. Некоторые бурги были окружены бруствером, например башни на побережье Северного Йорка (Коннолли 2000: 301). Крупные укрепления вдоль больших рек включали в себя обнесенные стенами небольшие и крупные города, предместные крепости и укрепленные места для высадки и склады. Все эти типы укреплений относятся ко времени Диоклетиана, Константина I, Валентиниана I.

Кроме того, существовало большое количество наблюдательных башен на побережье и вдоль границ. Эти постройки применялись римлянами еще со времен республики. При принципате большое их количество было построено вдоль границ, дорог, побережий. Башни поздней Римской империи датируются по-разному, включая времена Диоклетиана и Константина, но именно Валентиниану I приписывается наиболее полное их использование. Две надписи, датированные 371 г., были обнаружены в башнях на верхнем Дунае. Сходные башни, но без таких четких свидетельств их датировки, известны вдоль верхнего Рейна. Они сложены из камня и часто не совсем квадратные в плане, стены имеют небольшой наклон. Окружающий башни ров служил скорее для дренажа, чем для обороны. У башни в Кляйнер Лауфен еще виден дверной проем, поэтому эти она непохожа на образцы с границ ранней римской Германии, которые, как считается, обычно не имели входа на первый этаж, а забирались на которые при помощи лестниц сразу на второй этаж (Southern, Dixon 1996: 146).

Данная глава трактата Анонима тесно связана с его предложениями, относящимися к новой системе комплектования армии и изложенными в пятой главе. Там, как мы помним, Аноним выдвигал идею быстрой отставки солдат и их скорейшего возвращения к мирной жизни с целью превращения их в рядовых налогоплательщиков и, тем самым, повышения доходов государственной казны. Поэтому успех программы Анонима по укреплению границ покоится именно на его новой программе по комплектованию армии. Прикрытие римских границ на всем их про-

тяжении многочисленными фортами, расположенными на расстоянии около 1,5 км, как он предлагает в двадцатой главе, требует значительных людских ресурсов. А этими ресурсами, как представляется, должны стать вышедшие в отставку ветераны (гл. 5,6). Из сказанного Анонимом вытекает, что в действительности военная служба отставников фактически не заканчивается и они теперь просто становятся солдатами-пограничниками. Как уже отмечалось, это могло послужить сильным препятствием для притока добровольцев на военную службу. Оценивая в целом предложения Анонима по реорганизации границ, необходимо отметить, что и здесь он не предлагал ничего нового, поскольку практика поселения ветеранов на границах использовалась уже давно, кроме того, практиковалось возведение пограничных укреплений за счет местных землевладельцев и расположение фортов-кастелл на расстоянии миль друг от друга по валу Адриана в Британии (Johnson 1979: 71; Mac-Mullen 1963: 34) (*А. В. Козленко, М. Н. Серафимов*).

¹²⁰ Римская миля — 1478,7 м. Таким образом, большинство башен должны были находиться в пределах прямой видимости одна от другой. Проект изучения Арабского лимеса, предпринятый группой ученых во главе с С. Т. Паркером в 1980 — 1989 гг. выявил остатки более 70 башен, воздвигнутых вдоль границы между I и VI вв. н.э. Большинство башен располагались на холмах с хорошим круговым обзором, занимая удобную стратегическую позицию по отношению к окружающей местности, близлежащим вади и путям сообщений. В среднем расстояние между укреплениями составляло 10 км. В радиусе 14 км от крепости Эль-Леджун, где размещался крупный гарнизон из воинов IV Марсова легиона, исследователи насчитали 28 наблюдательных башен, на расстоянии в среднем от 0,8 до 8,1 км одна от другой. С башен велось наблюдение за перемещениями групп кочевников, и в случае необходимости подавался сигнал тревоги. В 1987 г. С. Т. Паркер поставил эксперимент, который должен был выяснить, могли ли сторожевые башни обмениваться друг с другом световыми сигналами. Результат оказался отрицательным, поскольку выяснилось, что из-за рельефа местности не все башни могли видеть сигнал, который подавали им соседи. Кроме того, сигналы не были видны из крепости, располагавшейся в низине между холмами. Однако, обнаруженные вскоре новые данные позволили скорректировать это заключение. Выяснилось, что цепь передаваемых башнями световых сигналов могла просматриваться из небольшой башни в Хирбет эль-Фитьян, расположенной в 2,5 км северо-западной лагеря IV Марсова легиона. На основании этих наблюдений исследователями было сделано предположение о том, что башня была построена

специально для получения сигналов и передачи их в крепость. Таким образом, сигнальная функция башен косвенно подтвердилась, хотя технология передачи сигнала остается по-прежнему неясной (Parker 2006: 548–552) (А. В. Козленко).

¹²¹ По мнению С. Джонсона, идея Анонима заключается в создании системы фортов-кастелл, расположенных на расстоянии мили друг от друга, а не сплошного вала на римской границе. Форты Анонима английский исследователь сопоставляет с распространенной на других границах системой бургов и *centeraria*, укрепленных блокгаузов из нескольких комнат, в которых пребывали пограничники (Johnson 1979: 69, 72). Возведение бургов в Европе зафиксировано уже при Антонине Пие, а в дальнейшем такие работы продолжались при Коммодe, Александре Севере и Каракалле в Верхней Германии, Паннонии, Нумидии и Мавретании, хотя, вероятнее всего, в данный период эти работы производились за казенный счет, а не из средств местных землевладельцев, как предлагает Аноним (Johnson 1979: 69). Особенно интенсивное строительство пограничных укреплений осуществлялось в период Поздней империи императорами Диоклетианом и Константином, а также Валентинианом I (Аmm., XXVIII,2,1.; XXX,7,6.; XXVIII,2,2). Сообщениям источников соответствуют многочисленные остатки подобных сооружений на территории провинций Реции, Максимы Секванов и Паннонии. Все они сложены из грубо тесанного камня, массивные стены, образующие квадрат неправильной формы, окружены рвом и валом. Каменный порог, обнаруженный в Кляйнер Лауфен (Швейцария), свидетельствует, что вход в башню располагался на первом этаже. В большинстве построек первый этаж служил складским помещением и кухней, а верхний этаж, крытый крышей, предназначался для проживания солдат. Численность гарнизона сторожевых башен неизвестна. Скорее всего башню занимал один контуберний — 8 человек. Общая площадь жилого этажа башни, ок. 30 м², соответствовала площади, отводимой под одну палатку. Надписи позволяют датировать их временем совместного правления Валентиниана I и Валента 367–372 гг. (Johnson 1979: 70). Укрепления, обнаруженные на побережье Йоркшира, в Скарборо, Голдсборо, Хантклиффе и Равенскаре, датируемых по остаткам керамики второй половиной IV в., имеют более сложную форму, нежели современные им постройки Валентиниана I. Центром укрепления является дозорная башня, примерно 15 м высотой, квадратная, с массивными стенами толщиной 1,5 м. Башня была по периметру обнесена стеной с угловыми площадками для лучников и рвом. Вероятно, строительство этих башен связано с деятельностью дукса Британии Феодосия, укреплявшего побережье провинции против

нападений саксонских пиратов. (Dixon, Southern 1996: 147). Подобные системы пограничных укреплений существовали почти всех участках римской границы, в Европе, Азии и Африке (Warmington 1954: 23–24; Gichon 1967: 175).

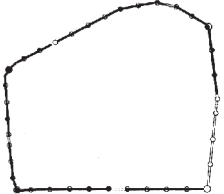

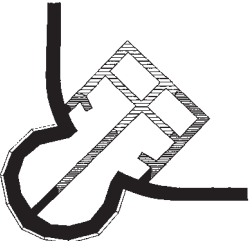
<p>План позднеримской крепости Icorigium (совр. Юнкерат)</p> 	<p>Ворота позднеримской крепости Portus Adurni (совр. Порчестер)</p> 	<p>Башня позднеримской крепости Divitia (совр. Кельн-Дойц)</p>
<p>План позднеримской крепости Salodurum (совр. Солотурн)</p> 	<p>Вход в позднеримскую крепость Ca(e)lius Mons (совр. Кельмюнц)</p> 	<p>Башня из Intercisa (совр. Дунапентеле)</p>
<p>План позднеримской крепости Tabernae (совр. Заверне)</p> 	<p>Вход в позднеримскую крепость Icorigium (совр. Юнкерат)</p> 	<p>Башня из Eburacum (совр. Йорк)</p>

Рис. 69. Позднеримские укрепления

Назначение башен выводится из их местоположения. Вероятно, наиболее значимой является оборонительная функция укрепления, представлявшего защиту для гарнизона и окрестного населения. Башни,

часто расположенные в пределах видимости друг друга, могли использоваться для передачи информации, иногда на довольно значительные расстояния (см. предыдущий комментарий). Дороги вблизи границ также часто снабжались башнями, гарнизоны которых выполняли полицейские функции. В Нумидии небольшие наблюдательные посты в Кикуине, Мдиле и Дженделе контролировали проходы в Аурийских горах, сочетая полицейский надзор с функцией военной защиты. Такое же сочетание было характерно также и для альпийских проходов. В Аравии наблюдательные башни располагались в устье вадии Муджиб, чье каменистое дно летом использовалось кочевниками для перегона своих стад с востока на запад. Наблюдательные посты, размещенные в башнях, имели возможность отслеживать передвижения групп кочевников и взимать с них пограничную подать. Мимо укреплений не могли незамеченными проскользнуть ни вражеский отряд, ни отдельные прохожие. Письменные источники свидетельствуют о том, что на границе империи регулировалось передвижение гражданского населения. Путешественники могли вступить на территорию империи лишь безоружными, в присутствии охраны, в дневное время суток и лишь через определенные пропускные пункты. Пограничная стража исполняла также роль таможенников и собирала налог за пересечение границы (Tac. Hist., IV, 64–65). Иногда башни довольно далеко отстоят от пограничных территорий и основных путей сообщений. Было высказано предположение, что власти городских общин восточных провинций с их помощью стремились более эффективно контролировать окружающую сельскую территорию. Иногда башни являлись собственностью местных аристократов, которые совмещают высокое положение в местных общинах с командными постами в римской армии. Как свидетельствует один документ из Палестины, отряд всадников на верблюдах, дромедариев, составивший гарнизон такого укрепления в правление императора Феодосия, состоял из местных уроженцев и находился под командованием шейха, которому принадлежала земля, на которой стояла башня, а также окрестные владения. (Whittaker 1993: 284). Кроме сельскохозяйственных, бурги выполняли и другие мирные функции: они служили рынками и почтовыми станциями (Johnson 1979: 70).

По мнению С. Джонсона, эта глава может помочь для определения датировки трактата, поскольку в том случае, если Аноним точно знал, что следует делать императору, то дата написания едва ли может быть позднее 367 г., а после этой даты Валентиниан I, вероятно, был самым активным императором в деле укрепления границ (Johnson 1979: 71) (А. В. Козленко, М. Н. Серафимов).

¹²² Государство снабжало армию продовольствием, одеждой, оружием и необходимым снаряжением, которое собиралось с жителей империи в порядке налогового обложения. (MacMullen 1960: 26). Собранная продукция поступала в ведомство преторианской префектуры, чьими представителями выступали наместники провинций. Под их руководством сборщики из курий переправляли продукцию на склады (*horrea*) и выдавали ее интендантам войск по предъявлению соответствующего ордера (CTh., 11, 7, 16). Основное различие в системе военного финансирования проходило вдоль разделения армии на полевые части (*comitatenses*) и части пограничной стражи (*limitanei*). Первые оплачивались непосредственно из фондов государственной казны (*sacrae largitiones*), вторые находились на попечении местных курий. (Jones 1964: 623–624). В 540 г. бюджет египетского города Антиополя предусматривал поставку солдатам полка *Bis Electi Justiniani* 152 ежедневных аннон, которые включали: 924666 модиев пшеницы, 27740 фунтов мяса, 55480 ксестов вина, 15000 модиев ячменя, 30000 капит соломы и 750 модиев ячменя в качестве фуража в течение 12 месяцев (Durliat 1993: 32).

Строительство укреплений не входило в число повинностей местного населения. Этим должно было заниматься военное командование провинции, используя деньги, ежегодно выделяемые ему из государственной казны. Однако, в беспокойную эпоху IV–V вв. собственными укреплениями спешили обзавестись города, крупные села и даже виллы. Как свидетельствуют надписи, подобные укрепления строились силами местного населения (CIL, VIII, 22774). Расположенная на месте древнего городища недалеко от современного Систерона (Бельгия) укрепленная вилла Клавдия Постума Дардана превратилась в убежище для окрестных крестьян. Размеры поселения настолько выросли, что в начале V в. вокруг него пришлось возводить новую стену, а за покладистый нрав его хозяев оно получило название Теополя (CIL, XII, 1524). Происходивший процесс был описан современником: «Те, кто были согнаны со своих мест страхом перед врагами, бежали в укрепления (*castella*) ...и отдавались под власть их обитателей». (Salv. De gub. Dei, IV, 4). Гарнизоны подобных укреплений чаще всего состояли из домочадцев и слуг их хозяина, окрестных обитателей и наемников буцеллариев. В совокупности они представляли подлинные частные армии, часто боровшиеся с варварами совместно с военными силами государства. Полностью осознавая опасность существования таких армий, государство поначалу пыталось бороться с ними путем законодательства (Cod. Theod., VII, 1, 15; 18). Однако, в обстановке военной анархии, охватившей империю в начале V в., эти попытки оказались

обречены на неудачу. По мере того, как германские федераты сменяли римскую армию в качестве военных гарнизонов в провинциях, крупные земельные собственники сменяли государство в качестве управляющих провинциями. По мере приватизации власти все новые области уходили из-под опеки государства, пока государственная власть в провинциях не исчезла совсем (*А. В. Козленко*).

¹²³ Строительство пограничных укреплений и поддержание их в порядке было прерогативой военного командования провинций. О значимости, которую государство придавало этой функции, свидетельствует письмо Валентиниана I, направленное в июне 365 г. дуксу Прибрежной Дакии: «Высокородный муж, на доверенной тебе границе ты должен не только восстанавливать укрепления, пришедшие в негодность, но также каждый год возводить новые башни в местах, которые для этого пригодны. Если ты ослушаешься моего приказа, то по истечении срока твоей власти тебя вызовут на границу, и укрепления, которые ты забудешь построить при помощи армейской рабочей силы и средств, тебе придется возводить за свой счет» (Контамин 2001: 14). Кроме того, местные населенные пункты должны были снабжать пограничные войска провизией и людьми, набранными по определенным конскрипциям (Анон. Вуз. Polioгс., 228b). Идея возведения укреплений за счет местных помещиков находит и практическое подтверждение в некоторых надписях на африканских *centenariae*, где сообщается, что последние построены землевладельцами из окрестных общин (CIL, VIII, 22774).

На основании одной греческой надписи из Фракии, датированной 202 г., в которой говорится об основании нового эмпория, делаются некоторые выводы о системе комплектования патрулей в пограничных башнях, поскольку в качестве побудительных причин для переселения в него предлагается возможность освобождения от налога на поставку пшеницы в Рим, продовольствия для государственной почтовой службы и обязанность выставлять людей для бургов и гарнизонное войско (IGBR, III, 2, 1690 (103–120 гг.)). Это наводит на мысль, что местные общины должны были поставлять людей для пограничных постов. Кроме того, в надписи говорится, что содержание новых зданий в эмпории должны взять на себя сами местные декурионы. Таким образом, уже в конце II — начале III вв. существовала система наблюдательных башен, по крайней мере, вдоль некоторых границ империи, и эта система должна была укомплектовываться при помощи некоторой формы конскрипции, возложенной на местное население. Это практически уже тоже самое, что предлагает Аноним (Johnson 1979: 70) (*А. В. Козленко, А. К. Нефёдкин, М. Н. Серафимов*).

¹²⁴ Выдача солдатам земли при отставке было обычной политикой римских императоров даже в период Поздней империи (Johnson 1979: 67; ср.: Webster 1969: 41–43, 257–258). Особые поселения ветеранов вдоль границ считались такими же эффективными, как и поселения варваров, поскольку, хотя их служба и закончилась, но они все еще оставались силой, с которой надо было считаться (Амм., XVI,2,1; XXVI,7,1; XXXI,12,1) Существование таких поселений ветеранов в пограничных районах фиксируют и надписи (Johnson 1979: 68). Широкое использование воинов-землевладельцев шло рука об руку со строительством пограничных укреплений и размещением здесь постоянных гарнизонов. До середины IV в. части пограничной армии обозначаются *gripenses* и *castellani*, впоследствии появляется термин *limitanei* (Глушанин 1986: 199–200). Первый раз данный термин появляется в жизнеописании императора Александра Севера, с которым автор «Жизнеописаний августов» связывает начало проведения соответствующей политики: «Земли, отнятые у врагов, он роздал пограничным начальникам и воинам, с тем, чтобы эти земли принадлежали им лишь в том случае, если и наследники их будут служить в войске, и чтобы земли никогда не переходили в частные руки; он говорил, что воины будут ревностнее нести службу, если будут защищать свои поля. Кроме того, он дал им скот и рабов, чтобы они могли обрабатывать полученную ими землю и чтобы поля, расположенные рядом с варварскими областями, не были покинуты из-за недостатка в людях и вследствие старости владельцев — это он считал в высшей степени позорным» (SHA, XVIII, 58, 4–5; пер. С. Н. Кондратьева). С кризисом государственной системы снабжения в конце IV — начале V вв. лимитаны превращаются в воинов-земледельцев, владевшими земельными участками на границе. Неотчуждаемость их земельных владений была подтверждена законом 443 г. и закреплена в «Кодексе Юстиниана» (XI, 60, 3). Лимитаны несли гарнизонную службу в приграничных крепостях и бургах и только изредка привлекались для участия в прочих военных действиях. Их служба носила ярко выраженный наследственный характер и, в отличие от службы в полевой армии, считалась необременительной (Dixon, Southern 1996: 36). Так, надпись на папирусе IV в. свидетельствует о том, что Флавий Патермунтис, солдат одного из подразделений лимитанов, в свободное от военной службы время был паромщиком и получал от этого промысла весьма значительный доход. Надпись на другом папирусе рассказывает о том, что солдаты одного подразделения взяли в аренду пекарню, находившуюся в собственности солдат другого отряда (Macdowall 1994: 20). Вследствие этого боевое мастерство, а также снаряжение лимита-

нов постоянно ухудшалось, пока в V в. они окончательно не превратились в отряды сельской милиции. На рубеже IV–V вв. римская армия на две третьих состояла из подразделений этого типа, причем на Востоке это соотношение (250 000 из 350 000) было большим, чем на Западе (140 000 из 250 000) (Jones 1964. Vol. II: 679–685). Крупные потери, которые понесла римская армия в сражениях против варваров, попытались возместить, переведя лимитанов в состав отрядов так называемые *pseudocomitatenses*. Результатом этой политики было стремительное уменьшение сил пограничной армии и общее ухудшение качества боевой выучки войск (А. В. Козленко, М. Н. Серафимов).

¹²⁵ Призыв к систематизации права являлся основным аргументом в пользу мнения Х. Брандта о датировке произведения накануне времени создания кодекса Феодосия, около 439 г. (Brandt 1988: 127–133; Liebeschuetz 1994: 124). Впрочем, надо заметить, что жалобы на сложность ориентации в римском праве того времени, состоящем из многочисленных, разновременных и разнородных документов (конституции императоров, *responsa prudentium*, более ранняя традиция), были достаточно типичны. Об исключительной сложности систематизационного труда свидетельствует и информация о работе комиссий по составлению «Кодекса Феодосия» (CTh., I,1,5, *ad senatum*, 429), а затем и «Кодекса Юстиниана» (CJ, I,17,1,533). В последнем случае составители «Дигест» сообщают, что изучили 2000 работ, написанных 40 авторами, общим объемом в 3 млн. строк. Идея кодификации также была не нова и носилась в воздухе еще во времена Диоклетиана и Константина, ко времени которых относятся Грегорианский и Гермогенианский кодексы. В 426 г. Валентиниан III ввел очень сложный и дифференцированный «Закон о цитатах», касающийся градации приоритета мнений ведущих представителей римской юриспруденции (Папиниана, Ульпиана, Павла, Гая и Модестина). В 429 г. правительство Феодосия II признает необходимость принятия срочных мер в отношении императорских конституций, «потонувших в густом тумане» (CTh., II,1,1). По очень точному и остроумному замечанию А. Джонса, «справедливо превозносятся отличия римского права, следует, однако, усомниться, были ли его достоинства видны большинству населения империи» (Jones 1961. Vol. II: 470) (А. В. Егоров).

М. Н. Серафимов

Анонимный трактат «О военных делах»: эпоха, автор, проекты

Вторая половина IV в. н. э. является особым периодом в истории римской империи. Несмотря на реформы, проведенные Диоклетианом и Константином, Риму становилось все труднее сдерживать натиск варваров на границы, а содержание огромной армии и разросшегося бюрократического аппарата ложилось непосильным бременем на плечи налогоплательщиков. Одним из наиболее ярких проявлений охватившего империю кризиса явилось ослабление римской военной мощи. Современники очень остро ощущали эту сторону кризиса общества и поэтому не случайно на рубеже IV–V вв. появляется ряд литературных произведений, посвященных проблемам военной организации. Над поисками выхода из тупика раздумывали многие люди этого времени, выдвигались различные программы. Вегетий, например, стремился возродить дедовские формы военной организации армии эпохи принципата, при этом полностью игнорируя изменившиеся социальные и экономические условия. Фемистий, Синезий и Амвросий Медиоланский усматривали причину военных поражений в чрезмерной варваризации римского войска и поэтому предлагали воссоздать армию только из римлян (Them. Orat., XIV, 181; Syn. De regno, III, 4; Ambros. De fide, II, 16, 140). Клавдий Клавдиан, наоборот, все надежды возлагал на наемников (Claud. In Eutrop., II, 156–159). Даже у «Авторов жизнеописаний Августов» содержатся завуалированные рекомендации по изменению существующей военной системы¹.

В третьей четверти IV в. появляется небольшой анонимный трактат «О военных делах», написанный довольно рафинированной латынью, автор которого предлагает римским императорам не только улучшить финансовую и административную систему империи (De reb., 1–4; 21),

¹ Лазарев 1999: 102.

но и для успешного отражения нападений варваров сконструировать различные военные машины (6–18). В историографии вопроса одной из главных проблем является проблема адекватности оценки положения империи и, главное, степени реалистичности и целесообразности предложений автора трактата. Оценки исследователей колеблются от признания автора *De rebus bellicis* серьезным и вдумчивым аналитиком¹ до мнения о нем как писателе политического памфлета или даже «развлекательного произведения», о нереальности, «забавности», бесполезности и, в известной мере, фантастичности содержащихся в трактате предложений², и, наконец, даже как о «безумном прожектёре» (*ein verrückter Projektmacher*)³.

История, как сам трактат попал в руки исследователей, такова. *De rebus bellicis* дошел до нас в четырех основных копиях, снятых в XV–XVI вв. с так называемого *Codex Spirensis*, обнаруженного в библиотеке собора немецкого города Шпейера. Этот кодекс, помимо *De rebus bellicis*, содержал еще двенадцать важных античных трактатов, из которых самым известным, пожалуй, является, *Notitia Dignitatum*.

В XV в. были сделаны три копии кодекса, так называемые С, Р и V, в настоящее время хранящиеся соответственно в Оксфорде, Париже и итальянском городе Тренто. История же последней копии, называемой М, представляет для нас определенный интерес, поскольку ее судьба тесно связана с самим *Codex Spirensis*. В начале 1548 г. пфальцграф Отто Хейнрих (1502–1559 гг.) попросил настоятеля и каноника Шпейерского собора послать ему манускрипт для копирования, однако ввиду плохого состояния манускрипта ему было в этом отказано. В течение двух лет Отто Хейнрих вел переговоры с руководством собора, и, наконец, в июне 1550 г. его просьба была удовлетворена, хотя и не так, как ему хотелось. Настоятель и каноник послали ему копию *Spirensis*, которая как раз и является копией М. Однако, воспользовавшись трудностями, в которых оказался этот город, Отто Хейнрих нашел возможность наложить руку на один или два манускрипта, хранившихся в соборе, среди которых был и тот, к обладанию которым он так стремился. После его смерти *Codex Spirensis* и его копия М были отправлены принцу Вольфгангу, наследнику Отто в город Нейбург на Дунае⁴. В 1660 г. М попадает в руки принца Филиппа Вильгельма в Дюссельдорф, а оттуда после 1800 г. в Манхейм.

¹ *Cameron* 1979: 1–10; *Thompson* 1952: 4–6; *Mazzarino* 1974: 103–112.

² *Liebeschuetz* 1994: 121–139, особенно 119–121.

³ *Seek* 1894: 2325.

⁴ *Tompson* 1952: 8–9.

В итоге в конце XIX в. эта копия кодекса оказалась в Государственной библиотеке Мюнхена, где и находится на сегодняшний день¹.

Судьба же самого Codex Spirensis очень неясна. В течение нескольких лет он находился в Нейбурге вместе с другими манускриптами, принадлежащими Отто Хейнриху, но в дальнейшем все они были утрачены. Долгое время считалось, что это безвозвратная потеря, но совершенно неожиданно единственная уцелевшая страница из этого кодекса была найдена в городе Реттерштеттене (рядом с Пфальц-Нейбургом). Она была использована для переплета одной учетной книги, датируемой 1602–1603 гг. Предположительно манускрипт был увезен из Нейбурга в конце XVI — начале XVII вв., и по воле злой судьбы попал к кому-то и не подозревавшему о его ценности. В любом случае, этот единственный лист, содержащий часть текста *Itinerarium Antonini*, то есть одного из тех документов, входивших среди прочих в состав Кодекса, был обнаружен А. Димандтом в Валлерштейне в 1906 г., К. Шоттенлохер в 1927 г. признал его единственной уцелевшей частью когда-то славного манускрипта города Шпейера. Согласно профессору Леману, его можно датировать IX — началом X в².

Кроме этих четырех существует еще дюжина других рукописей, но они или являются копиями первых четырех, или же настолько небрежно выполнены или страдают лакунами, что не представляют большой ценности для реконструкции текста *De rebus bellicis*³.

Сам трактат представляет собой небольшое по объему произведение, написанное в форме обращения к нескольким императорам, и фактически является своеобразной антикризисной программой. Ее автор предлагает осуществить ряд мер, которые позволили бы улучшить внутри- и внешнеполитическую обстановку Римской империи. Внутреннее тревогу состояние государственной казны и монетного дела, обеспечение нормального судопроизводства и постоянные варварские нападения — вот основные вопросы, которые волнуют автора трактата. Соответственно с этим и сам трактат может быть разделен на три части:

1. Меры для сокращения государственных расходов и тем самым укрепления финансовой системы империи:

- I. О сдерживании раздач;
- II. С каких времен началась расточительность и корыстолюбие;
- III. Об обмане и исправлении чекана;

¹ *Tompson* 1952: 9–10.

² Более подробно об истории самого Codex Spirensis см.: *Tompson* 1952: 13–15.

³ *Tompson* 1952: 10.

— V. Об уменьшении военных расходов;

— XX. Об укреплениях границ.

2. Мероприятия, относящиеся к военному делу. Сюда главным образом относится создание и внедрение в военную практику различных военных машин (баллист, боевых колесниц и т. п.), некоторых видов наступательного и оборонительного оружия и новой системы комплектования армии:

— V. Об уменьшении военных расходов;

— VI. О военных машинах;

— VII. Представление четырехколесной баллисты;

— VIII. Представление тиходифра;

— IX. Представление клипеоцентра;

— X. Представление плюмбаты [и] триболаты;

— XI. Представление плюмбаты-мамиллаты;

— XII. Представление курродрепануса;

— XIII. Представление одиночного курродрепануса;

— XIV. Представление щитоносного курродрепануса;

— XV. Представление торакомаха;

— XVI. Представление аскогефира;

— XVII. Представление либурны;

— XVIII. Представление молниеносной баллисты;

— XIX. О военном приготовлении;

— XX. Об укреплениях границ.

3. Пресечение злоупотреблений в сфере судопроизводства и администрации:

— IV. О порочности судей;

— XXI. Об устранении смешений в законах и праве.

Некоторые вопросы, затронутые в трактате, настолько трудно однозначно присоединить к какой-либо из этих трех групп, что зачастую они дублируются, например гл. 5: «Об уменьшении военных расходов» или гл. 20: «Об укреплениях границ».

Есть и другие деления трактата по основным вопросам. Например, Т. Видеман предложил свою схему, хотя она, на наш взгляд, излишне детализирована, и в ней отмечено, главным образом, только то, что связано с финансовой системой:

1. Урезание налогов благодаря сокращению различных раздач, раздаваемых императорским двором;

2. Контроль за количеством золота, находящимся в обращении;

3. Назначение честных людей на должности провинциальных наместников и таким образом защита налогоплательщиков;

4. Предложения, касающиеся сферы военной экономики:

— быстрое продвижение военнотружущих младших званий, но уменьшение жалования.

— применение различных боевых машин

— возведение пограничных укреплений за счет местных землевладельцев, а не за счет казны.

5. Издание систематизированного кодекса законов¹.

В любом случае, мы можем предположить, что это те самые проблемы, которые наиболее остро вставали перед центральным римским правительством во второй половине IV в. н. э. Ситуация, в которой в тот момент находилась Римская империя, описана самим Анонимом достаточно образно: «Империю, облаиваемую со всех сторон, отовсюду царапает беснование народов, и каждой стороне границы угрожает коварное варварство, прикрытое природными местами» (6,1). С другой стороны, предложения Анонима могут быть разделены на предложения чисто технического характера, стоящие на втором месте в трактате, куда как раз и относятся образцы военной техники, и его теоретические рекомендации, охватывающие важнейшие вопросы состояния государственной казны, управления провинциями и новой военной политики, которым Аноним уделяет первую и основную часть своего труда.

Уже неоднократно был отмечен традиционный характер как экономических, так и чисто военных предложений Анонима, то, что они близко пересекаются с тогдашней существующей практикой². И наделение ветеранов земель в пограничных районах, и возложение обязанностей по возведению пограничных укреплений на частных лиц, и рекомендации по снижению налогов, и некоторые образцы военного снаряжения, предлагаемые Анонимом, не содержат в себе ничего нового. Программа мероприятий, предлагаемых Анонимом, сходна с позицией, занятой Фемистиом, который в своих речах (366–368 гг.) советовал императору Валенту уменьшить налоги (Them. Orat., VIII, 119c), он же хвалит принцепса за экономию на армии (VIII, 115d–116a), контроль за губернаторами (VIII, 116d) и за налогами (VIII, 114–115), за строительством укреплений и боевых машин (X, 136a; 138b), за то, что император является воплощением закона (VIII, 118)³.

Однако наряду с этим есть и существенные отличия, которые ставят *De rebus bellicis* в совершенно особенное положение. Что касается во-

¹ *Wiedemann* 1979: 140–141.

² *Johnson* 1979: 67; *Liebeschuetz* 1994: 126.

³ *Cameron* 1979: 5–7; *Liebeschuetz* 1994: 133–135.

енных машин, предложенных Анонимом, то здесь Э. Томпсон подметил интересную деталь: военные методы и оружие, предложенные Анонимом, пронизывает глубокий наступательный дух по сравнению с Вегецием, который, как правило, пишет с позиций обороняющейся стороны. За исключением *ballista fulminalis*, все оружие Анонима — это оружие нападения¹. Кроме того, и на что уже обращалось внимание, ключевое отличие Анонима от Вегеция и многих других писателей, у которых реформы подразумевают возврат к прошлому, что он стремится исходить из реального состояния дел Империи². Незаурядность Анонима проявилась еще и в том, что он практически был единственным, кто понял значение технических средств, хотя и не его вина, что в его эпоху они оказались невостребованными.

Произведение Анонима, несмотря на свое специализированное название «О военных делах», охватывает чрезвычайно широкий круг проблем и основная мысль, содержащаяся в нем, что военная мощь государства заключается в первую очередь в его экономическом благосостоянии, в эффективном управлении и судопроизводстве. Залогом этого он считал многочисленный и преуспевающий средний класс землевладельцев. Здесь можно провести определенные параллели с реформами братьев Гракхов, которые также были направлены на возрождение класса мелких и средних землевладельцев. Такие узкие вопросы, как национальный состав армии, автор не затрагивает. Логика его ясна: если солдат сыт, обучен и надежно экипирован, то не имеет значения, римлянин ли он по происхождению или варвар. Именно из-за уникальности его предложений видит Э. Томпсон причину провала Анонима. У него не было ни предшественников, ни последователей³.

Для исследователей изучение этого трактата затрудняется тем обстоятельством, что автор не называет никаких точных дат, конкретных имен императоров или должностей, все излагается намеками, поэтому и взгляды ученых по различным вопросам расходятся.

Начнем с основного вопроса, то есть времени написания самого трактата. Хотя в свое время Кубичек писал, что мы не можем точно определить время написания *De rebus bellicis*⁴, тем не менее, в самом документе есть отправные точки, которые могут пролить свет на его датировку. Точно можно определить лишь дату, после которой этот труд был напи-

¹ *Tompson* 1952: 79.

² *Liebeschuetz* 1994: 134.

³ *Tompson*.1952: 81.

⁴ *Kubitchek*1925: 1830.

сан — это 337 г., поскольку в главе II автор упоминает имя императора Константина (306–337 гг.) (2,1). Дальше мнения ученых разделяются. Есть несколько точек зрения по этому вопросу:

Долгое время это сочинение вслед за его первоиздателем З. Геленом (1552 г.) датировали 392–395 гг., то есть временем Феодосия I, его сыновей Аркадия и Гонория, но это плохо согласуется с авторскими словами «императоры» и «их сыновья»¹. Однако сейчас большинство исследователей отвергают эту точку зрения на основании военной ситуации: варвары еще не прорвались на территорию империи². Хотя в настоящее время Б. Болдуин снова предложил для датировки трактата время правления Феодосия (379–395 гг.), а точнее 384–387 гг., когда Феодосий признал Магна Максима своим соправителем. Оба этих императора имели сыновей, поэтому они подходят к словам Анонима об императорах, имеющих сыновей (Praef., 8)³.

Наиболее распространенная точка зрения, что появление *De rebus bellicis* относится к периоду совместного правления императоров Валентиниана I и Валента (364–375 гг.). Аргументы в пользу этого следующие. Из текста видно, что основная задача, стоящая перед римской армией, заключается в отражении варваров от римских рубежей (6,1), а, следовательно, трактат был написан до рокового для Империи поражения при Адрианополе в 378 г. Далее, сам автор обращается к императорам во множественном числе и упоминает их сыновей. После смерти Константина и до падения римской Империи был только один такой период — это правление Валентиниана I и Валента. Сын Валента родился в 366 г., когда сыну Валентиниана было 7 лет. Валентиниан I умер в 375 г., три года спустя Валент пал в битве при Адрианополе. Отсюда вытекает, что *De rebus bellicis* был написан в период между 366 и 375 гг. Эту точку зрения разделяли О. Зеек, Б. Мюллер, Э. Томпсон, П. Оливер. Однако в настоящее время общепринятой считается датировка трактата А. Кэмероном 368/369 гг. В этот период сочинение было преподнесено императору Валенту (364–378 гг.), после его победы над готами и во время сборов в персидский поход. Т. Видеман же полагает, что трактат был адресован императору Валентиниану I⁴, поскольку тот очень интересовался созданием новых образцов военной техники (Aug. Vict. Epit., 45,6), и с его именем связано проведение масштабных восстановительных работ на рейнской

¹ Bates 1894: 447.

² Ireland 1984: V.

³ Baldwin 1978: 26, 28.

⁴ Wiedemann 1979: 143; Нефёдкин 2001: 384.

границе (Атт., XXX, 7, 6). Этому же мнению придерживается и Стивенс¹. Наличие же множественного и единственного числа при обращении к главе государства, по мнению Видемана, объясняется скорее всего тем, что сначала был написан основной текст, адресованный конкретному императору, а лишь затем было написано введение как официальное предисловие к трактату, только как проявление вежливости, предназначенное для просмотра чиновником императорской канцелярии².

Х. Брандт отстаивает мнение, что трактат был написан при императоре Валентиниане III (425–455 гг.)³. На основании юридических и других источников он доказывает, что законодательство этого периода больше подходит к предложениям Анонима, чем законодательство второй половины IV в. Кодификация права, за которую, по мнению Брандта, ратовал Аноним, стала объектом внимания незадолго до появления кодекса Феодосия в 439 г. н. э.

Такой широкий разброс мнений объясняется тем, что отдельные фрагменты текста могут одновременно говорить в пользу той или иной датировки трактата. Так, например, предложения Анонима об укреплении границ (XX) могут, по мнению С. Джонсона, помочь для определения даты написания трактата, и вряд ли она была позднее 367 г., поскольку после этого времени Валентиниан I, вероятно, был самым активным императором в деле укрепления границ (Атт. XXVIII, 2, 1)⁴. С другой стороны, Аноним предлагает императору обратить особое внимание на искоренение различных злоупотреблений при чеканке золотых солидов (V). Однако данные нумизматики этого периода римской истории говорят о том, что солид был самым стабильным элементом монетного дела, его вес и чистота строго поддерживались со времен императора Константина I и оставались неизменными при Валентиниане I⁵, что говорит в пользу более поздней датировки трактата.

Что касается личности самого автора, его национальности или социального положения, то здесь существуют несколько версий. Написание

¹ *Stevens* 1979: 129.

² *Seek* 1894: 2325; *Thompson* 1952: 2; *Cameron* 1979: 1–7; *Wiedemann* 1979: 142; *Контамин* 2001: 11; *Ireland* 1984: V–VII; *Liebeschuetz* 1994: 122, 132–135. А. Черати выдвинул предположение, что трактат относится к 375–378 гг. (*Cerati* 1970: 167). И уж совсем неубедительным выглядит предположение Р. Шнейдера о том, что трактат был написан в конце Средних веков (*Schneider* 1908: 37; 1910: 341–342).

³ *Brandt* 1988: 9–10.

⁴ *Johnson* 1979: 71.

⁵ *Pearce* 1951: XXVI.

текста на латыни говорит в пользу того, что автор был уроженцем западной части империи¹. По мнению Э. Томпсона, автор определенно был воспитан в латинской традиции; он ограниченно знал греческий язык, а его несомненный интерес к восточным границам возможно обусловлен тем, что он жил в одной из наиболее восточных латинизированных провинций, возможно в префектуре Иллирик². Бейтс же склонялся к тому, что наш автор происходил из Британии³. Этим предположениям противостоит другое мнение, согласно которому Аноним был уроженцем Востока, скорее всего греком, писавшим на латыни, поскольку, во-первых, латынь была официальным языком империи, а, во-вторых, вряд ли он мог рассчитывать, что императоры были знакомы с греческим языком. Кроме того, исследователи обращают внимание на язык, которым написан трактат. Стиль изложения материала очень тяжелый и высокопарный, что представляет определенные трудности для перевода. О. Зеек справедливо указывает, что латынь Анонима неуклюжа: *Sein Latein ist daher auch sehr unbehülflich*. В этом видят подтверждение того, что родным языком нашего автора являлся греческий⁴. Однако, с другой стороны, можно сказать, что стиль изложения напоминает манеру Вегеция и, по всей вероятности, был распространен в придворных кругах в конце IV в. Стивенс считает, что автор трактата был *sigialis* восточного происхождения⁵. Указывается также, что те немногие географические ссылки, присутствующие в трактате, находятся на Востоке, а единственные упоминающиеся иноземные народы — это арабы и персы. Географические объекты на Западе дальше, чем Дунай (18,5), автор не упоминает. Все это дает основания предполагать, что трактат был написан на Востоке, по-видимому, в Константинополе⁶.

Однако сторонники первой версии выдвигают свои контраргументы. Мост из надутых шкур свидетельствует о знакомстве автора с кожаными лодками арабов, но, чтобы собрать информацию об арабах, автору вовсе не обязательно было путешествовать по Аравии. Даже если он был там, это еще вовсе не означает, что его родным языком был греческий. То, что его латынь неуклюжа и громоздка, еще ничего не доказывает.

¹ Thompson 1952: 3.

² Thompson 1952: 3; Brandt 1988: 9–10.

³ Bates 1894: 450–451.

⁴ Seek 1894: 2325; ср.: Schneider 1910: 336; Cameron 1979: 7.

⁵ Stevens 1979: 130–131; Лазарев 1999: 103.

⁶ Liebeschuetz 1994: 133.

Это лишь показывает отличие канцелярского придворного языка от разговорного¹. Кроме того, такие технические нововведения, как торакомах и клипеоцентр, по словам самого Анонима, будут особенно эффективны на лесных землях с холодным климатом, то есть больше подходят для границ западной части империи, чем для восточной (19, 2).

Можно даже допустить, что автор трактата по происхождению был варваром, доказательством чего может служить фраза из вступления к трактату: «Притом мы видим, что это происходит без отбора личностей, ведь варварские народы, хотя и не сильны даром слова и не прославились достоинствами, все же считаются менее всего чуждыми изобретениям вещей, когда природа *им* помогает» (Praef., 7). С другой стороны, этой версии противоречит фраза Анонима, демонстрирующая враждебное отношение автора к варварам, выраженное в шестой главе: «Во-первых, следует знать, что Римскую империю, облаиваемую со всех сторон, отовсюду царапает беснование народов и по всей протяженности границ *ей* угрожает коварное варварство, прикрытое природными местами» (6,1). Эту фразу можно истолковывать двояко: либо автор был все-таки римлянином, либо же, он настолько подвергся романизации, что уже перестал ощущать себя варваром, усвоил римские обычаи и язык и считал себя гражданином империи. Тем не менее, как нам кажется, гипотеза о варварском происхождении автора наименее вероятна.

Отечественный исследователь С. А. Лазарев допускает, что автором трактата мог быть не один человек, а минимум двое, один из которых был «чистым» механиком-изобретателем, а другой «спонсировал» проекты и облекал их в литературную форму, не всегда улавливая принцип работы механизма. Этим в какой-то степени можно объяснить тяжелый стиль описания изобретений и частый переход в изложении материала от единственного числа к множественному (Praef., 7 и далее). Более понятным в таком случае становится и отсутствие имени автора трактата².

В вопросе социального происхождения Анонима исследователи также не пришли к общему выводу. Выдвигаются разные точки зрения. Одни считают автора трактата старым солдатом³, другие — придворным чиновником⁴. Сам же Аноним относительно своего социального положения дает нам понять, что он не принадлежит к высшим слоям общества

¹ *Tompson* 1952: 3.

² *Лазарев* 1999: 103.

³ *Syme* 1968: 100.

⁴ *Matthews* 1975: 49.

(Praef., 6), хотя и сообщает, что располагает свободным временем для того, чтобы собрать необходимые материалы для трактата (Praef., 15). В одном отрывке он отделяет себя от военных (12,4), хотя был хорошо осведомлен о проблемах и снаряжении римской армии в IV в. Э. Томпсон предполагает, что вряд ли он был кем-то больше, чем хорошо осведомленным частным лицом¹. Косвенным аргументом в пользу этого может служить также тот факт, что, по мнению Анонима, именно расходы на армию губят налогоплательщика (5,1). К этому можно добавить, что он, по-видимому, видел Дунай, интересовался войнами с персами, а его критическое отношение к императору Константину без какого-либо восхищения говорит в пользу того, что он мог быть язычником².

По всей вероятности, это сочинение, предназначавшееся императору, было положено под сукно императорским чиновником и на глаза императору не попадалось. Мнение же Р. Неэра о том, что император ознакомился с трактатом и даже обсуждал его на государственном совете, большинством исследователей не разделяется³.

Говоря о новизне технических средств, предложенных Анонимом, необходимо отметить, что довольно сложно провести четкие границы между теми военными машинами, которые существовали в действительности и которые существовали только в воображении автора. Где действительно новинки, а где модификации уже имеющихся в арсеналах средств? Как провести четкую грань между усовершенствованием существовавшего и выходом на качественно новый уровень? Разделим его технические предложения на три группы:

1) Известные или применявшиеся в римской армии аппараты: о применении надувного моста (16) императором Юлианом сообщает Аммиан Марцеллин (XXIV,3,11); молниеносная баллиста, которая, как мы узнаем от Анонима, была проверена опытом (18,1). Главное преимущество последней заключается в повышенной дальнобойности, что в свою очередь требует усиления натяжения. А для облегчения взведения ударного механизма и одновременно с этим сокращения количества обслуживающего персонала обычное метательное орудие соединено с подъемным колесом, применявшимся в грузовых кранах. Это, должно быть, и составляло главное новшество данной машины по сравнению с обычными метательными машинами, которые взводились воротами (Амм., XXIII,4,1–3).

¹ *Tompson* 1952: 6.

² *Tompson* 1952: 5.

³ *Tompson* 1952: 6.

2) Уже известные военные приспособления, в которые автор предлагает внести небольшие модификации: четырехколесная баллиста (7), по-видимому, является обыкновенным вариантом боевой машины тех времен, которую автор поставил на четыре колеса, а лошадей прикрыл защитными панцирями, то есть превратил ее в маневренную конную артиллерию на поле боя. Тиходифр (8), похоже, представлял собой обычную виною, усыпанную для защиты различными острьями, а клипеоцентр (9) ни что иное, как простой круглый щит, укрепленный для прочности гвоздями. Правда, Аноним предлагает сделать его универсальным средством защиты, одинаково годным для использования рядовыми воинами и для оснащения курродрепанусов. Плюмбата (10), триболата (10) и мамиллата (11) представляют собой широко распространенное метательное оружие, снабженное дополнительными шипами и острьями. О подроспешной одежде — торакомахе сам Аноним говорит, что его придумала предвидящая будущее древность (15,1), но он предлагает одевать поверх него водоотталкивающие покрытие из выделанных кож.

3) И, наконец, те авторские проекты, которые можно с полным правом назвать значительным новшеством. Из всего предложенного Анонимом, кроме уже перечисленного, у нас остался только проект либуруны. Идея создания такого корабля, движимого не с помощью людской силы или силы ветра, а силой животных, ранее не встречалась, и поэтому в данном случае Аноним значительно обогнал свое время, поскольку подобные корабли были созданы только в Новое время в Европе XVI–XVII вв.¹ Относительно либуруны мы можем с большой степенью вероятности говорить, что, так же, как и в случае с курродрепанусами, автор вряд ли видел такой корабль воочию. Слишком уж Аноним переоценивал боевые возможности такой либуруны, утверждая, что такой корабль был способен заменить десять обычных кораблей (Praef. 12; 17,1–3). Кажется совершенно невероятным, что два быка, приводящих в движение пару ступенчатых колес, смогли бы развить скорость достаточную для нанесения эффективного таранного удара, как это описывает Аноним (17,3).

Очень интересна идея создания целого семейства курродрепанусов (12–14). Что это? Самостоятельный взгляд автора на новый тип оружия или же очередное заимствование из современной или более ранней военной практики? Вегеций, описывая колесницы древних, рассказывает о конструкции, которая очень походит на курродрепанус, предложенный Анонимом. Это колесница, в которую впряжены два покрытых броней

¹ *Liebeschuetz* 1994: 136.

коня, на которых сидят клибанарии, вооруженные пиками (Veget. Epit., III, 24). Возможно, во времена поздней античности уже смутно помнили, как выглядели настоящие серпоносные колесницы, и наиболее распространенным было представление Вегеция. Однако наш автор, если и слышал о такой конструкции, то он значительно ее развил. Аноним отказался от кузова и тем самым значительно уменьшил вес боевой машины, для удобства снабдил ее поднимающимися серпами, а, кроме того, в последнем и наиболее с технической точки зрения продуманном проекте щитоносного курродрепануса, оснастил, по-видимому, клипеоцентрами и даже автоматическими бичами для подстрекания лошадей (из этого вытекает, что за управление обычным курродрепанусом отвечал какой-то один всадник из двух, по-видимому, правый, поскольку оба всадника на рисунках держат оружие в правой руке, а управление колесницей, следовательно, осуществляется левой рукой, а значит правым всадником. Дополнительным доказательством в пользу такой версии управления курродрепанусом служит изображение щитоносного курродрепануса, на котором отсутствует именно правый всадник). Однако при этом Аноним не учел или забыл учесть, что такие автоматические кнуты вряд ли будут эффективны из-за того, что лошади бронированы. Получилось так, что стремление избавиться колесницы от присущих им недостатков и добавить новые функции привели к появлению совершенно нового вида оружия. В общем, исходя из того, что употребление курродрепанусов в античности нам не известно, то, скорее всего, это была самостоятельная идея Анонима, и он никогда не видел что-то похожее в действительности.

Получается, что из двенадцати предложений только два представляют собой новое слово в военном деле и в технике вообще, и говорить об абсолютной новизне не приходится. По этой же причине не существовало и особых трудностей для изготовления этих машин и приспособлений, особенно если учесть, что император Валентиниан I лично интересовался созданием новых видов оружия (Amm., XXX,9,4; Aug. Vict. Epit., 45,6) и мог отдать соответствующие распоряжения своим военным механикам. Представляется, что при особом желании не было даже особых затруднений при изготовлении самоходной либуры и вполне возможно, что некоторые из этих агрегатов были даже созданы, но, показав свою несостоятельность, не были приняты на вооружение римской армии¹. Впрочем, Аноним и сам открыто говорит, что цель, которую он ставил перед собой, заключалась лишь в отборе из современной практики или просто

¹ Thompson 1952: 80.

из известных ему изобретений наиболее практичных (Praef., 15–16), по-видимому, для того, чтобы внедрить их повсеместно на всей территории империи.

Многие теоретические аспекты, содержащиеся в трактате Анонима, также вполне соотносятся с тогдашней существующей практикой и не были чем-то неизвестным для современников, но, тем не менее, они не были приняты. В чем здесь может заключаться причина, ведь на первый взгляд все выглядит очень убедительно. По всей вероятности, Аноним, заботясь в первую очередь о состоянии императорской казны, как-то упускал интересы других общественных слоев, концентрируясь на отдельных вопросах и, видя в их разрешении несомненную выгоду для простых граждан, недостаточно прогнозировал дальнейшее развитие событий. Слишком сильно автор трактата был ориентирован только на обогащение казны. В первую очередь, это может относиться к его программе по сокращению военных расходов и в результате — к общему оздоровлению экономики Римской империи.

Подводя итоги, мы можем сказать, что независимо от того, из какой части Империи происходил автор трактата, это был человек, принимавший очень близко к сердцу современные проблемы его родины. В своем сочинении он демонстрирует удивительное воображение, относившееся к его военно-техническим нововведениям, пронизательный ум, позволивший ему увидеть корни проблем государства, таившиеся в обнищании основной массы налогоплательщиков и социальной борьбе, а главное, гражданское мужество, побудившее его обратиться непосредственно к главе государства с довольно смелыми и, по всей видимости, очень продуманными предложениями по реформированию важнейших государственных отраслей — экономики, управления, судопроизводства, армии. Указывая императору на различные недостатки, Аноним тем самым возлагал определенную долю ответственности за происходящее и на самого главу государства, а такое может понравиться не многим. Поэтому здесь мы готовы согласиться со Стивенсом, что «это была очень и очень опасная для автора книга, и Аноним нам об этом сказал» (Praef., 3)¹. По этой причине нам трудно принять точку зрения В. Либешюца, которому предложения Анонима кажутся довольно забавными, если не сказать смешными². Поэтому он делает вывод, что первоначальная цель трактата заключалась в том, чтобы развлечь читателя, а не дать какие-нибудь ценные рекомендации, тем более, что в том виде, в кото-

¹ Stevens 1979: 129.

² Liebeschuetz 1994: 119–139.

ром они изложены (и здесь действительно с ним трудно не согласиться), они вряд ли могут быть осуществлены. Он сравнивает этот трактат с произведениями современной литературы, поднимающими и обсуждающими различные злободневные темы без предоставления каких-либо действительно полезных рекомендаций. Главное было лишь приковать внимание. Однако, на наш взгляд, некоторая наивность Анонима при решении различных проблем скорее вызвана не стремлением рассмешить, а желанием получить необходимый результат, как можно быстрее, и без значительных финансовых затрат. К тому же, трудно себе представить, чтобы кто-либо позволил себе шутить с императорами на те темы, которые представляли для тех непрекращавшуюся головную боль и являлись объектами постоянного внимания. Особенно если учесть, что, к примеру, такие римские императоры как Валентиниан I и Валент были людьми с тяжелым характером и отличались вспыльчивостью и жестокостью (Аmm., XXVII, 7,4; XXIX, 3,1–9; XXX, 8,1–14; XXXI, 14, 5–6). Нет, наш автор прекрасно понимал, что он пишет и для кого. И хотя его трактат носит узко специализированное название, действительное его содержание гораздо шире. Аноним реально старался привлечь внимание правителей, но не к состоянию дел в армии, которая есть слепок со всего общества, а к самому обществу в целом.

Вместе с тем, подводя итог, необходимо отметить, что именно трактат «О военных делах» наряду с «Эпитомой» Вегеция оказал очень большое влияние на военную теорию и, очевидно, практику эпохи Средних веков и Возрождения.

Работа над сочинением Анонима велась в рамках совместного российско-белорусского проекта при поддержке гранта РГНФ № 03-01-00731 а/Б.

В. Либешюц

Реализм и фантазия: анонимный трактат *De rebus bellicis* и его последующая жизнь¹

Жанр *De rebus bellicis*

Впервые важность анонимного трактата *De rebus bellicis* признал С. Маццарино². И с тех пор, а также после опубликования работы Э. А. Томпсона и его комментария³, этот небольшой труд благодаря своему содержанию и оригинальности вызывал большой интерес и восхищение⁴. Можно похвалить Э. Томпсона за то, что он совершенно справедливо озаглавил свою книгу «Римский реформатор и изобретатель» для оценки качества реформ и изобретений, предложенных в эпоху, близкую к состоянию застоя и упадка. Главная мысль данной статьи заключается в том, что труд Анонима действительно замечательное произведение, однако его ценность заключается не в пользе содержащихся в нем рекомендаций, которые были или не новы или неосуществимы, а в его содержании и воображении⁵.

¹ Перевод данной статьи сделан М. Н. Серафимовым по изданию: *Liebeschuetz* 1994, куда доктор В. Либешюц (Ноттингемский университет, Департамент классических и археологических исследований) внес значительное число исправлений, уточнений и дополнений (прим. ред.).

² *Mazzarino* 1951; 1974: 103–112. (Здесь и далее примечания автора).

³ *Thompson* 1952, это новый текст трактата *De rebus bellicis* с переводом и введением Э. Томпсона и Латинским индексом Б. Флауэрса. Я многое взял из книги Томпсона и ссылаюсь на его деление по главам и использую его перевод.

⁴ См. библиографию и острую дискуссию в *Giardina* 1989.

⁵ *Callu* 1990: 77–99.

Итак, если я прав, то *De rebus bellicis* — вовсе не то, чем может показаться вначале. И это особенность характерна для целого ряда произведений литературы поздней античности. Например, *De providentia* Синезия кажется, на первый взгляд, пересказом священного египетского сказания, а в действительности это слегка замаскированное повествование о военных и политических событиях в Константинополе в 399–401 гг., своего рода панегирик одному видному политическому деятелю и брань против другого¹. *De regno* того же автора написана в форме речи, произнесенной самим Синезием в качестве посла от своего родного города Кирены перед императором Аркадием. Синезий действительно приезжал в Константинополь как посол, чтобы вручить золотую корону, и он действительно произносил речь перед императором. Однако немыслимо, чтобы он или любой другой посол в надежде на получение каких-либо уступок для своего города, произнес речь, призывавшую к проведению самых радикальных реформ, и бросавшую сильную тень, как на императорских советников, так и на самого императора. Фактически *De regno* представляет собой политический памфлет². Написанные в стиле Светония жизнеописания из *Historia Augusta* кажутся императорскими биографиями, в основу которых положены исторические документы. Однако, как убедил большинство исследователей Р. Сайм, хотя и не всех, многие из большинства поздних жизнеописаний являются не историческими трудами, а лишь пародией на историю³. Произведение *De rebus bellicis*, и в дальнейшем мы еще будем это доказывать, относится к литературе смешанного жанра. По духу оно наиболее близко к *Historia Augusta*, но это, конечно же, не исторический труд. *De rebus bellicis* является в своем роде уникальным произведением.

Трактат представляет собой не то, чем кажется

То, что трактат представляет собой не то, чем он кажется, показано с самого начала. Во втором предложении Аноним заявляет, что он собирается начать свой труд с главы об общественной раздаче, так чтобы «из этого предварительного свидетельства моих скромных способностей до-

¹ *Liebeschuetz* 1990: 114–116; *Cameron, Long, Sherry* 1992.

² *Heather* 1982: 152–712.

³ *Syme* 1968; 1971. См. также тома *Bonner-Historia-Augusta-Colloquium*. Взгляд Р. Сайма на *Historia Augusta* является основополагающим для моей интерпретации *De rebus bellicis*, хотя он разделяется не всеми исследователями.

стоверность (*fides*) того, что последует, могла быть показана»¹. Однако эта часть, которая должна усилить достоверность слов автора, начинается с того, что скорее можно назвать серьезным историческим исследованием чрезмерных правительственных расходов, но которая при этом совершенно не заслуживает доверия (1,2–2,3), поскольку сообщается, что каждая последующая стадия увеличения огромных расходов была ознаменована принятием более ценного сырья для чеканки монет: сперва глина, потом кожа, затем бронза и, наконец, золото. Однако это сообщение нашего автора об истории римской нумизматики совершенно уникально. О римских монетах, сделанных из глины, вообще нигде не упоминается. О кожаных деньгах говорится, что они использовались Ромулом при распределении чрезвычайно анахроничных конгиариев, в соответствии с «Хроникой 354 г.» (МГН АА, IX–1. 144, 12–13). Они также упоминаются в *Etymologiae* Исидора Севильского (после 600 г. н. э.)². Однако всё это выглядит так, словно кто-то предложил прежнее существование кожаных монет для того, чтобы объяснить этимологию латинского слова *rescipia*, обозначающее деньги. Определенно ход событий в этих двух главах выдуман самим Анонимом³. К нему следует относиться не как к правдивому отчету о том, что действительно имело место в римской истории, а как к поучительной выдумке, версии мифа о конце Золото-го века, сочиненной для того, чтобы показать расточительность и алчность настоящего по контрасту со строгим и бережливым прошлым⁴.

Аноним подкрепляет свою версию истории нумизматическим доказательством: «Для того, чтобы правде, которую я сказал, можно было бы охотнее верить, я привел соответствующие типы и деноминации различных периодов вместе с различными средствами древних, которые будут показаны в разнообразии цветов». На самом деле это доказательство такая же крикливая фальшивка, как и вся история. В классической римской литературе содержится довольно большое количество свиде-

¹ Перевод и нумерация отрывков в переводе Э. Томпсона, который здесь и далее по тексту использует В. Либешноц, отличаются от русского перевода (*прим. перев.*).

² *Giardina* 1989: 50,51, опирается на *Etymologiae* Исидора (XVI, 184): *De corio enim pecudum nummi incidebantur et signabantur. Postea a Saturno (то есть задолго до основания Рима) aereus nummus inventus.*

³ Другой пример позднеримской истории анахронично превратившийся в миф — это история префектуры претория в труде Иоанна Лида (*De magistratibus*, II, 23). Ср.: Maas 1992: 88–92.

⁴ *De rebus bellicis* указывает на ту же мораль, что и Гораций (*Od.*, III,3, 49–52) и Лукреций (*V*,1113 ff.).

тельств о чеканке монеты, которые показывают, что монет, сделанных из глины или из кожи, не существовало ни в один из периодов римской истории¹. Образованные читатели даже на секунду не приняли бы всерьез ни исторические, ни нумизматические доказательства, и автор не мог даже помыслить, что они будут приняты всерьез. Эти доказательства и в самом деле являются слабыми подтверждениями достоверности (*fides*) Анонима как историка. Однако в действительности это не то, что хочет показать автор. А что он на самом деле пытается сделать — так это указать на тяжелые последствия правительственной расточительности, поскольку это неизбежно приводит к чрезмерному налогообложению, которое губит крестьян, толкает их на разбой и, в конечном счете, приводит к поддержке узурпаторов². Аноним пытается предотвратить эту тенденцию. Его рекомендации, по-видимому, были даны для создания в империи более эффективной оборонительной системы, но почти каждое предложение включает в себя советы по сбережению денежных средств.

Ближайшую параллель к такому произведению с его шутивным решением реальных и важных проблем, можно провести, как уже упоминалось, к *Historia Augusta*. Очень близкую параллель можно найти в жизнеописании Александра Севера, которое содержит явно вымышленное сообщение о том, как император сократил провинциальные расходы, и в результате смог уменьшить налоги до фантастической цифры — одной тридцатой от прежнего уровня (*SHA. Alex. Sev.*, 39). После этого он отменил (или по крайней мере так это утверждается) все золотые монеты достоинством выше, чем одна треть солида, полагая, что возможность совершения больших оплат одной или несколькими монетами откроет путь для расточительности³. Именно такую же точку зрения выражает и Аноним, когда он порицает замену в монетах золота бронзой ради огромного увеличения правительственных расходов при императоре Константине (2,1). Жизнеописание Александра Севера имеет и другую

¹ Римская версия истории римских монет: Плиний (*NH*, XXXIII,112–146, ср.: *Liv.*, IV,60,6: *aes graevae*; *Liv. Per.*, 15: начинающийся с серебряных монет. Р. Томсон (*Thomson* 1957: 19–47) собрал литературные источники по республиканским монетам.

² *De reb. bel.*, 2,3. Точное определение эпизода, упоминаемого здесь важно для датировки трактата. А. Кемерон убедительно доказывает, что здесь идет речь об узурпации Прокопия (365–366 гг.) (*Cameron* 1979: 1–7).

³ *SHA Sev. Alex.*, 29,10: *cum diceret plus largiendi hanc esse imperatori causam si cum multos solidos minores dare posit, dans decem vel amplius una forma triginta et quinquaginta et centum dare cogetur.*

близкую параллель с *De rebus bellicis*: рекомендации Анонима, чтобы рано отправленным в отставку ветеранам предоставлялись приграничные земли (5,4), похожи, но не идентичны засвидетельствованной политике Александра Севера, заключающейся, в предоставлении офицерам и солдатам земель, захваченных у врага, для возделывания (SHA. Alex. Sev., 58). В обоих случаях одна из преследуемых целей — это держать пограничные земли обработанными (см. также SHA. Prob., 39).

Сходство между *De rebus bellicis* и жизнеописанием Александра Севера слишком велико, чтобы быть просто совпадением. Можно с уверенностью сказать, что эти два произведения были написаны в одно и тоже пятидесятилетие¹. Возможно, они появились на свет почти в одно и тоже время. Тем не менее, было бы слишком — утверждать, что одно было написано после прочтения другого. Вернее будет сказать, что они отражают одни и те же административные и финансовые проблемы империи и являются продуктами одной и той же культурной атмосферы². Оба подходят к проблемам империи исподволь, в манере, сочетающей серьезный подход и шутливость. В *De rebus bellicis*, так же как и в SHA, окольность подхода и шутливость были ясно установлены в некоторых отрывках, их можно заметить на протяжении всего трактата и, по видимому, они были характерны для всего произведения.

Окольный подход в «Предисловии» к трактату и в главах 1–5

То, что предисловие на самом деле — это вовсе не то, чем оно желает казаться, а именно: просьбой, обращенной к императору, внять совету, который поможет «осуществить успешную реализацию их божественной политики» (Praef., 1), показано крикливым *pop sequitur*. С одной стороны, автор явно относит себя к числу «людей умственной силы, которая есть мать всего выдающегося мастерства» (Praef., 4). Он утверждает, что божественное провидение вдохновило его ум (Praef., 5,

¹ Обсуждение датировки обоих этих произведений, особенно *Historia Augusta*, породила большое количество работ на эту тем. Для SHA предложенные даты варьируются от начала IV в. (А. Д. Момильяно) до времени правления императора Юлиана (Н. Бейес), около 395 г. (Р. Сайм) и 420-е гг. (Й. Штрауб). Обсуждение датировки *De rebus bellicis* подведено в *Giardina* 1989: XXXVII–LII. Данный автор принимает датировку около 395 г. для SHA и около 368 г. для *De rebus bellicis*.

² Baldwin 1978: 23–39; Ireland 1979. Переведенный текст сопровождается комментариями текста, языка и стиля произведения.

также 10), а также что с помощью этих мер император сможет поддерживать мощь армии и всего государства (Praef., 10). Однако за этими очень самоуверенными словами следует развязка. Автор и сам признает, что предлагаемые им меры уже известны советникам императора, только последние слишком заняты, чтобы сообщить о них императору. Поэтому представляется, что роль автора — это не больше чем собрать, в конце концов, чужие идеи и опубликовать их (Praef., 10). Это конечное проявление скромности можно было бы воспринять просто как пример риторической *captatio benevolentiae*, если бы через весь труд не проходило несоответствие между постоянно провозглашаемой автором новизной и недостатком новизны в том, что он предлагает, по крайней мере настолько, насколько это было практически осуществимо. Как бы то ни было, я попробую доказать, что это несоответствие является элементом шутового аспекта трактата.

В главах 1–5 окольный подход представлен тем фактом, или, как я буду доказывать тем, что проблемы, которые автор предлагает решить, достаточно реальны, но их решения способны вызвать смех или же улыбку. Предложения по сокращению огромных государственных расходов, как мы уже видели, в целом не новы, а тесно связаны с текущей практикой¹. Этот совет, кроме того, дан в таком упрощенном и размытом виде, что становится абсолютно неосуществимым. Однако именно это наивное упрощение и делает рекомендации такими замечательными, будоражащими мышление, а также, я настаиваю, юмористическими. Например, предложение, что мошенническую порчу монеты работниками монетных дворов можно предотвратить, если всех работников монетных дворов свезти на какой-нибудь остров, и таким образом они будут лишены возможности использования в своих личных целях драгоценный исходный материал, имеет дело с реальной проблемой (CTh., XII, 6, 12; 13; 367 г.), но игнорирует практические соображения, которые приводят к рассеянию различных монетных дворов по всей Империи². Есть почти детское простодушие во фразе, что глубоко укоренившиеся злоупотребления провинциальных наместников можно прекратить, если на их места назначать только честных людей.

¹ Далее, в части «Свидетельство о машинах...» я доказываю, что тоже самое относится и к военным машинам.

² *Hendy* 1985: 321–322, указывает, что реформы Валента и Валентиниана делали основной упор на решительную централизацию производства золотых и серебряных монет в императорском *comitatus*. Но *comitatus* и остров не одно и то же. Тем не менее юмористическое предложение Анонима соотносится с современными административными тенденциями.

Аноним предполагает, что военные расходы могут быть значительно снижены, если офицеров, достигших уровня оплаты в 5 аннае, отправлять в отставку (5,3). Вероятно, он почерпнул эту идею из правил, ограничивающих годы службы начальников канцелярий в центральной администрации¹. Как средство сбережения денег этот метод упускает тот факт, что вновь продвинутые младшие начальники будут, по-видимому, получать столько же, как и те, чьи обязанности они приняли. И хотя это предложение действительно улучшило бы моральное состояние войск путем более ускоренного продвижения по службе (5,5), но, как мы узнали из опыта схем ранней отставки в университетах, такая практика приводит к более молодой, но не, разве что ненамного, более дешевой организации². Практика поселения ветеранов поблизости от границы восходит еще к временам ранней Империи³. В том, что ветераны должны платить налоги, также не было ничего нового, просто они получали некоторые льготы при их уплате (CTh., VII,20,9)⁴. Поэтому реальный вопрос для императора состоял в том, какую именно сумму налогов должны платить ветераны. Идея о том, что пограничные укрепления и пограничная служба может быть отдана в частные руки, конечно же, висела в воздухе. Разумеется, существовало множество поселений пленных варваров, таких как леты или гентилы, в качестве земледельцев с обязанностью несения военной службы, и различного рода федератов, которые должны были играть большую роль в обороне Запада, а также, возможно, и Востока. Самое лучшее доказательство в пользу того факта, что во времена *De rebus bellicis* охрана границ осуществлялась местными жителями под началом своих вождей, происходит из Северной Африки⁵. В это время вдоль пограничной полосы существовало большое количество больших и малых фортификационных сооружений. К сожалению, упадок обычая оставлять надписи, что является характерной чертой поздней империи, в большинстве случаев делает неизвестным,

¹ *Brandt* 1988: 104–108.

² Менее остроумные, но более реалистичные, способы сбережения денег путем сокращения военных и гражданских чрезмерных расходов описаны в *SHA*. *Trig. tyr.*, 18 и *Alex. Sev.*, 15: увольнение сверхштатных работников.

³ *Mann* 1983: 62, 67–68.

⁴ См.: *Brandt* 1988: 108–110.

⁵ В общем см.: *Jonson* 1979: 67–75. *Gentiles* и *laeti* в Бельгике: *Wightman* 1985: 253 (сельские форты: 246–250). Сирия: *Liebeschuetz* 1977: 487–499 (особенно: 491–493) переиздано в *Liebeschuetz* 1990а: гл. XX. Северная Африка: *Mathhews* 1976: 157–186 (особенно: 171–172, 174–176) переиздано в *Mathhews* 1985: гл. XI.

кем были воздвигнуты отдельные укрепления, и как они были укомплектованы. Однако предложение Анонима (20), подразумевающее, что все местное население, живущее по периметру империи, должно взять на себя строительство пограничных крепостей и укомплектование их гарнизонов, представляется как спорным, так и, в виду размытости и краткости изложения, бесполезным.

То, что император должен положить конец путанице в законах «судом своего августейшего звания» (21) — это в первую очередь обычное определение долга императора как источника справедливости, или, как несколько раз подчеркивает Фемистий, живого воплощения закона (Them. Orat., XVI, 212d; XIX, 227d–228a). Это намек на то возвышенное учение, которое делает эту тему подходящей для заключительной части произведения, которой, в сущности, и является эта глава. Все понимали, что неопределенность законодательства представляло собой проблему, разобраться с которой мог только император. Император Юлиан, осознавая это, был обеспокоен тем, чтобы исключить двусмысленность в том, что было законно, а что — нет (Amm., XXII, 10,7). Когда Валент дал убедить себя не разбирать лично судебные тяжбы, то последствия этого, по мнению Аммиана, были бедственными (Amm., XXX,4,1–2; 370 г. н. э.). Поэтому смысл всего того, о чем просит Аноним, состоит в том, что императору следует серьезно относиться к своим юридическим обязанностям. А *iudicium Augustae dignitatis* вообще может означать все что угодно. Только в том случае, если бы Аноним писал незадолго до издания «Кодекса Феодосия», то есть около 432 г., когда кодификация была в умах каждого, эта фраза могла быть понята как требование приведения законодательства в [стройную] систему. И хотя датировка [трактата] примерно 370 г. по-прежнему остается наиболее вероятной, однако, к этому времени призыв к кодификации уже наверняка должен был появиться¹. Подведем итог: финансовые и военно-политические предложения Анонима или банальные или же недостаточно определены для того, чтобы их можно было воплотить в жизнь. Они, конечно же, и не предназначались для осуществления, по крайней мере, не в том виде, как были изложены.

Однако если Аноним писал свои рекомендации не для их осуществления, то зачем он вообще их писал? Я докажу, что подобно большинству литературных произведений или телевидению, этот трактат предназначался лишь для того, чтобы вызвать интерес, чтобы будоражить мышле-

¹ Х. Брандт опровергает точку зрения о том, что призыв к кодификации продолжался в течение многих лет, как это доказывает Д. Нёрп (*Brandt* 1988: 127–133; *Nörr* 1963: 109–140).

ние и развлекать. Объективные критерии для юмора установить невозможно, и в тех случаях, когда мы имеем дело с классическими текстами, порою трудно определить, вкладывался ли в них юмор вообще. В случае с *De rebus bellicis* я совершенно убежден, что юмор там можно выделить очень отчетливо. На мой взгляд, юмор пронизывает весь трактат. Аноним рассказывает откровенно фантастическую историю монетного дела и заключает комментарием «Для того, чтобы правде, которую я сказал, можно было бы охотнее верить, я привел соответствующие типы и деноминации различных периодов вместе с различными средствами древних, которые будут показаны в разнообразии цветов» (1,10), только для того, чтобы привести примеры, которые также фантастичны, как и история. Другой источник юмора — это контраст между тяжестью сжато описываемых проблем и захватывающей дух простотой удивительно эффективных решений. Если работники монетных дворов мошеннически портят качество монет, изолируйте их на острове (3,13). Если провинциальные наместники ведут себя алчно, назначайте честных наместников. Если расходы на армию подрывают благосостояние налогоплательщика и доводят обедневших людей до разбоя и революции, то решение заключается в том, чтобы заставить наиболее долго служащих и высокооплачиваемых солдат уйти в раннюю отставку. Если строительство пограничных укреплений обходится дорого, что действительно было при Валенте и Валентиниане, тогда эту задачу следует переложить на землевладельцев в пограничных районах (20,2). Если советы автора будут приняты, то не только проблема будет решена, но императоры смогут сократить налоги вдвое и даже удвоить доход в золоте и серебре после необходимых расходов (*Praef.*,10). О, если бы это было так просто!

Отчет о машинах не технический, а риторический и порой шуточный

Следующие тринадцать глав (6–19), предлагающие всякого рода военное снаряжение, страдают теми же самыми практическими недостатками, как и административно-финансовые. Они тоже изложены таким образом, который наводит на мысль, что значение их не столь серьезно, как могло бы показаться в другом случае. Автор утверждает, что он включил их, чтобы унять скуку (*fastidii levandi gratia*) (*Praef.*, 11)¹. Он ясно дает понять, что эти машины — новые изобретения (*diversis et*

¹ Ср. использование этого *topos* в SHA Maximinus, 5,3; Aur., 12,4; *Quadr. Tyr.*, 31,5 и *Hengst* 1981: 63.

novis armorum machinis — 6,3), а затем продолжает: «поэтому, чтобы не было трудностей в создании этих видов оружия, я приложил к своему изложению очень аккуратные рисунки катапульта, изображенные в цвете, так, чтобы их образцы можно было легко построить» (6,4). Впечатление того, что эти машины являются новинками, подкрепляется их образными, нигде больше не встречающимися названиями, которые намекают на то, что они описывают что-то, о чем никогда прежде не было слышно¹. Была ли когда-нибудь у художников возможность копировать иллюстрации, мы, судя по их нынешнему виду, сказать не можем, но заявление о том, что эти машины были полностью новыми, не подтверждается². Аноним позже говорит нам, что, по крайней мере, некоторые из его машин уже успешно использовались на войне. Стрелометная баллиста (*ballista fulminalis*) доказала себя в бою (18,1). Серпоносная колесница (*curodrepans*) была изобретена для решения острой проблемы борьбы с парфянами (12,1). Войлочная поддоспешная одежда (*torgasomachus*) для ношения под доспехом была придумана «древними» (15,1). И другие изобретения были вполне традиционными, за исключением их названий. *Clipeocentrus*, судя по всему, являлся ни чем иным, как небольшим круглым щитом, в то время как *plumbata mamillata* (11,1), похоже, была широко распространенным метательным оружием³. Считается, что, по видимому, все или большинство из этих изобретений включали в себя какие-то технические новшества, но автор совсем не позаботился о том, чтобы пояснить, в чем именно они проявляются.

В случае с *ballista quadrirotis* одно улучшение выделено особо: возможность вести стрельбу во всех направлениях (7). Также сообщается, что у нее четыре колеса (обычная передвижная катапульта, похоже, имела два), и четыре загадочных отверстия, по одному на каждой стороне (*foramina per quattor partes*). Однако ни текст, ни иллюстрации не проясняют, каким образом конструкция позволяет вести беспрепятственную круговую стрельбу. Если катапульта должна была монтироваться на универсальный шарнир, то это не было новшеством, поскольку данный способ уже был описан в руководствах по

¹ *Moes* 1980.

² Иллюстрации выглядят скорее как живописные образы, а не технические чертежи. См. комментарии: *Köchly, Rüstow* 1853–1855 Т. I: 414–415. В их переданном (нынешнем) состоянии они недостаточно детальны и аккуратны для того, чтобы объяснить как эти машины работали. О передаче (рисунков) см. *Tompson* 1952: 6–17; *Ireland* 1979: 53–55.

³ *Barker* 1979: 97–99.

артиллерии Герона, Филона и Витрувия¹. В любом случае, на рисунке машины, которым мы располагаем, шарнир не показан. Другой пункт, на который обращено внимание (на этот раз он проиллюстрирован) это то, что машина может обслуживаться двумя людьми. Как объясняет Аноним, это возможно потому, что стрела метается не при помощи канатов, а спицами (*torta non finibus sed radiis*). Существовала большая дискуссия о том, что бы это могло значить. Рисунок ничего не проясняет, поскольку на нем рабочие части машины скрыты за ее обшивкой. Описание Анонима, возможно, перекликается с описанием возвратного механизма из описанной Филоном многозарядной катапульта Дионисия Александрийского (*Philo*, 75,30 Marsden 1971): *τὴν δὲ καταγωγίδα οὐκ εἶχε νεῖρφνην, ἀλλ' ἔχοντος τοῦ ὀνίσκου τὰς ὑπερόχας τὰς ἐξ' ἑκατέρου μέρους ἀπειργασμένας*². Возможно, Аноним предлагает многозарядную катапульта, но Э. Марсден, реконструировавший многозарядную катапульта Филона, так не считает, поскольку реконструированная им катапульта требует только одного человека для стрельбы³. И она, очевидно, гораздо меньше машины, рассматриваемой Анонимом. Э. Марсден истолковал ключевую фразу *De rebus bellicis* так, что машина Анонима будет использовать новый метод взведения ползуна и тетивы, а также скручивания пружин машины таким образом, так что прислуга может поворачивать ползун и вперед, и назад при помощи одного ворота⁴. Может быть это так, а может — и нет. Неясность того, что имел в виду Аноним, является не просто результатом незнания современными читателями конструкции катапульта. Дело в том, что язык Анонима несомненно слишком неточен и скуп для того, чтобы дать четкое объяснение важных технических нововведений даже техническому эксперту, а рисунок *ballista quadrirotis*, сопровождающий текст, выглядит так, что он не смог бы показать механизм взведения машины даже в его первоначальной версии. Мне кажется, что Аноним совсем не беспокоился об объяснении того, как действует его машина, или что именно в ней нового. Он так же неточен в вопросе

¹ См. тексты, переводы и примечания в Marsden 1971: *Heron*, 88,5 (иллюстрировал Э. Марсден (Marsden 1971: 51); *Biton*, 66 (ср.: Marsden 1971: 102, п. 71); *Philo*, 74, 9 (ср.: Marsden, 1971: 178); *Vitruvius*, X,10,4 (ср.: Marsden 1971: 197).

² Обзор этой дискуссии приведен в Giardina 1989: 74–78. Языковые отголоски Филона (73,30) незначительны, но ссылка на перезаряжающий механизм имеет значение. Я не убежден, что есть значительное сходство между *Philo*, 74, 1–5 и *De reb. bel.*, 18, 2–4; А. Джардина думает иначе (Giardina 1989: 100).

³ Marsden 1971: 179.

⁴ Marsden 1971: 243.

экономного использования рабочей силы. Из *ballista*, описанной Аммианом, по-видимому, обычной метательной машины римской армии, в случае необходимости могли вести стрельбу два человека, даже если обычно использовалось больше (Амм., XXIII,4,2)¹. Однако от Вегеция мы узнаем, что в римской армии передвижную баллисту фактически обслуживал *contubernium*, то есть одиннадцать человек (Veget. Epit., II, 25). Это выглядит так, как если бы большинство людей, работавших с *ballista*, было необходимо для выполнения других обязанностей помимо стрельбы: забота о лошадях, метательных снарядах, техническое обслуживание и т. п.². Аноним не объясняет, почему его машину могло обслуживать меньшее количество людей. Преимущество, провозглашаемое для статичной *ballista fulminalis*, опять же заключается в экономии рабочей силы. Для того, чтобы стрелять из машины, требуется всего один человек (18). Вдобавок к этому, как показывает рисунок, скрученный канат оттягивается назад двумя людьми, каждый из которых вращает ступенчатое колесо, что даёт в итоге три человека. Возможно эти ступенчатые колеса и являются тем новшеством, которое делает *ballista fulminalis* более экономичной, чем такой же мощный, но отличающийся по конструкции *opager*, для которого, согласно Аммиану, требовалось восемь человек, по четыре на каждую сторону, чтобы отвести назад метательный рычаг при подготовке к стрельбе. Однако, если ступенчатые колеса — значительное новшество, то Аноним на это не указал. Автор также утверждает, что *fulminalis* способна перебрасывать стрелы через Дунай, но при этом не уточняет, какой участок долгого течения Дуная он имеет в виду, или какое техническое новшество дало ей увеличенную мощность. Если *fulminalis* использовала новую форму движущей силы, например, замену двух скрученных пучков простым катапультным механизмом (как можно предположить из рисунка в его нынешнем состоянии)³, то это никак не выделено. Автор пишет в то время, когда метательные машины развивались уже лет 300–400. Вопреки точке зрения Э. Зандера⁴, которая принята с оговорками Э. Томпсоном⁵, нет никаких свидетельств в пользу того, что

¹ Один человек для наведения на цель и несколько для оттягивания скрученных жгутов. Количество человек зависело от размера жгутов. Предположительно наводчик (*artifex*) мог быть одним из приводящих жгут в боевое положение.

² Marsden 1969: 192.

³ Marsden 1969: 240–244; Hassall 1979: 77–95.

⁴ Sander 1934: 45–76.

⁵ Thompson 1952: 65.

в IV в. римские военные машины находились в упадке. Дело обстояло противоположным образом¹. Действительные улучшения могли быть сделаны в вопросах, касающихся отдельных технических деталей. Императоры Валент и Валентиниан были профессиональными офицерами, и последний проявлял особенный интерес к созданию новых видов вооружения (Амм., XXX,9,4; ср.: Ps.-Aurel. Vict. Epit., 45,6). И, конечно же, любое предложение, касавшееся улучшения артиллерии империи, если оно должно было убедить кого-либо из них, следовало излагать гораздо более четко.

С серпоносной колесницей *sigrodrepanus* мы, похоже, вступаем в область игры воображения. Серпоносные колесницы не имели успеха на полях сражений. Встретившись с колесницами впервые, римляне испытали шок, но быстро научились бороться с ними, и те стали объектом насмешек (Veget. Epit., III, 24). Ни римляне, ни наиболее грозные из их врагов, персы, никогда их не применяли (их упоминание в SHA Sev. Alex., 55,2; 56,4 — выдумка). Аноним рекомендует своеобразное их усовершенствование². Он предлагает ввести механизм для подъема серпов, если на пути будут препятствия, а возницу заменить защищенным всадником, посаженным на защищенную лошадь. На рисунках изображено грозное оружие. Однако нет никаких свидетельств, что эти идеи, которые в течение долгого времени настойчиво предлагались непрофессионалам (см. ниже), были когда-либо приняты в какой-нибудь армии на вооружение. По-видимому, тяжеловооруженная кавалерия была более эффективна, когда ей не мешали серпоносные колесницы. Одна из разновидностей этого оружия — *sigrodrepanus clipeatus* снабжена автоматическим кнутом (14). В этом случае юмор, конечно же, трудно отрицать.

Колесницу-стену *tichodifrus* очень трудно представить, независимо от того, пытаемся ли мы ее реконструировать из текста или по рисунку (рис. 22). Ее хвалят не за ее высоту, а за ее близость к земле, «так что она скрывает ноги идущих внутри нее» (8 — перевод Э. Томпсона). Эта машина также, по-видимому, рекомендовалась неискренне³. Идея переносного моста, поддерживаемого надутыми шкурами животных, остроумна, но не нова (Амм., XXIV,3,11). Во время переправ через большие реки при использовании такого моста порою возникали серьезные проблемы, как узнала армия Юлиана во время отступления через Месопотамию

¹ Baatz 1978: 1–17.

² Высоко оценено Э. Томпсоном (Tompson 1952: 56–57).

³ М. Хасселл пытается понять это, но его реконструкции значительно отличаются от рисунков (Hassall 1979: 88). См. рис. 21.

(Атт., XXV,6,15). Очевидно, технические умения инженеров Юлиана были недостаточны. Проблема течения, с которой не смогли справиться инженеры Юлиана (Атт., XXV,7,4), довольно проста и могла быть решена путем наведения моста под углом к берегу. Конструкция боевого корабля (*liburna*),двигающегося вперед при помощи колес и быков (*rotis et bubus subacta* — *De reb. bel.*, 18,9), опять же очень остроумна и имела большой потенциал для очень отдаленного будущего. Однако в условиях технологий IV в. н. э. ее осуществление было в высшей степени сомнительно. Это предложение также производит впечатление шутки. Фактически, ознакомившись с этой частью трактата, рассматривающей военные изобретения в целом, я с трудом верю в то, что Аноним предлагал их в расчёте, что они могут быть приняты на вооружение римской армии.

Существовало несколько жанров литературы, из которых Аноним мог выбирать, чтобы всерьез представить предложения в области военного дела. Была древняя традиция написания технических руководств. Уцелевшие образцы можно выстроить в ряд, начиная с поварской книги Апиция и заканчивая собраниями писателей по сельскому хозяйству и трудами землемеров¹. Мы также располагаем некоторым количеством трудов по артиллерии, которые могут служить руководствами для строителей военных машин². Филон написал свою *Bellopoiica* около 100 г. до н. э., Герон из Александрии написал книгу под тем же названием в I в. н. э., а другой Герон написал *Cheiroballistra*, возможно, в византийский период³. Книга *De architectura* Витрувия включает в себя главу о военных машинах, в которой он дает большое количество полезных советов для возможных строителей. Эти трактаты представляют собой совершенно другой вид произведений, чем трактат Анонима.

Eritoma rei militaris Вегеция — руководство другого рода. Оно не дается в технические тонкости, это скорее введение в военную науку для дилетанта⁴. Как читатель, я вижу в Вегеции не профессионального офицера, а высокопоставленное гражданское лицо или магистрата, который, по-видимому, был вынужден предлагать важные решения, касающиеся армии или, по крайней мере, обсуждать такие решения с профессиональными военными. То, что Вегеций сообщает о военных машинах,

¹ *Dilke* 1971.

² *Marsden* 1971.

³ *Baatz* 1978: 1–17.

⁴ Это интересный вопрос: насколько, если не полностью, позднеримский офицер изучал свою профессию по книгам?

не позволило бы кому-либо построить машину, но зато это, до известной степени, точные данные. Утверждая, что дальнобойность *ballista* пропорциональна длине ее рычагов, Вегеций намекает на технические знания, необходимые для стрельбы из машины, но которые он не считает нужным объяснять. «Если она настроена в соответствии с принципами механики (которые, в отличие от Вегеция, объясняет Витрувий, X, 11, 9; 12, 1–2) и если она наводится специалистами, которые предварительно собрали данные о ее дальнобойности (*qui mensuram collegerunt*), она пронзит все, на что она будет наведена (*Veget. Epit. IV, 2*)¹. Существенной чертой военного руководства является то, что оно должно быть схематичным, какой и является книга Вегеция. Это отчасти присутствует в *De rebus bellicis*. Там содержатся рекомендации по множеству различных тем, таких как наем, продвижение по службе и демобилизации воинов, военная одежда (15)², осадная техника (8–9), порядок на марше (19, 1; ср.: *Veget. Epit. III, 6*), наведению мостов через реки (6; ср.: *Veget. Epit. III, 7*). В военном руководстве должно присутствовать все. Однако выбор тем Анонимом кажется почти случайным, многие из них скорее затрагиваются, чем объясняются. Предположительно разумные проекты перемешаны с фантазиями. Автор пытался написать военный трактат, но такового у него не получилось³.

Фактически *De rebus bellicis* представляет собой третий тип литературного произведения. В нем описываются военные проекты не для того, чтобы читатель их осуществлял или использовал, а чтобы он ими восхитился. Ближайшие параллели — это описания военных машин в истории Аммиана⁴. Однако намерения чисто риторические, в случае с *ballista quadrirotis* можно обратить внимание на круговой сектор обстрела, а для *ballista fulminata* — это мощность машины и, кроме того, экономия рабочей силы. Такая презентация была бы вполне эффективной в телевизионной рекламе, однако наверняка не могла быть использована для показа усовершенствований в военной технике императорам, которые были профессиональными военными.

¹ Перевод см.: *Marsden* 1971: 236–237.

² *Wild* 1979: 39–45.

³ Военные руководства: *Köchly, Rüstow* 1853–1855. Т. I. I–II, *Kiechle* 1965: 87–129; *Dain* 1967: 317–390; *Dennis* 1985.

⁴ *Mathews* 1989: 291–292, 301–302. Описания военного снаряжения обычно не обнаруживаются в античных историях. Их включение Аммианом — это свидетельство интереса, особенного для конца IV в., который разделяли Аммиан и Аноним.

De rebus bellicis и Фемистий

Существовало много разногласий насчет датировки *De rebus bellicis*. Это следствие того, что автор избегает называть имена собственные, а намекающий стиль крайне затрудняет нахождение событий, которые можно точно датировать. С момента опубликования О. Зееком своей статьи в энциклопедии Pauly-Wissowa¹, общепринятая датировка — примерно 370 г., время правления Валентиниана и Валента. Недавно Х. Брандт выступил за более позднюю датировку — правление Валентиниана III (424–455 гг.)². Он доказывает, что законодательство этого периода ближе к предложениям Анонима, чем которое было в IV в. Эти доказательства впечатляюще подкреплены юридическими и другими источниками. Одно из его утверждений касается того, что, как по мнению самого Брандта, так и многих других исследователей до него, Аноним выступал за кодификацию права, которая стала объектом внимания незадолго до действительной кодификации Феодосия, завершенной в 439 г.³

Однако, несмотря на все факты, доказательство Х. Брандта еще не может считаться окончательным, поскольку основная точка отсчета — это взгляд Анонима на общую военную ситуацию: «Дикие народы давят на Римскую империю и воют вокруг нее повсюду, и вероломные варвары, укрытые природными местами, нападают на все границы» (6,1). Как заметил еще О. Зеек, взгляд на оборону как на вопрос удержания границ устарел после вступления готов в империю в 376 г. Позднее военная проблема заключалась в борьбе с врагами в пределах самой империи. Рассуждения Х. Брандта о том, что такое фундаментальное ухудшение военной ситуации не было официально признано и поэтому было проигнорировано Анонимом из дипломатических соображений, не убедительны. Для того, чтобы военный совет заслуживал доверия, он должен предлагаться для борьбы с реальной военной угрозой.

Х. Брандт доказывает, что Аноним писал на Западе, несмотря на то, что даже те немногие географические ссылки, которые обнаружены в трактате, находятся на Востоке⁴. Аноним упоминает арабскую технологию для использования надутых шкур животных для своего передвижного моста (16,2), говорит о необходимости для армии быть готовой к персидскому вероломству. Фактически единственный отрывок, который

¹ *Seek* 1894: 2335

² *Brandt* 1988.

³ См. стр 220. прим. 1.

⁴ *Brandt* 1988: 9–10.

даже сколько-нибудь близок к проблеме сражения с конкретным врагом, рассматривает борьбу с персами (19,2–5). Аноним не упоминает никаких географических объектов западнее Дуная. Отсутствие географических объектов, людей и событий на Западе бросается в глаза. Поэтому *prima facie* у нас есть основания предполагать, что трактат был написан на Востоке, по-видимому, в Константинополе.

Можно не сомневаться, что именно там был написан трактат. Алан Кэмерон¹ убедительно отметил значительное количество параллелей между *De rebus bellicis* и речами, которые произнес Фемистий в период между 364–365 и 370 гг. и, главным образом, в 368 г. н. э. Фемистий имел точное представление о положении империи, атакуемой со всех сторон (*Orat.*, VIII, 119c). Он провозглашает императорской политикой сокращение налогов вдвое, в то время как император сталкивается с тяжелыми расходами на военные кампании: одни — против персов, другие — против готов (VIII, 113a-c). Он хвалит императора за поиск путей экономии на армии при увеличении ее эффективности путем исключения из военных списков тех, кто был туда внесен и, по-видимому, получал пайки, но в действительности не принимал участия в боевых действиях (VIII, 115d–116a). Император тщательно заботится о том, чтобы налоги собирались честно (VIII, 114–115) и внимательно следит за своими наместниками (VIII, 116d). Император строит укрепления и оснащает их оборудованием, включая боевые машины (X, 136a; 138b). Император — это воплощение закона, «который приспособляет себя к каждому отдельному случаю» (VIII, 118; ср.: V, 131b). Подведем итог: Аноним высказывает предложения, которые повторяют почти все аспекты программы, провозглашенной Фемистием перед императором Валентом.

Соответствия между Анонимом и Фемистием не ограничиваются внешним сходством в экономических программах. Есть значительное совпадение в деталях. Как заметил Алан Кэмерон, сообщение Анонима о том, как чрезмерные налоги доводят бедняков до нищеты, толкают их на разбой и приводят к узурпациям, имеет близкое, хотя и не полное соответствие с тем, что Аммиан (XXV, 7, 1) и Фемистий рассказывают об узурпации Прокопия в 365–366 гг. Аноним обращает внимание на то, как трудно обнаружить нападающих варваров, которые стремятся укрыться за болотами и реками (6,2). Как раз это говорит Фемистий (X, 37) о готах. Исследователи были озадачены тем фактом, что в предисловии

¹ Cameron 1979: 1–7; Leppin, Portmann 1998: 150–172, где дается немецкий перевод *Them. Orat.*, VIII.

Аноним адресует свое сочинение к императорам во множественном числе, тогда как потом дает советы только одному императору. Эта особенность также обнаружена у Фемистия. Его речь VI, произнесенная в присутствии императора Валента, тем не менее начинается словами «О, императоры» (VI, 71c; см. также: 78b; 79d), но позже в речи он обращается к одному Валенту (81a; 81c; 83b). Империя управлялась совместно двумя императорами, и по строгой букве закона все их действия были совместными. Поэтому Фемистий может даже сказать, что сын Валента имеет двух отцов (IX, 120c-d). Такое множество параллелей не может быть случайным: можно почти не сомневаться в том, что Аноним писал примерно в то же самое время, когда Фемистий произносил свои речи и что труд Анонима фактически является комментарием к программе, которая была опубликована Фемистием и несомненно обсуждалась должностными лицами в Константинополе.

Значение и оригинальность *De rebus bellicis*

De rebus bellicis в известной степени новое и оригинальное произведение. Классическое руководство, такое как труд Вегеция, выглядит неуклюже. Вегеций предлагает решить современные ему проблемы путем возвращения к армии ранней Империи и республики и черпает свою информацию у авторов старых золотых времен. Вегеций упоминает Катона, Корнелия Цельза (I в. н. э.), Фронтин (I в. н. э.), Патерна (II в. н. э.) и распоряжения императоров Августа, Траяна и Адриана (заголовок II). Несомненно были и те, кого он не назвал. В результате Вегеция необходимо читать очень осторожно, чтобы заметить то, что он рассматривает военную ситуацию не I, а V в. н. э. Рецепт Вегеция, похоже, был распространен среди авторов военных трактатов также в греческом мире¹ и не ограничивался писателями, специализировавшимися на военной тематике. Совет Синезия в *De rebus* и руководство для государственных деятелей, не выраженное прямо в «Истории» Аммиана, выглядят такими же неуклюжими. Реформы в них означают реставрацию.

У Анонима все по-другому. Он не подкрепляет свои советы цитированием исторических примеров и не призывает к возвращению к военной практике республики или ранней империи. Вместо этого он предложил свою собственную шутовскую версию программы, опубликованной от имени императора философом Фемистием. Аноним соглашается с основными целями Фемистия: необходимость урезать государственные,

¹ Dain 1967.

главным образом, военные, расходы и предлагает свои собственные детально разработанные предложения для достижения этого. Читатели, понимающие императорскую политику, расхваленную Фемистием, ощутят интерес, возбуждение и удовольствие от воображения и ума Анонима и, возможно, почувствуют легкий скепсис к практической сформулированной официальной политики.

Речи Фемистия и труд Анонима — это фактические доказательства процесса фундаментального переосмысления римской военной политики, которое завершилось выводом, что империя по финансовым причинам больше не может позволить себе навязывать свою волю варварам, давящим на границы. Варварские народы должны были размещаться на территории империи, а некоторые из них должны были бы стать партнерами империи в ее попытках удержать других варваров. Одним из первых проявлений такого мышления стало принятие готов в пределы империи в 376 г. в надежде на то, что, используя готскую молодежь в качестве военной силы, империя сможет сохранить средства на свою регулярную армию (Amm., XXXI,4,4). Позднее такие же рассуждения привели к договору Феодосия с готами в 382 г.¹ Схожие мысли можно вывести из политики, проводимой на Западе и Востоке последующими императорами и их более удачливыми министрами, когда они возлагали оборону главным образом на федератов или *gentiles*, поселенных на землях внутри империи, и таким образом могли экономить деньги путем сокращения регулярной армии². Поселения варваров, будь то *gentiles* или *laeti*, или целых народов, обеспечивали земледельцами приграничные районы, так, как это рекомендует Аноним (5.4), и могли также привести к созданию пограничных постов вдоль границ за счет пограничного населения так, как он и советует в конце книги (20). Возведение городских стен не за счет городов было уже обычным делом (*Fontes iuris Romani ante-Justiniani*, I: 511, п. 108 (370–371 гг.)). То, что небольшие поселения обзаводились своими укреплениями за счет местных землевладельцев, также, возможно, становилось распространенным явлением³. Никто не предлагал изолировать работников монетных дворов на острове, но мы видели, что существовала тенденция сосредоточения при *comitatus* чеканки золотой монеты⁴. Короче говоря, Аноним прекрасно знал, что про-

¹ Heather 1991: 158–175.

² Liebeschuetz 1990.

³ Как я доказал в Liebeschuetz 1977: 487–499 (особенно: 491–492), переиздано в Liebeschuetz 1990a: гл. XX.

⁴ См. стр. 218, прим. 2.

исходит, и его труд, упиривший в необходимость сокращения военных расходов, читаемый вместе с современными ему речами Фемистия, помогает объяснить, почему военная политика Феодосия и его наследников приняла именно такие формы, и почему она так отличается от стратегии предыдущих императоров IV в., не говоря уже о Ранней империи.

Произведение Анонима замечательно в другом плане. Мысль, что технические изобретения могут сэкономить деньги путем сокращения потребности в рабочей силе, насколько я знаю, не выражалась столь отчетливо еще кем-либо в античности. Сегодня эта идея господствует в нашем обществе. И нельзя считать недостатком программы Анонима, что технологии той эпохи были слишком неповоротливы для направления их в нужное русло, чтобы удовлетворить ощущаемые финансовые и военные нужды общества. Некоторые из предложенных мер, хотя и лежали за пределами технологических возможностей IV в., но демонстрируют удивительное воображение. Описание метательных машин слишком неясное, чтобы прояснить, что же конкретно из себя представляли предлагаемые изобретения. Однако идея применения принципа водяной мельницы¹ для того, чтобы заставить корабли двигаться, используя источник силы внутри самого корабля, приводящий в движение кабестаны, связанные приводом с лопастными колесами, — превосходна (17), даже если эта идея приведения в движение корабля при помощи колес и быков (18,9) также отчасти шутка. Вероятно, эта идея не могла быть осуществлена, потому что быки слишком неторопливые животные. Однако сам принцип был здравый, и это выглядит, как если бы предложение Анонима прямо повлияло на развитие лопастного колеса². В 1576 г. в Голландии было создано судно «Castle of Delft», приводимое в движение парой лопастных колес соединенных с лебедкой, которую поворачивало двенадцать человек³, а между 1673 и 1679 гг. принц Руперт выставил на состязание против королевской барки с 12 гребцами лопастную лодку с осадкой в 4 фута и 6 дюймов (около 1,35 м), которую приводили в движение 4–8 лошадей, и победил⁴. Первый пароход также был лопастным⁵.

Что касается серпоносной колесницы, то, по всей вероятности, ни один полководец не принял ее на вооружение. Тем не менее, она продолжала производить впечатление на непрофессионалов в течение столетий.

¹ *Moritz* 1958: Pl. 14c.

² *Müller* 1916: 1521–1530, 1551–1562, 1583–1594.

³ *Witsen* 1960.

⁴ *Savery* 1698.

⁵ О различных гребных судах см.: *Hodges* 1979: 119–126.

Можно сказать, что в итоге она была реализована в виде танка. Будучи такой, какой возможно, одна из иллюстраций серпоносной колесницы Анонима фигурировала в *Encyclopedie* французского Просвещения в середине XVIII в. Год или два спустя Вольтер с энтузиазмом верил в боевые возможности серпоносной колесницы и рекомендовал использовать ее многим полководцам, а больше всего и наиболее упорно русской императрице Екатерине II для борьбы против турок. Правда, нет никаких свидетельств, что императрица или ее генералы дали себя убедить¹. Наиболее значительной фигурой, на которую Аноним произвел впечатление, был Леонардо да Винчи. То, что это влияние было непосредственным, видно из рисунка, взятому из *Codex Atlanticus*, на котором изображена пара ручных мехов рядом с мостом, который поддерживается пузырями, и очевидно основан на иллюстрации *ascogefirus*². Леонардо также был увлечен идеей серпоносной колесницы, и он повторяет комментарий Анонима, что его колесница сможет функционировать только в том случае, если она имеет приспособление для подъема серпов³. Леонардо сделал несколько эскизов серпоносных колесниц, которые имеют грозный вид, но я сомневаюсь, что Леонардо, который хорошо разбирался в военной технике, думал об этих рисунках как об осуществимых проектах. Определенно он рассматривал рисунки Анонима как интересные фантазии и использовал свое несравненное собственное воображение, чтобы развить их дальше. Другими словами, он изобразил свое уточнение в таком же экстравагантном духе, в котором Аноним создавал свою версию серпоносной колесницы.

Подведем итог: что же было целью Анонима при написании этого труда? Он недостаточно детален, чтобы быть техническим трактатом. Он слишком отрывочен, чтобы быть руководством по военным вопросам, как *De re militare* Вегеция, даже если бы была сделана попытка довести его до конца (18,6–20,1). Вопреки тому, что автор утверждает, он не привел важных новых или малоизвестных изобретений для практического применения. В любом случае, читателю предложения Анонима покажутся либо более или менее обычными либо воображаемыми и неосуществимыми фантазиями. Это не такой документ, который императоры, будучи профессиональными военными, могли бы серьезно рассматривать как вклад для решения военных проблем Империи. В этой статье доказывается, что они для этого и не предназначались. Автор, далеко не

¹ *Giardina* 1989: IX–XV.

² *Munz* 1898. Vol. 2: 72.

³ *MacCurdy* 1939: 212; *Galluzzi* 1987: 64–66; *Marinoni* 1987: 111–130.

сумасшедший изобретатель, как это предполагалось, а человек большого ума¹ и проницательности, разумно и грамотно подходивший к тому, что и зачем он пишет в своем трактате. Да, действительно, стиль, которым написан трактат, не отличается изяществом, однако он, конечно же, и не humilis. Автор имел риторическое образование, его предложения витиеваты, а его словарь скорее абстрактный, чем ограниченный. Он пишет как частное лицо (Praef., 3), но, возможно, он бывший чиновник, поскольку может утверждать, что хорошо осведомлен и «не чужд тому, что лежит в сфере общественных интересов (non regum commoditatibus peregrinus)» (Praef., 10). Он полагает, что финансы и избегание излишних общественных трат имеют такую же важность, как и военная слава², и исходная точка его военных рекомендаций заключается в том, что они сохраняют деньги без снижения военной эффективности. Поэтому возможно, что он был гражданским лицом.

Трактат показывает, что его автор был хорошо знаком с военной и административной мыслью того времени. Если он и не вносит прямой вклад в тактическую и экономическую политику Империи, но зато он дает комментарии по текущим вопросам, Zeitkritik, по выражению Х. Брандта, которые одновременны и разумны и занимательны. Следует также заметить, что De rebus bellicis должно быть была маленькой приятной для чтения книжкой³. Какова бы ни была ценность иллюстраций как технических чертежей, они, конечно же, очень красивы. В качестве восхитительно написанного и богато иллюстрированного манускрипта эта небольшая книга⁴ была бы престижным подарком, подходящим, например, для официального лица, заведующего оружейными мастерскими, или для любого гражданского чиновника высокого ранга.

¹ Giardina 1989: XXXIII: «un dilettante geniale».

² См. начало главы I трактата, следующей после предисловия: «Финансовые соображения (aerarii utilitas) всегда соперничают по важности (imitatur) с военным престижем и славой триумфов для того, чтобы чрезмерные подарки (военным) не пробуждали семена войны... которые в свою очередь приведут к дальнейшим неограниченным требованиям (bellosum improbitas). Об интерпретации этого трудного предложения см.: Thompson 1952: 26 и Giardina 1989: 49–50.

³ Alexander 1979: 11–5; Giardina 1989: Tab. 1–12.

⁴ Он был переплетен вместе с Notitia Dignitatum и другими полезными литературными трудами: см.: Thompson 1952: 6–7; Mann 1991: 215–220.

Список сокращений

ВВ — Византийский временник. М.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

AG — *The Age of the Galley: Mediterranean Oared Vessels since Pre-Classical Times* / Ed. by R. Gardiner, J. Morrison. New York, 2000.

DOP — *Dumbarton Oaks Papers*. Washington.

DRB. Pt. 1 — *De Rebus Bellicis*. Pt. 1: Aspects of the *De Rebus Bellicis*. Papers Presented to Professor E.A. Thompson / Ed. by M.W.C. Hassall. (BAR International Series 63). Oxford.

JRMES — *Journal of Roman Military Equipment Studies*. London.

JRS — *Journal of Roman Studies*. London.

MGH AA — *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, Vol. IX. Pars I: *Chronica Minora saec. IV. V. VI. VII* / Edidit Th. Mommsen. Berlin, 1891.

RE — *Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumwissenschaft / Neue Bearbeitung*, begonnen G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1894-1972.

TC — *Cichorius C. Die Reliefs der Traianssäule. Tafelband I*. Berlin, 1896.

W — *Wescher C. Poliorcétique des Grecs: Traités théoretiques. Récits historiques*. Paris, 1867.

Список использованной литературы

1. *Бокищанин А. Г.* 1981. Источниковедение древнего Рима. М.
2. *Глушанин Е. П.* 1986. Пограничная армия Византии IV в. // ВВ. Т. 43. С. 199–204.
3. *Горелик М. В.* 1993. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.
4. *Гуторов В. А.* 1989. Античная социальная утопия. Л.
5. *Егоров А. Б.* 1988. Проблемы титулатуры римских императоров // ВДИ. № 2. С. 161–173.
6. *Егоров А. Б.* 1998. Добродетели щита Августа // Античный мир: проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб. С. 280–293.
7. *Кигурадзе Н. Ш., Лордкипанидзе Г. А., Тодуа Т. Т.* 1987. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. № 2. С. 88–92.
8. *Конноли П.* 2000. Греция и Рим; Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.
9. *Контамин Ф.* 2001. Война в Средние века / Пер. с франц. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. СПб.
10. *Лазарев С. А.* 1994. Военное сословие в Позднеримской империи // Античность и средневековье Европы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. Л. Маяк, А. З. Нюркаевой. Пермь. С. 121–126.
11. *Лазарев С. А.* 1999. Трактат Анонимного реформатора «О военном деле» / Вступительная статья, перевод с латинского и примечания С. А. Лазарева // Уржумка. 1999. № 1 (5). С. 102–117.
12. *Ле Бозэ Я.* 2001. Римская армия эпохи ранней империи / Пер. с франц. М. Н. Челинцевой. М.
13. *Малина Я., Малинова Р.* 1988. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох / Пер. с чеш. И. И. Поп, Ю. И. Ритчик, М.
14. *Махлаюк А. В.* 1996. Воинское товарищество и корпоративность римской армии // ВДИ 1996. № 1. С. 18–43.
15. *Маяк И. Л.* 1997. К вопросу о пополнении римского бюджета // Торговец и торговля в античном мире. М. С. 69–76.
16. *Моммзен Т.* 1994–1995. История Рима / Пер. с нем. Т. II–III. СПб.
17. *Негин А. Е.* 2010. К вопросу о времени появления в позднеримской армии шлемов с продольным гребнем // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. Вып. 3 (1). С. 239–244.
18. *Нефёдкин А. К.* 2001. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н. э.). СПб.

19. *Осарес Ф.* 2007. Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия) / Пер. с франц. А. В. Банникова. СПб.
20. *Снисаренко А. Б.* 1990. Эвпатриды удачи: Трагедии античных морей. Л.
21. *Удальцова З. В.* 1974. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М.
22. *Холмогоров В. И.* 1941. Полевая армия (comitatenses) Римской империи IV в. н. э. // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 12. № 86. С. 81–100.
23. *Циркин Ю. Б.* 2002. Испания и узурпация Магненция // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб. С. 207–211.
24. *Чернышов Ю. Г.* 1992. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Новосибирск.
25. *Шокарев Ю. В.* 2001. Луки и арбалеты. М.
26. *Adam J. P., Mathews A.* 1994. Roman Building: Materials and Techniques. London, 1994.
27. *Alexander J. G.* 1979. The Illustrations of the De rebus bellicis // DRB. Pt. 1. P. 11–15.
28. *Alföldi A.* 1934. Eine spätromische Helmform und ihre Schicksale im germanisch-romanischen Mittelalter // Acta Archaeologia. Bd. 5. S. 99–144.
29. *Alföldi A.* 1959. Cornuti: a Teutonic Contingent in the Service of Constantine the Great and its Decisive Role in the Battle at the Milvian Bridge. // DOP. Vol. 13. P. 169–183.
30. *Alfs J.* 1941. Der bewegliche Metallpanzer im römische Heer // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. Bd. 7. S. 69–126.
31. *Anstee J.* 1998. “Tours de Force”: An experimental Catapult/ Ballista // The Roman Frontier at the Lower Danube 4th–6th centuries / Ed. by M. Zahariade // Studia Danubiana. Bucharest. P. 131–139.
32. *Baatz D.* 1978. Recent Finds of Ancient Artillery // Britannia. Vol. 9. P. 1–17.
33. *Baatz D.* 1978a. Das Torsiongeschütz von Hatra // Antike Welt. Bd. 9. Hf. 4. S. 50–57.
34. *Baatz D.* 1982. Hellenistische Katapulte aus Ephyra (Epirus) // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 97. S. 211–233.
35. *Baatz D.* 1988. Eine Katapult-Spannbuchse aus Pityus, Geogien (UdSSR) // Saalburg-Jahrbuch. Bd. 44. S. 59–64.
36. *Baatz D.* 1999. Katapulte und mechanische Handwaffen des spätromischen Heeres // JRMES. Vol. 10. S. 5–19.
37. *Baatz D., Feugère M.* 1981. Éléments d’une catapulte romaine trouvée à Lyon // Gallia. T. 39. P. 201–209.

38. *Baatz D. , Gudea N.* 1974. Teile spätrömischen Ballisten aus Gornea und Orşova (Rumänien) // Saalburg-Jahrbuch. Bd. 31. S. 50–72.
39. *Baldwin B.* 1978. The *De Rebus Bellicis* // *Eirene: Studia Graeca et Latina*. Vol. 16. P. 23–39.
40. *Banaji J.* 2001. *Agrarian Change in Late Antiquity, Gold, Labour and Aristocratic Dominance*, Oxford.
41. *Baradez J.* 1949. *Fossatum Africae*. Paris.
42. *Barker Ph.* 1979. The Plumbatae from Wroxeter // *DRB*. Pt. 1. P. 97–99.
43. *Bates C. J.* 1894. A Forgotten Reference to Roman Mile-Castles // *Archaeologia Aeliana, or miscellaneous tracts relating to antiquities*. Vol. 16. 1894. P. 447–451.
44. *Berger P.* 1981. *The Insignia of the Notitia Dignitatum*. London.
45. *Berthelot M.* 1900. Sur le *Traité de rebus bellicis*, qui accompagne la *Notitia Dignitatum* dans les manuscrits // *Journal des savants*. III. P. 171–177.
46. *Berthelot M.* 1902. Les manuscrits de Léonard de Vinci et les machines de guerres // *Journal des savants*. № 2. P. 116–120.
47. *Biborski M.* 1994. Römische Schwerter mit Verzierung in Form von figurlichen Darstellungen und symbolischen Zeichen // *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums in Marburg 1994* / Hrg. von C. von Carnap-Bornheim. Lublin; Marburg. S. 107–135.
48. *Bishop M. C. , Couston J. C. N.* 1993. *Roman Military Equipment. from Punic Wars to the Fall of Rome*. London.
49. *Bivar A. D. H.* 1972. *Cavalry Equipment and Tactics on Euphrates* // *DOP*. Vol. 26. P. 273–291.
50. *Bohner K.* 1994. Die frühmittelalterlichen Spangenhelme und die nordische Helme der Vendelzeit // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums*. Mainz. Bd. 41. S. 471–549.
51. *Boube-Piccot Ch.* 1994. *Les bronzes antiques du Maroc*. T. IV: *L'équipement militaire et l'armement*. Paris.
52. *Brandt H.* 1988. *Zeitkritik und Spätantike*. München.
53. *Callu J.-P.* 1990. *Propos sur l'imaginaire au Bas-Empire* // *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*. T. 35: P. 77–99.
54. *Cameron A.* 1979. The Date of *Anonymus De Rebus Bellicis* // *DRB*. Pt. 1. P. 1–10.
55. *Cameron A. , Long J. , Sherry L.* 1992. *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius*. Berkeley.
56. *Campbell D. B.* 1984. *Ballistaria in First to Mid-Third Century Britain: A Reappraisal* // *Britannia*. Vol. 15. P. 75–84.
57. *Cerati A.* 1970. Pour la datation classique du «*De rebus bellicis*» // *Études*

offertes à Jean Macqueron, professeur honoraire à la Faculté de Droit et des Sciences Économique d' Aix-en-Provence. Aix-en-Provence. P. 159–167.

58. *Chevedden P. E.* 1999. Artillery in Late Antiquity: Prelude to the Middle Ages // *The Medieval City under Siege* / Ed. by I. A. Corfis, M. Wolfe. Woodbridge. P. 131–173.

59. *Coates J.* 2000. The Naval Architecture and Oar Systems of Ancient Galleys // *AG*. P. 127–141.

60. *Croom A.* 2000. The Wear and Tear of Third Century Military Equipment // *JRMES*. Vol. 11. P. 129–134.

61. *D'Amato R.*, *Sumner G.* 2009. Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier. London.

62. *Dain A.* 1967. Les strategistes byzantines // *Travaux et Mémoires*. T. 2. P. 317–390.

63. *Dennis G. T.* 1985. Three Military Byzantine Treatises: Text, Translation and Notes. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. XXV). Washington.

64. *Depeyrot G.* 1987. Le Bas-Empire romain: économie et numismatique. (Collection des Hesperides). Paris.

65. *Diels H.*, *Schramm E.* 1918. Herons Belopoiika (Schrift vom Geschütz-bau) // *Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften*. Philosophisch-historische Klasse. Bd. 2. S. 1–56.

66. *Diels H.*, *Schramm E.* 1919. Philons Belopoiika (Viertes Buch der Mechanik) // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. Philosophisch-historische Klasse. Bd. 16. S. 1–76.

67. *Dilke O. A. W.* 1971. The Roman Land Surveyors. Newton Abbot.

68. *Dittmann K. H.* 1940. Ein eiserne Spangenhelm in Kairo // *Germania*. Bd. 24. Hf. 1. S. 54–58

69. *Dixon K. R.*, *Southern P.* 1996. The Late Roman Army. London.

70. *Dixon K. R.*, *Southern P.* 1997. The Roman Cavalry: From the First to the Third Century AD. London; New York.

71. *Domaszewski A.*, *von.* 1908. Die Rangordnung der römischen Heeres // *Bonner Jahrbücher*. Hf. 117. S. 1–278.

72. *Drachmann A. G.* 1963. The Mechanical Technology of Greek and Roman Antiquity. Copenhagen, 1963.

73. *Drachmann A. G.* 1972. [Rec. in:] Marsden E. W. Greek and Roman Artillery: Technical Treatises // *Technology and Culture*. Vol. 3. P. 487–494.

74. *Drack W.*, *Fellman R.* 1988. Die Römer in der Schweiz. Stuttgart.

75. *Durliat J.* 1993. Armée et société vers 600: Le problème des soldes // *L'armée romaine et les barbares du III au VII siècle* / Ed. by F. Vallet, M. Kazansky. Paris. P. 31–38.

76. *Eagle J.* 1989. Testing Piumbatae // *Roman Military Equipment: The Sources of Evidence* / Ed. by C. van Driel-Murray. (BAR International Series 476). Oxford. P. 247–253.

77. Ebert M. 1909. Ein Spangenhelm aus Ägypten // *Prähistorische Zeitschrift*. Bd. 1. S. 163–170.
78. Ferrill A. 1988. *The Fall of the Roman Empire: Military Explanation*. London.
79. Feugere M. 2002. *Weapons of the Romans*. Stroud; Charleston.
80. Forbes R. J. 1950. *Metallurgy in Antiquity*. Leiden.
81. Giardina A. 1989. Anonimo. *Le Cose della Guerra*. Roma.
82. Gichon M. 1967. *Studien zur Militärgrenzen Roms*. Köln.
83. Gilliver C. M. 1996. Mons Graupius and the Role of Auxiliaries in Battle // *Greece and Rome*. Vol. 43. P. 54–67.
84. Goodchild R. G. 1953. The Roman and Byzantine Limes in Cyrenaica // *JRS*. Vol. 43. P. 65–76.
85. Gordon J. E. 1978. *Structures, or, Why things don't fall down*. London.
86. Gravett Ch. 1990. *Medieval Siege Warfare*. Oxford.
87. Grigg R. 1979. Portrait-bearing Illustration of the *Notitia Dignitatum* // *JRS*. Vol. 69. P. 107–124.
88. Grigg R. 1983. Inconsistency and Lassitude: the Shield Emblems of the *Notitia Dignitatum* // *JRS*. Vol. 73. P. 132–142.
89. Hanson W. S. 2007. *Elginhaugh: A Flavian Fort and its Annexe*. Vol. II. London, 2007.
90. Harmuth E. 1986. *Die Armbrust: Ein Handbuch*. Graz, 1986.
91. Hassall M. W. C. 1979. *The Inventions // De rebus bellicis*. Pt. 1: Papers. (BAR Int. Series. 63). Oxford, P. 77–95.
92. Hassall M. W. C. 1999. Perspectives on Greek and Roman Catapults // *Archaeology International*. 1998/99. P. 23–26.
93. Heather P. 1982. The anti-Scythian Tirade of Synesius' *De Regno* // *Phoenix*. Vol. 42. P. 152–172.
94. Heather P. 1991. *Goths and Romans, 331–489*. Oxford.
95. Hendy M. F. 1985. *Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450*. Cambridge.
96. Hengst D. 1981. The Prefaces of the *Historia Augusta*. Amsterdam.
97. Hocker F. M. 2000. Late Roman, Byzantine, and Islamic Galleys and Fleets // *AG*. P. 86–100.
98. Hockmann O. 1982. Spatrömische Schiffsfunde in Mainz // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Bd. 12. S. 131–150.
99. Hodges H. 1979. The Anonymous in the Later Middle Ages // *DRB*. Pt. 1. P. 119–126.
100. Hoffman D. 1969. Das spatrömische Bewegungsheer und die *Notitia Dignitatum*. Düsseldorf
101. Hornell J. 1945. Floats and Buoyed Rafts in Military Operation // *Antiquitas*. Vol. 19. № 74. P. 72–79.

102. *Hugo H.* 1630. De militia equestri antiqua et nova ad regem Philippum IV libri quinque. Antverpiae.
103. *Ireland R.* 1979. De rebus bellicis. Pt. 2: Text. (BAR Int. Series. 63). Oxford.
104. *Ireland R. I.* 1984. Praefatio // De rebus bellicis / Recensuit R. Ireland. Leipzig. P. V–XXX.
105. *Iriarte A.* 2000. Pseudo-Heron's Cheiroballistra, Another Reconstruction. I: Theoretics // JRMES. Vol. 11. P. 47–75.
106. *Iriarte A.* 2003. The Inswinging Theory // Gladius. T. 23. P. 111–140.
107. *Isaac B.* 1992. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford.
108. *James S.* 1986. Evidence from Dura-Europos for the Origins of late Roman Helmets // Syria. Vol. 63. P. 107–134.
109. *James S.* 2004. The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and other Military Equipment. London.
110. *Johnson S.* 1979. Frontier Policy in the Anonymus // DRB. Pt. 1. P. 67–75.
111. *Johnson S.* 1983. Late Roman Fortifications. London.
112. *Jones A. H. M.* 1964. The Later Roman Empire. Oxford.
113. *Jones A. H. M.* 1961. The Later Roman Empire. Vol. I–III. Oxford.
114. *Jones H. M.* 1959. Over-Taxation and Decline of the Roman Empire // Antiquity. Vol. 33. № 129. P. 39–43.
115. *Junkelmann M.* 1996. Reiter wie Statuen aus Erz. Mainz, 1996.
116. *Köchly M., Rüstow W.* 1853–1855. Griechische Kriegsschriftsteller. Tl. I–II. Leipzig.
117. *Keegan J.* 1986. The Face of Battle. New York.
118. *Kiechle F.* 1965. Die 'Taktik' des Flavius Arrianus // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1964. Berlin. Bd. 45. S. 87–129.
119. *Kinch K. F.* 1890. L'arc de triomphe de Salonique. Paris.
120. *Klumbach H.* 1973. Spätromische Gardehelme. München.
121. *Kocsis L.* 2003. A new Late Roman helmet from Heteny in the Hungarian National Museum // Libelli archaeologici. S. N. 2003. T. 1. Budapest. P. 521–552.
122. *Kolias T.* 1988. Byzantinische Waffen. Wien.
123. *Kubitchek.* 1925. Legio (der späteren Zeit) // RE. Bd. XII. 24 Hlbd. Sp. 1829–1837.
124. *Lammert F.* 1937. Τρίβολοι // RE. 2 R. Hlbd 12. Sp. 2413–2415.
125. *Lammert F.* Tribulus // RE. 2R. Hbb. 12 (1937) Sp. 2413–2415.
126. *Landels J. G.* 2000. Engineering in the Ancient World. London.
127. *Leppin H., Portmann W.* 1998. Themistios Staatsreden. Stuttgart.

128. *Lewis M. J. T.* 2001. *Surveying Instruments of Greece and Rome*. Cambridge, 2001.
129. *Lewis M. J. T., Faulkner N.* 2004. Trajan's Artillery: the Technology of a Roman Technological Revolution // *Current World Archaeology*. Vol. 3. P. 41–48.
130. *Liebel J.* 1998. Springalds and Great Crossbows. Leeds.
131. *Liebeschuetz W.* 1977. The Defences of Syria in the Sixth Century // *Studien zu den Militärgrenzen Roms: Vorträge des 10. Internationalen Limeskongresses in der Germania Inferior*. Köln: P. 487–499.
132. *Liebeschuetz W.* 1990. *Barbarians and Bishops*. Oxford.
133. *Liebeschuetz J. H. G. W.* 1990a. *From Diocelian to the Arab Conquest*. Aldershot.
134. *Liebeschuetz J. H. W. G.* 1994. *Realism and Phantasy: The Anonymous De rebus bellicis and its Afterlife // The Roman and Byzantine Army in the East / Ed. by E. Dąrowa*. Kraków. P. 119–139.
135. *Lindsay J.* 1974. *Blast-Power and Ballistics: Concepts of Force and Energy in the Ancient World*. London.
136. *Maas M.* 1992. *John Lydus and the Roman Fast*. London.
137. *MacCurdy E.* 1939. *The Notebooks of Leonardo da Vinci*. London.
138. *Macdonald G., Mullen G. Jr., Wilkins A.* 2002. Building the BBC Ballista. Lifting the Ballista or What Are You Doing Next Week? The Greco-Roman Stone-Throwing Catapult // *Timber Framing*. 65. P. 10–19.
139. *Macdowell S.* 1994. *Late Roman infantryman 236–565 AD*. Oxford.
140. *MacDowall S.* 1999. *Late Roman Cavalry 236–565 AD*. Oxford.
141. *MacMullen R.* 1960. Inscriptions on Armour and the Supply of Arms in the Roman Empire // *American Journal of Archaeology*. Vol. 64. P. 23–40.
142. *MacMullen R.* 1963. *Soldier and Civilian in the Late Roman Empire*. Cambridge.
143. *Mann J. C.* 1983. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement in the Principate*. London.
144. *Mann J. C.* 1991. The Notitia Dignitatum: Dating and Survival // *Britannia*. Vol. 22. P. 215–220.
145. *Marinoni A.* 1987. Les machines impossibles de Leonard // *Leonard de Vinci: Ingenieur et architecte / Ed. P. Galluzzi*. Montreal.
146. *Marsden E. W.* 1969. *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford.
147. *Marsden E. W.* 1971. *Greek and Roman Artillery: Technical Treatises*. Oxford.
148. *Matthews J.* 1975. Western Aristocracies and Imperial Court: A. D. 364–425. Oxford.
149. *Matthews J. F.* 1976. Mauretania in Ammianus and the Notitia Dignitatum // *Aspects of the Notitia Dignitatum / Eds. R. Goodburn, P. Bartholomew*. (BAR Supp. Ser. 15). Oxford. P. 157–186.

150. *Matthews J. F.* 1985. *Political Life und Culture in Late Roman Society*. London.
151. *Matthews J. F.* 1989. *The Roman Empire of Ammianus*. London.
152. *Mazzarino S.* 1951. *Aspetti sociali del quarto secolo*. Roma.
153. *Mazzarino S.* 1974. *Precepti del buon governo (praecepta gubernandae rei publicae) e problemi di economia militare // Bonner-Historia-Augusta-Colloquium 1971 / Hrsg. von. A. Alföldi. Bonn. S. 103–112.*
154. *Miks Ch.* 2001. *Die Χείροβαλλιστρά des Heron: Überlegungen zu einer Geschützentwicklung der Kaiserzeit // Saalburg Jahrbuch. Bd. 51. S. 153–233.*
155. *Kayumov I., Minchev A.* 2013. *The καμβέστριον and other Roman military equipment from Thracia // Proceedings of the XVIIth Roman Military Equipment Conference Zagreb 2010: Weapons and Military Equipment in a Funerary Context / Ed. by M. Sanader, A. Rendić-Miočević, D. Tončinić, I. Radman-Livaja. Zagreb. P. 327–345.*
156. *Moes R.* 1980. *Les hellenismes de l'époque theodosienne*. Strasbourg.
157. *Mommsen Th.* 1889. *Das Römische Militarwesen seit Diocletian // Hermes. Bd. 24. S. 195–275.*
158. *Moritz L. A.* 1958. *Grainmills and Flavour in the Classical World*. Oxford.
159. *Morrison J.* 2000. *Hellenistic Oared Warships 399–31 BC // AG. P. 66–77.*
160. *Müller B. A.* 1916. [Rec. in:] *Neher R.* «Der Anonymus de rebus bellicis» (Tübingen) // *Berliner Philologische Wochenschrift. Jg. 36. Kol. 1521–1530, 1551–1562, 1583–1594.*
161. *Munz E.* 1898. *Leonardo da Vinci. Vol. 2*. London.
162. *Napoli J.* 1993. *Ultimes fortifications du limes // L'armée romaine et les barbares du III au VII siècle / Ed. by F. Vallet, M. Kazansky. Paris. P. 67–73.*
163. *Neher R.* 1911. *Der Anonymus De Rebus Bellicis: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer hoher philosophischen Fakultät der Universität Tübingen*. Tübingen.
164. *Nörr D.* 1963. *Zu den geistigen und sozialen Grundlagen der spätantiken Kodifikationsbewegung: Anonymus De Rebus Bellicis, 21 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Römische Abteilung. Bd. 80. S. 109–140.*
165. *Oliver R. P.* 1955. *A Note on the De rebus bellicis // Classical Philology. Vol. 50. № 2. P. 113–119.*
166. *Parker H M. D.* 1932. *The Antiqua Legio of Vegetius // Classical Quarterly. Vol. 26. P. 137–149.*
167. *Parker S. T.* 1995. *The Typology of Roman and Byzantine Forts and Fortresses in Jordan // Studies in the History and Archaeology of Jordan V / Ed. K. 'Amr. Amman. P. 251–260.*
168. *Parker S. T.* 2006. *The Roman Frontier in Central Jordan. The Final Report on the Limes Arabicus Project 1980–1989. Vol. I*. Washington.

169. *Payne-Gallwey R. W. F.* 1903. *The Book of the Crossbow*. New York, 1995 (reprint).

170. *Pearce J. W. E.* 1951. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IX: Valentinian I–Theodosius I. London.

171. *Petrikovits H. , von.* 1971. Fortification in the North-Western Roman Empire from the Third to the Fifth Centures AD // *JRS*. № 61. P. 178–218.

172. *Poideboard A.* 1934. *La trace de Rome dans le desert de Syrie*. Paris.

173. *Prou V.* 1877. *La Chirobaliste d'Héron d'Alexandrie* // *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques*. T. 26. P. 1–319.

174. *Rankov B.* 2000. *Fleets of Early Roman Empire, 31 BC — AD 324*. // *AG*. P. 78–85.

175. *Ratsdorf H.* 2009. *Neue Gedanken zur Rekonstruktion römischer Schilde// Waffen in Aktion: Akten der 16. Internationalen Roman Military Equipment Conference (ROMECE)/ Eds A. W. Busch, H. J. Schalles. (Xantener Berichte. Bd. 16). S. 343–351.*

176. *Reece R.* 1979. *The Anonymos: A Numismatic Commentary* // *DRB*. Pt. 1. P. 59–66.

177. *Reinach A.* 1909. *Tribulus* // *DS*. T. IV. Pt. 1. P. 416–417.

178. *Reinach S.* 1922. *Une homme à projets du Bas-Empire* // *Revue archéologique*. Série 5. T. 16. P. 205–265.

179. *Rihll T.* 2007. *The Catapult: A History*. Yardley, 2007.

180. *Robinson H. R.* 1975. *The Armour of Imperial Rome*. London.

181. *Rostovtzeff M.* 1933. *Graffiti* // *Excavation at Dura-Europos Report of Fourth Season 1930–1931*. New Yaven.

182. *Rowell H. T.* 1934. *Numerus* // *RE*. Bd. XVII. Hlbd. 34. Sp. 1327–1341.

183. *Rudgren F.* 1957. *Über einige iranische Lehnwörter im Lateinischen und Griechischen* // *Orientalia Suecana*. Bd. 6. 1958. S. 31–65.

184. *Salmon J. B.* 1996. *Numeri* // *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. By S. Hornblower and A. Spawforth. Oxford; New York.

185. *Sander E.* 1934. *Der Verfall der römischen Belagerungskunst* // *Historische Zeitschrift*. Bd. 149. S. 45–76.

186. *Schmidtchen V.* 1987. *Büchsen, Bliden und Ballisten. Bernhard Rathgen und das Mittelalterliche Geschützwesen* // *Rathgen B. Das Geschütz im Mittelalter*. 1928, Dusseldorf, 1987 (reprint). S. 5–59.

187. *Savery Th.* 1698. *Navigation Improved or the Art of Rowing Ships*. London.

188. *Schneider R.* 1906. *Herons Cheiroballistra* // *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen archäologischen Instituts zu römische Abteilung*. Bd. 21. S. 142–168.

189. *Schneider R.* 1908. *Anonimi de rebus bellicis liber* / *Text und Erklärungen von R. Schneider*. Berlin.

190. *Schneider R.* 1910. Von Büchlein de rebus bellicis // Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und Deutsche Literatur und für Pädagogik. Bd. 25. Hf. 1. S. 327–342.

191. *Schönberger H.* 1969. The Roman Frontier in Germany: an Archaeological Survey // JRS. Vol. 59. P. 144–197.

192. *Schramm E.* 1917. Erläuterung der Geschützbeschreibung bei Vitruvius X. 10–12 // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. S. 718–734.

193. *Schramm E.* 1918. Die antiken Geschütze der Saalburg. Bad Homburg, 1980 (Reprint).

194. *Seeck O.* 1894. Anonymi 5 // RE. Bd. I. Sp. 2325.

195. *Seeck O.* 1921. Scholae palatinae // RE. Bd. II. A. 1. Sp. 621–624.

196. *Shadrake D.* 1997. Barbarian Warriors: Saxons, Vikings, Normans. London.

197. *Shaw J. W.* 1967. A Double-Sheaved Pulley Block from Kenchreai // Hesperia. Vol. 36. Pt. 4. P. 389–401.

198. *Sherlock D.* 1979. Plumbatae — A Note on the Method of Manufacture // DRB. Pt. 1. P. 101–102.

199. *Sim D.* 1997. Roman Chain-Mail: Experiments to Reproduce the Techniques of Manufacture // Britannia. Vol. 28. P. 359–371.

200. *Stephenson I. P.* 1999. Roman Infantry Equipment: The Later Empire. Stroud.

201. *Stevens C. E.* 1979. Summing up // DRB. Pt. 1. P. 129–131.

202. *Stevenson D. W. W.* 1997. The Manufacture of Sinew Rope // Journal of the Society of Archer-Antiquaries. Vol. 40. P. 13–17.

203. *Sumner G.* 1997. Roman Army: Wars of the Empire. London.

204. *Sumner G.* 2002. Roman Military Clothing 100 BC — AD 200. Oxford.

205. *Sumner G.* 2009. Roman Military Dress. Stroud.

206. *Syme R.* 1968. Ammianus and Historia Augusta. Oxford.

207. *Syme R.* 1971. Emperors and Biography, Oxford.

208. *Thomas E. B.* 1971. Helme, Schilde, Dolche. Studien über römisch-pannonische Waffenkunde. Budapest.

209. *Thompson E. A.* 1952. A Roman Reformer and Inventor being a New Text of the Treatise *De Rebus Bellicis* with a Translation and Introduction. Oxford.

210. *Thomson R.* 1957. Early Roman Coinage. Vol. I: The Evidence. Copenhagen.

211. *Trousdale W.* 1975. The Long Sword and the Sabbard Slide in Asia. Washington.

212. *Ulbert G.* 1994. Straubing und Nydam: Zu römischen Langschwertern der späten Limeszeit // Studien zu vor- und frühgeschichtlichen Archäologie. München. S. 197–216.

213. *Vanags P.* 1979. Taxation and Survival in the Late Fourth Century: The Anonymus' Programme of Economic Reforms // DRB. Pt. 1. P. 47–57.
214. *Vigneron P.* 1968. Le cheval dans l'Antiquité greco-romaine (des guerres médiques aux grandes invasions). Contribution à l'histoire de technique. T. 1–2 (Annales de l'Est. № 35). Nancy.
215. *Volling Th.* 1991. Plumbata — mattiobarbulus — martzobarbulon: Bemerkungen zu einem Waffenfund aus Olympia // Archäologischer Anzeiger. S. 287–298.
216. *Warmington B. H.* 1954. The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest. Cambridge.
217. *Waurick G.* 1983. Untersuchungen zur historisierenden Rüstung in der römischen Kunst // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 30. S. 265–301.
218. *Webster G.* 1969. The Imperial Roman Army. London.
219. *Wescher C.* 1867. Poliorcétique des Grecs: Traités théorétiques. Récits historiques. Paris.
220. *Wheeler E. L.* 1979. The Legio as Phalanx // Chiron. Bd. 9. P. 303–318.
221. *White K. D.* 1984. Greek and Roman Technology. London.
222. *Wickert L.* 1954. Princesps // RE. Bd. XXII. Sp. 1998–2296.
223. *Wiedemann Th.* 1979. Petitioning a Forth-Century Emperor: *The De Rebus Bellicis* // Florilegium. № 1. P. 140–150.
224. *Wightman E.* 1985. Gallia Belgica. London.
225. *Wild J. P.* Forth-Century Underwear with Special Reference to the Thoracomachus // DRB. Pt. 1. P. 105–106.
226. *Wild J. P.* 1979. Fourt-Century Underwear with Special Reference to the Thoracomachus // DRB. Pt. 1. P. 105–110.
227. *Wilkins A.* 1995. Reconstructing the Cheiroballistra // JRMES. Vol. 6. P. 5–59.
228. *Wilkins A. , Morgan L.* 2000. Scorpio and Cheiroballistra // JRMES. Vol. 11. P. 77–101.
229. *Witsen N.* 1960. Architectura navatis et regimen nauticum. Amsterdam.
230. *Zehnacker H.* 1972. La numismatique de la Republique romain: Bilan et respectives // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Tl. I. Bd. 1. Berlin; New York. P. 266–296.

Содержание

<i>Аноним</i>	
О военных делах (перевод А. К. Нефёдкина).....	5
DE REBUS BELLICIS	25
Комментарии	37
<i>М. Н. Серафимов</i>	
Анонимный трактат «О военных делах»: эпоха, автор, проекты.....	198
<i>В. Либешюц</i>	
Реализм и фантазия: анонимный трактат	
De rebus bellicis и его последующая жизнь	213
Список сокращений	235
Список использованной литературы	236

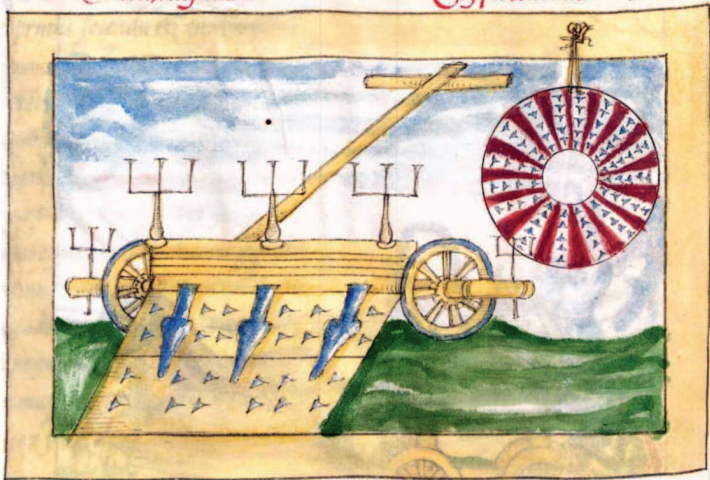
Рисунки середины XVI в. к трактату Анонима из латинской рукописи *Notitia dignitatum. Speyer, 1551*, хранящейся в Баварской государственной библиотеке (Bayerische Staatsbibliothek), BSB Clm 10291, fol. 68r, 69v, 71r, 71v, 72r, 72v, 73r, 73v, 74r, 74v, 75v, 76r.

Tichodifrus

Cypeocentrus

Jaculati

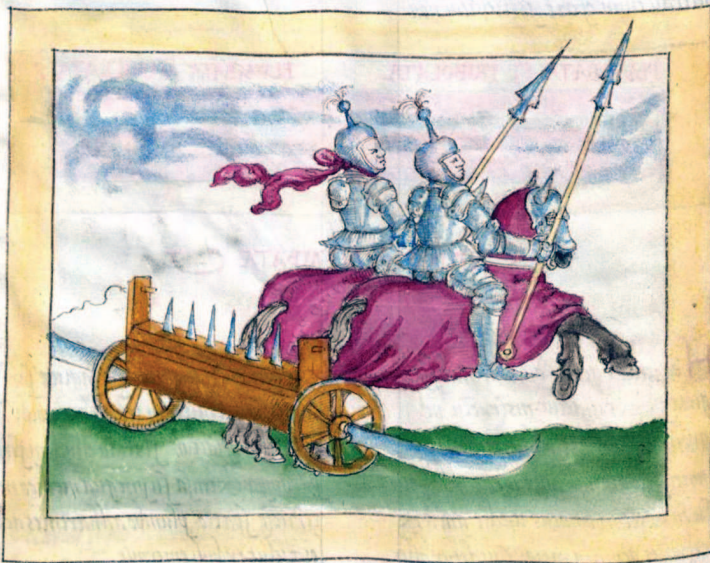

PLUMBATA ET TRIBOLATA

PLUMBATA MAMILLATA

CVRRVS DREPANVS

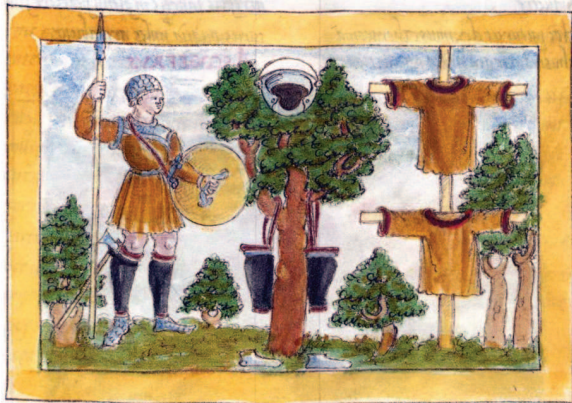
CYRODREPANVS CLYPEATVS.

CYRODREPANVS SINGVLARIS.

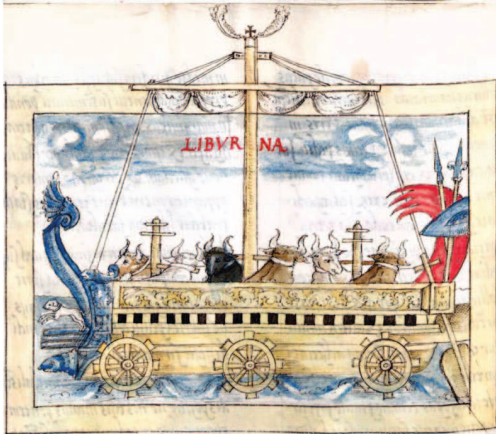
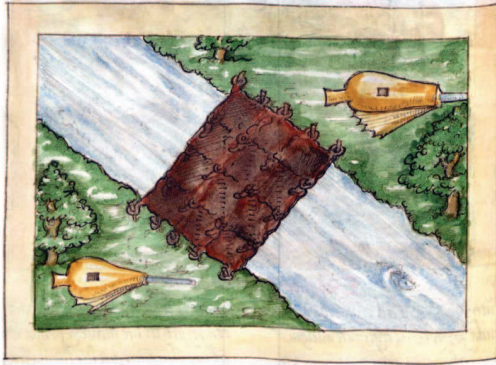

THORACQMAHVVS

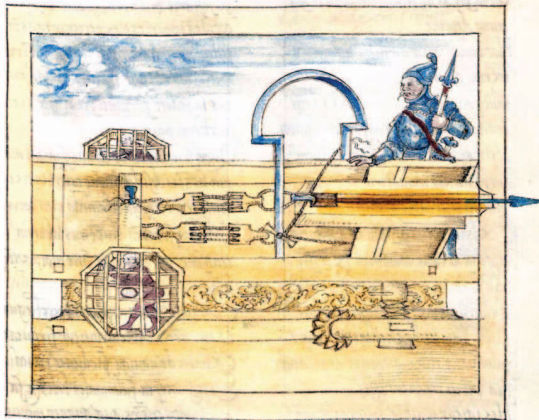

chusmūcto qui greca appellatione

ASCŌGEFRVS

BALISTA FVLMINALIS

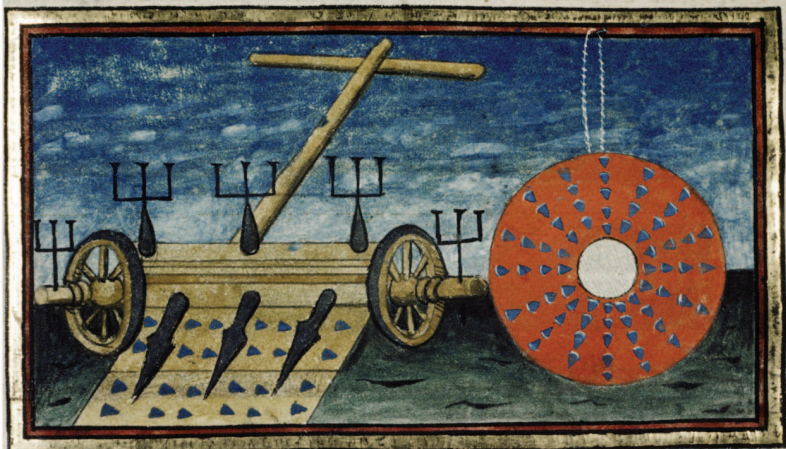

Рисунки первой трети XVI в. к трактату Анонима из рукописи *Cosmographia scoti, notitia dignitatum*. 1436, хранящейся в Бодлейской библиотеке (Bodleian Library) Оксфордского университета, MS. Canon. Misc. 378, fol. 68v, 70r, 71v, 72r, 72v, 73r, 73v, 74r, 74v, 75r, 75v, 76r.

TICHODEFRVS.

CLIPEO CENTRVS.

PLVMBATA ET TRIBOLATA. PLVMBATA MAMILLATA.

CVRRVS DREPANVS.

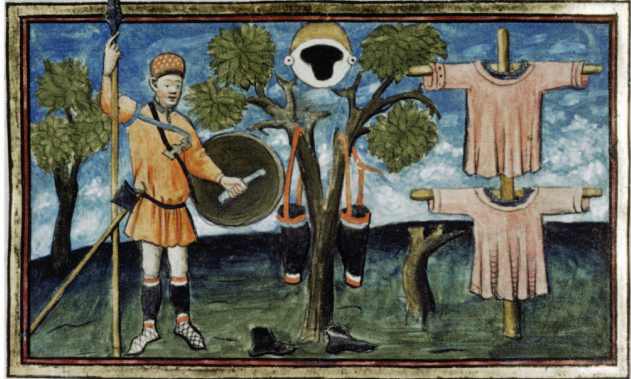
CYRRODREPANVS SINGVLARIS.

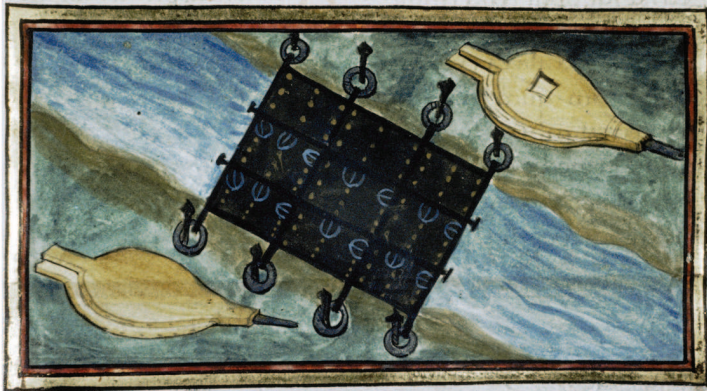
CYRRODREPANVS CLIPEATVS.

TORACOMACHVS

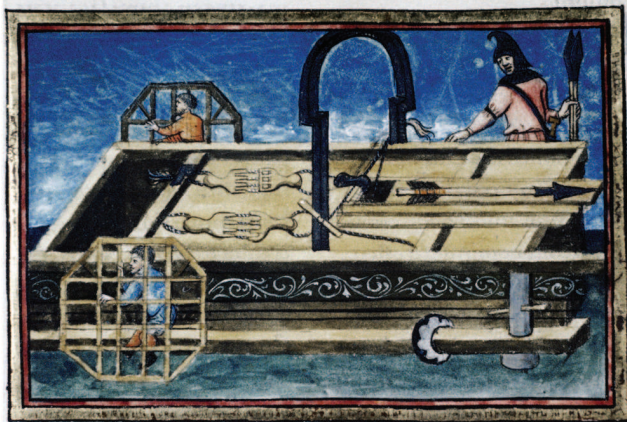
A S C O G E F R V S

LIBVANA.

BALISTA FULMINALIS.

Научное издание

Аноним

О ВОЕННЫХ ДЕЛАХ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *И. Е. Иванцова*

Оригинал-макет *Е.Г. Орловский*

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб., 9-я Советская, д. 4, офис 304. Тел. (812) 577-48-72

E-mail: aletheia92@mail.ru

Отдел продаж:

feprgo@yandex.ru, тел. (921) 951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Циолковский», Большая Молчановка, 18.

Тел. (495) 691-51-16

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60×88 / 16 . Усл. печ. л. 15,6.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., д. 12